

D E V E L O P M E N T

OF PERSONALITY

№ 1 2013

Московский педагогический
государственный университет

Валерия Мухина

Moscow Pedagogical State University
Valeria Mukhina

**№ 1
2013**

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ **Development of Personality**

Для духовной элиты,
профессионалов науки
и практики
Для тех, кто готов взять
на себя ответственность
за воспитание
и развитие личности

For the cultural elite,
professionals of science
and practice
for those who are ready
to take responsibility
for education and
development of the personality

Развитие личности

ISSN 2071-9788

Подписной индекс

Выходит 4 раза в год
2013. № 1

по каталогу «Роспечати»
37286 и 38362

Журнал входит в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Учредитель:

Московский педагогический государственный университет

Издатель:

Издательство «Прометей»

Редакция:

Главный редактор

Валерия Сергеевна Мухина, ак. РАО, д. психол. н., профессор

Заместители главного редактора

Наталья Георгиевна Осухова, к.п.н., доцент
Андрей Анатольевич Хвостов, д. психол. н., профессор

Заведующий редакцией

Леонид Михайлович Проценко, к. психол. н., доцент

Интернет-версия журнала

Анатолий Анатольевич Васильченко, к. психол. н.
Рустам Хусанович Гафуров
Александр Васильевич Ершов

Помощники главного редактора

Анна Алексеевна Лобачева
Александр Юрьевич Мишанов

Переводчик

Елена Владимировна Беловол

Редакционная коллегия:

В. В. Агеносов, д. филол. н., профессор

Ш. А. Амонашвили, ак. РАО, д. психол. н., профессор

В. С. Басюк, к. психол. н., доцент

Б. С. Братусь, чл.-корр. РАО, д. психол. н., профессор

А. И. Донцов, ак. РАО, д. психол. н., профессор

В. П. Зигченко, ак. РАО, д. психол. н., профессор

Н. И. Непомнящая, д. психол. н., профессор

В. А. Петровский, чл.-корр. РАО,

д. психол. н., профессор

Л. А. Саврасова, к. психол. н., доцент

Д. И. Фельдштейн, ак. РАО, д. психол. н.,
профессор

А. В. Черная, д. психол. н., доцент

Ответственный за выпуск

В. С. Мухина

Верстка

Н. И. Лисова

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Рукописи рецензируются и не возвращаются.

Позиция редакции может не совпадать с мнением автора.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Development of Personality

ISSN 2071-9788

Subscription index

on Catalogue of "Rospechat"

37286 и 38362

It comes out 4 times a year

2013. № 1

The journal has been included into the List of the periodic editions (Science and Technology) of Russian Federation. The publication of research papers to provide the Ph. D. and Sc. D projects with supplementary materials is recommended in the journal

The founder:

Moscow Pedagogical State University

Publisher:

Publishing house "Prometey"

Editorial staff:

<i>Editor-in-chief</i>	Valeria S. Mukhina, Academician of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.
<i>Deputies of the editor-in-chief</i>	Natalya G. Osukhova Ph. D. (pedagogics), Docent Andrey A. Khvestov, Sc. D. (psychology), Prof.
<i>Chief of editorial board</i>	Leonid M. Protsenko, Ph. D. (psychology), Docent
<i>The Internet-version</i>	Anatoly A. Vasilchenko, Ph. D. (psychology) Rustam H. Gafurov Alexander V. Ershov
<i>Assistants of the editor-in-chief</i>	Anna A. Lobacheva Alexander Yu. Mishanov
<i>Translator</i>	Elena V. Belovol

Editorial board:

V. V. Agenosov, Sc. D. (philology), Prof.	D. I. Feldstein, Academician of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.
Sh. A. Amonashvili, Academician of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.	N. I. Nepomnayzhaya, Sc. D. (psychology), Prof.
V. S. Basuk, Ph. D. (psychology), Docent	V. A. Petrovskiy, Associate of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.
B. S. Bratus, Associate of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.	L. A. Savrasova, Ph. D. (psychology), Docent
A. V. Chernya, Sc. D. (psychology), Docent	V. P. Zinchenko, Academician of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.
A. I. Dontsov, Academician of RAE, Sc. D. (psychology), Prof.	

<i>Editorial staff</i>	V. S. Mukhina
<i>Imposition</i>	N. I. Lisova

The editors become acquainted with readers' letters without being in correspondence. Manuscripts reviewed. Rejected manuscripts are not returned. Editors's views may not agree with author's opinion. The editors are not responsible for the contents of promotional material.

Содержание

Наши презентации

К юбилею Владимира Ивановича Вернадского: 150 лет со дня рождения

Антонина Ждан

Творчество В.И. Вернадского и теоретические
проблемы психологической науки 8

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Вадим Петровский

Понимание «Я»: по ту сторону «порочного круга» 27

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

Отчуждение от других:

Отчуждение ленивых и равнодушных 51

Личность в контексте культуры

Наталья Осухова

Психологическое сопровождение личности
в ситуации отсроченных последствий кризиса 74

Вячеслав Холодный

Детерминанты психо-сексуального развития 99

Практика

Реализация проекта программы психологического сопровождения подростков, лишенных родительского попечительства

Валерия Мухина, Виктор Басюк

Психологические особенности ценностных
ориентаций пожизненно осужденных
и делинквентных подростков 116

Рефлексия на себя и на других

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

Синдром Сизифа 136

Правда и ложь Великого идеополя общественного самосознания

- Валерия Мухина
Наука: Ученые, фальсификаторы
и плагиаторы (окончание)140
- Приложения к статье Валерии Мухиной «Наука:
Ученые, фальсификаторы и плагиаторы»171

Переводы

- Милтон Даймонд
Пол и гендер не одно и то же (перевод
Алены Кудриной)174

Новое поколение: новый взгляд

- Валерий Шергин
Концлагеристы.....189

Архив

- Владимир Вернадский
О научном мировоззрении (окончание)218
- Владимир Вернадский
О научных истинах223

Наши авторы

- Краткая информация об авторах.....252

Contents

Our Presentations

To 150-th anniversary of Vladimir Ivanovich Vernadsky

Antonina Zhdan

V.I. Vernadsky's scientific work and theoretical
problems of psychological science 8

Theory and Researches

Problems of development and existence of personality

Vadim Petrovskiy

Understanding of "Self": beyond "vicious circle" 27

Valeria Mukhina, Andrey Khvostov

Alienation from others:

Alienation of idlers and pococurantes..... 51

Personality in the context of culture

Natalia Osuchova

Psychological support of a person

in situation of crisis's deferred effect 74

Vyacheslav Kholodny

Determinants of psycho-sexual development 99

Practice

Implementation of the project of the programme of psychological support of adolescents deprived of parental care

Valeria Mukhina, Viktor Basyuk

Psychological peculiarities of value orientations

of life convicts and delinquent teenagers 116

Reflexion towards oneself and others

Valeria Mukhina, Andrey Khvostov

Sisyphus syndrome 136

Truth and lie of Great idiofield of social awareness

Valeria Mukhina

Science: Scientists, falsifiers and plagiarists (ending).....140

Appendices to Valeria Mukhina article "Science:

Scientists, falsifiers and plagiarists"171

Translations

Milton Diamond

Sex and Gender: Same or Different?

(translated by Alena Kudrina).....174

New generation: new outlook

Valeriy Shergin

Konzlageristy189

Archives

Vladimir Vernadsky

On Scientific World Outlook (ending)218

Vladimir Vernadsky

On scientific verities223

Our authors

Brief information about the authors.....252

Наши презентации

К юбилею Владимира Ивановича Вернадского: 150 лет со дня рождения

Антонина Ждан

ТВОРЧЕСТВО В.И. ВЕРНАДСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Рассматривается творческое наследие выдающегося ученого-энциклопедиста В.И. Вернадского (1863–1945) в его значении для психологической науки. Воссоздается хроника его жизни и деятельности в контексте социо-культурных условий. Раскрываются важнейшие понятия учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, мировоззренческие представления о соотношении науки и других областей духовной деятельности человека, взгляд на современное значение истории знаний. Обосновывается положение о непреходящей ценности идей В.И. Вернадского о методологии научного исследования для современной психологии.

Ключевые слова: биосфера; ноосфера; наука; философия; религия; история науки; научное мировоззрение; методология; развитие; человек как геологическая сила.

Abstract. Creative heritage of outstanding scientist-encyclopedist V.I. Vernadsky (1863–1945) in its meaning for psychology is considered. The chronicle of his life and activity in the context of socio-cultural conditions is reconstructed. The most important concepts of V.I. Vernadsky's studies of biosphere and noosphere, philosophical notions of interrelation between science and other areas of human spiritual activity, view on contemporary meaning of knowledge's history are revealed. The statement of everlasting value of V.I. Vernadsky's ideas on research methodology for modern psychology is substantiated.

Keywords: biosphere; noosphere; science; philosophy; religion; history of science; scientific worldview; methodology; development; human as a geological force.

Человеческая личность есть, по существу, величайшая драгоценность, которая может – при правильной государственной политике – превратиться в величайшее национальное богатство.

В.И. Вернадский

Наука одна, нераздельна, она дала и много даст, она не знает ни племен, ни сословий; она не знает и времени, т.к. в ней все преемственно переходит от поколения к поколению и память об этом ходе сохраняется.

В.И. Вернадский

Введение в научную биографию

Обширное научное наследие *Владимира Ивановича Вернадского* (28.02 (12.03) 1863–6.01.1945) – его труды, дневники, переписка – ученого-энциклопедиста и мыслителя, посвящено различным областям естествознания. В.И. Вернадский был ученым-энциклопедистом, крупным организатором науки и высшего образования в нашей стране. Он создал новые области и направления естествознания: геохимию, радиогеологию, биогеохимию. Будучи автором трудов по истории научной мысли, В.И. Вернадский создал в системе Академии Наук самостоятельную организацию по изучению истории науки и научного творчества, был членом Международного общества историков науки, основанного Джорджем Сартоном (США).

На основе изучения геологической истории нашей планеты В.И. Вернадский создал фундаментальную концепцию эволюции природы, в которой показано последовательное образование вокруг земной коры сначала безжизненных оболочек (литосферы, гидросферы, атмосферы) а затем с возникновением живого вещества – *биосферы*, переходящей в новое эволюционное состояние – *ноосферу* как этап, который связан с разумной трудовой деятельностью человека, с развитием науки.

Согласно видению ученого, сначала живые существа, а затем человек стали активно изменять, преобразовывать земную кору, в результате чего образовались эти новые оболочки Земли. В.И. Вернадский раскрыл роль живых организмов, или, как он любил говорить, живого вещества и показал роль человеческой деятельности в геологических процессах преобразований природных условий Земли. До него геологические изменения объяснялись за счет таких сил как работа рек и океанов, ветра, ледников, вулканов. Труды В.И. Вернадского, посвященные учению о биосфере Земли и о ее преобразовании в ноосферу, научно показали влияние,

которое оказывает на геохимические процессы человеческая мысль и основанные на ней действия, какие последствия они могут иметь.

Писал В.И. Вернадский и о научном мировоззрении [1]. На огромном материале истории знаний он доказал, что научно создаваемая картина мира изменяет науки о человеке, – они «смыкаются с науками о природе», и в то же время «история смыкается с биологическими науками» [1, с. 239–240]. Синтез естественно-научных, социально-исторических, философских и этических проблем в трудах В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере создал также теоретический фундамент для разработки путей психологических исследований, и, прежде всего, в области методологии.

Обращение
психологов к трудам
В.И. Вернадского

Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере получило признание и в психологической науке. Оно реально раскрывает сознание человека как продукт развития мира. Понятия биосферы и ноосферы стали базовыми для всех психологических концепций, разделяющих эволюционный подход к разработке основных психологических проблем.

«Геобиохимия»
В.И. Вернадского

Философ-психолог С.Л. Рубинштейн (1889–1960) в своей опубликованной посмертно книге «Человек и мир» (1997) ссылаясь на геобиохимию (так писал С.Л. Рубинштейн, у В.И. Вернадского – биогеохимия). В первой части этого труда «Философское понятие бытия» он дифференцировал категории пространства и времени как формы существования сущего, а также указывал на специфику детерминации по отношению к разным уровням бытия. «Разным уровням бытия (особенно человеческого бытия), – писал С.Л. Рубинштейн, – соответствуют категории разных уровней: пространство выступает как пространство физико-химических процессов, пространство организмов и пространство человеческой жизни. Точно также время существует как время природы, физики, движения материи, жизни и как время человеческой истории (А.Бергсон, В.Гейзенберг)» [2, с. 21].

Основатель общепсихологической концепции установки Д.Н. Узнадзе, независимо от В.И. Вернадского, ввел термин «биосфера» или «биосферическая реальность». Он ввел его как теоретический конструкт и обозначил им нерасчлененную область действительности, в которой нет противопоставления субъективного и объективного полюсов. Биосфера становится основой целесообразности активности живых существ. Данная конструкция стала предтечей теории установки.

Значение мысли
как планетарное
явление

М.Г. Ярошевский и Л.И. Анцыферова в книге «Развитие и современное состояние зарубежной психологии» в контексте взаимодействия психологии с философией и другими науками писали о значении идей В.И. Вернадского о мысли как планетарном явлении для понимания места личности в истории и во вселенной в целом [3, с. 14].

Методологические
аспекты идей
В.И. Вернадского

В.А. Кольцова в своих исследованиях по методологии истории психологии, указала на значение трудов В.И. Вернадского, его организаторской деятельности по развертыванию исследований в области изучения истории научных знаний [4].

О четырех типах
организации живого

Б.Ф. Ломов в контексте развиваемых им идей системного исследования психики человека остановил внимание на положении о том, «что человек выступает и как природное, прежде всего, биологическое существо... необходимая «составляющая» его жизни – это биологическое развитие. Биологические свойства человека (свойства, обусловленные его принадлежностью к биологической системе) также многообразны. Это определяется многообразием типов (или уровней) организации живого» [5, с. 83]. И далее он ссылаясь на построения В.И. Вернадского о четырех типах организации живого: организменном, популяционно-видовом, биоценотическом и биосферном. Б.Ф. Ломов утверждал, что все они должны учитываться в психологических исследованиях.

Необходимо
считаться
с законами природы
биосферы

Б.Г. Ананьев в целях преодоления раздробленности научных знаний о человеке обосновал принципы новой науки – *человекознания*. Он показал, что человек является объектом изучения в различных науках, в которых он рассматривается в различных системах связей. Исходной выступает связь «природа – человек» в русле комплекса естественных наук и медицины. В своей книге Б.Г. Ананьев достаточно подробно остановился на учении В.И. Вернадского, а также неразрывно связанных с его идеями работах П.Тейяр де Шардена. Б.Г. Ананьев считал обоснованными упреки В.И. Вернадского в адрес ученых гуманитарных наук, сознательно не считающихся с законами природы биосферы – той земной оболочкой, где только и может существовать жизнь. Человек и человечество неотделимы от нее. «Они геологически закономерно связаны с ее материально-энергетической структурой... биосфера – (далее Б.Г. Ананьев цитировал В.И. Вернадского) – это «планетное (курсив Вернадского) явление космического характера» [6, с. 70]. Таким образом, Б.Г. Ананьев утверждал, что при-

В основу
человековедения
должно быть
положено учение
о биосфере
и ноосфере

нятое со времен В.И. Вернадского в естествознании изучение человека как компонента и продукта совокупного воздействия биосферы непременно должно быть включено в структуру человекознания.

Согласно Б.Г. Ананьеву, «наиболее важной областью естествознания, граничащей с историей, социологией и системой человекознания, является проблема ноосферы, составляющей одну из главных сторон связей «человечество–природа» [6, с.73]. Отталкиваясь от определения, ноосферы, разработанного В.И. Вернадским, («ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой» [6, с.74]), Б.Г. Ананьев далее использует выразительные характеристики ноосферы, сформулированные Тейяром де Шарденом. Как известно, Тейяр де Шарден совместно с Ле-Руа ввел это понятие, основываясь на биогеохимической теории биосферы В.И. Вернадского. Приведем те характеристики, которые дал в своей книге Б.Г. Ананьев. Он писал: «Признав и выделив в истории эволюции новую эру ноогенеза, мы соответственно вынуждены в великолепном соединении земных оболочек выделить пропорциональную данному процессу опору, то есть еще одну пленку, ... столь же обширная, но... значительно более цельная, чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров «мыслящий пласт», который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных вне биосферы и над ней» [6, с. 74–75]. В дополнение к учению о ноосфере В.И. Вернадского и Тейяр де Шардена, Б.Г. Ананьев подчеркивал развернувшееся освоение космоса как еще одну активную форму отношения человека к природе, которая существенно расширила изучение проблемы «человек и человечество – природа». Таким образом, психолог Б.Г. Ананьев обосновал положение о том, что в основу человекознания должно быть положено учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере и те новые данные о них, которые получены в процессе развития идей этого учения в современной науке.

Приведенные данные – лишь неполная иллюстрация положения о признании психологами значения фундаментального учения В.И. Вернадского для решения важнейших психологических проблем. Необходимо взвешивать изучение и глубокий анализ трудов В.И. Вернадского во всей их целостности. Только такой подход к наследию мыслителя позволит раскрыть содержащийся в них потенциал для психологии. Пока

В.И. Вернадский
о психологии

Член Московского
психологического
общества

Связь идей
о ноосфере с другими
областями духовной
жизни

наследие В.И. Вернадского освоено психологами крайне недостаточно.

Большой интерес представляет вопрос о том, обращался ли В.И. Вернадский в своих исследованиях, охватывающих широкий круг научных дисциплин и философию, к психологии. Факты научной биографии и его труды позволяют дать положительный ответ на этот вопрос.

В.И. Вернадский более 20 лет (1890–1911) работал на физико-математическом факультете Московского университета. В 1901 г. он стал членом *Московского психологического общества* (основано при Императорском Московском университете в 1885 г.).

В.И. Вернадский активно участвовал в работе психологического общества. Так, 28 декабря 1904 г. он сделал на заседании общества доклад на тему: *«Кант и естествознание XVIII столетия»*. В своем выступлении он не только раскрыл содержание научных работ И. Канта о происхождении Вселенной, но и показал их значение в качестве истока его философии. Доклад был опубликован в органе Психологического общества – журнале *«Вопросы философии и психологии»**. Ранее в этом же журнале был опубликован текст лекции В.И. Вернадского *«О научном мировоззрении»* (это первая из курса лекций по истории современного научного мировоззрения, прочитанного ученым в Московском университете в 1902–1903 гг.) [7].

Председатель Психологического общества философ и психолог Л.М. Лопатин дал комментарий на эту лекцию, опубликовав в нескольких номерах журнала *«Вопросы философии и психологии»* в 1903 и 1904 гг. обширные статьи [8, с. 239–314]. Отметив, что в статье В.И. Вернадского «высказывается весьма важное новое слово, тем более интересное, что оно исходит от авторитетного представителя положительной науки и от убежденного последователя строго научного взгляда на вещи» [8, с. 239], Л.М. Лопатин подчеркнул ценность идей В.И. Вернадского «о зависимости идей и предположений научного мировоззрения от других областей духовной жизни» [8, с. 241] таких как религия, искусство, философия. Одновременное сплетение всех этих проявлений человеческого ума Вернадский рассматривал как ту питательную среду, ту атмосферу, в которой происходит научная деятельность. Эти положения Вер-

* См.: Вопросы философии и психологии. – 1905. – Кн. 76. – С. 36–70.

Странная идея
сделать из
философии науку

надского были направлены против позитивистской схемы О. Конта о сменяющих друг друга фазах человеческого сознания – от религиозного – к философскому и от него – к научному, что означает конец роли философии, ее замену позитивной наукой. Предметом собственного рассмотрения Л.М. Лопатин сделал лишь один вопрос: взгляды В.И. Вернадского на философию и ее место в научном мировоззрении.

О Психологическом обществе и его журнале В.И. Вернадский позже оставил в своей автобиографии любопытную заметку. 2 декабря 1890 г. он записал на страницах своего дневника: «Станный это журнал, и странная каша в головах наших философов, желающих сделать из философии науку. Удивительно также, как мышление «философское» отстает от научных данных и вследствие недостатка научной образованности, главным образом в естественных и математических науках, часто приходит к самым комичным заявлениям. Я думаю, вышла бы чрезвычайно интересная статья, если собрать перлы подобного верхоглядства – помнится в этом отношении Грот дошел *pes plus ultra* в своей статье о Дж. Бруно» [9, с. 88].

Однако среди тех, с кем он познакомился на заседаниях Психологического общества были и весьма интересные для В.И. Вернадского ученые. Книгу одного из них, – философа Г.Г. Шпета, – об истории русской философии В.И. Вернадский взял с собой в Париж, куда выехал по приглашению ректора Сорбонны для чтения лекций в мае 1922 г. Позже, он отозвался на книгу Г.Г. Шпета в своих дневниках 1921–1924гг.: назвал её не просто любопытной, а чрезвычайно ценной уже тем, что содержит «начало критического отношения к развитию русской мысли» и «интересные концепции».

О созвучных
с идеями
В.И. Вернадского
работах ряда других
ученых

В своих трудах В.И. Вернадский ссылался на работы некоторых ученых-психологов, идеи которых воспринимались им как созвучные его научным представлениям. Таких ссылок немного, но все они являются драгоценным свидетельством того, что в сферу воззрений и интересов В.И. Вернадского входили также материалы гуманитарной философско-психологической мысли. Признавая, что вопрос о времени разрабатывался до последнего времени философами в контакте, главным образом, с физиками и математиками, В.И. Вернадский считал этот вопрос настолько глубоким и широким, что: «...необходим контакт философов не только с физиками, но и психологами и историками» [9, с. 336].

Он отмечал особое значение «оригинальной и глубокой личности» Ф. Brentano [9, с. 334], который на

несколько лет раньше А. Бергсона сделал важный шаг в направлении научного понимания пространства и времени. В.И. Вернадский сочувственно привел слова Ф. Brentano, который еще в 1869 году, а затем в своем основном фундаментальном труде «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) определил, что «метод философии есть метод естествознания» [9, с. 334], порвав таким образом с идеализмом И. Канта и решившись «самостоятельно, восстановив связь с Аристотелем». Он отметил, что Ф. Brentano оставил после себя «плеяду крупных немецких мыслителей», оказав влияние на Э. Гуссерля, через него – на М. Хайдеггера, «ставящего время в основу своей философии» [9, с. 335]. В то же время течение, идущее от Ф. Brentano, он оценивал менее высоко, чем мысль А.Л. Бергсона, «ибо Бергсон в конце концов связывает проблему времени с эволюцией жизненных форм, тогда как Хайдеггер и Brentano больше углубляются только в проблему человеческого сознания. Для Хайдеггера человек есть историческое существо, то есть по существу для его сознания основой является время (*die Zeit*). Но очевидно и для научной мысли, раз конструкция мира сводится к пространству-времени, и сознание человека, поскольку оно охватывается методами научного исследования, должно иметь свои корни в пространстве-времени. Насколько в нем проявляется сознание – время (но и пространство) должно составлять его основу. Время может изучаться и путем сознания» [9, с. 335].

Более подробно В.И. Вернадский останавливался на *гештальтпсихологии*. Он высоко оценивал представления психологов этого направления, которые, изучая психическую деятельность человека и животных, пришли к идеям, аналогичным *идее поля в физике*. Центральное понятие этой концепции – *Gestalt*, то есть форма – это представление, согласно которому в психике человека и животных проявляется свойство целостности, которое объясняется как продукт физиологических структур мозга. В.И. Вернадский воссоздал историю этого понятия. В 1890 г. Х. фон Эренфельс, последователь Ф. Brentano, входивший в австрийскую психологическую школу, ввел понятие *Gestaltqualitat* – *качество формы*. Им он обозначил факт целостности, характерный для восприятия таких объектов как мелодия, геометрические формы и т.п., для которых характерна несводимость целого (например, мелодии) к сумме частей (совокупности качеств отдельных звуков, из которых складывается, но к сумме которых не сводится определенная мелодия).

О гештальт-психологии и идее поля в физике

Граница между научной и философской мыслью стирается

Методологические уроки В.И. Вернадского

Научное мировоззрение как отношение к окружающему нас миру

Этот факт объяснялся законами работы мозга. Таким образом, философ пришел к идее, которая указывала «на проявление в духовной работе человека определенной их структуры, очевидно покоящейся на структуре мозга, нервной системы. В конце концов, – как отмечал далее В.И. Вернадский, – это послужило толчком к развитию новой отрасли знания – образной психологии – Gestaltpsychologie» [9, с. 374].

Для В.И. Вернадского особенно важно, что в понятии гештальткчества обнаружилось, что «граница между научной и философской мыслью стирается, ибо... рабочая гипотеза или даже научная гипотеза впервые формулируется философской мыслью» [9, с. 374]. Вслед за этим немедленно «выявилось стремление связать строение субстрата духовной работы высших организмов с явлениями физическими, то есть неживой природы. Это было сделано В. Келером, указавшим на ряд физических явлений, сюда относящихся, в том числе физических полей. Ясно, что мы имеем в этом биофизическом явлении частный случай более общего и глубокого проявления свойств процессов, идущих в пространстве» [9, с. 374].

Заслуживают внимания также психологические идеи В.И. Вернадского о процессе творческой деятельности, о признании им роли интуиции и вдохновения в работе ученого.

Конечно, содержащиеся в работах В.И. Вернадского немногочисленные (по сравнению с другими науками) данные, непосредственно связанные с психологией, не исчерпывают всей значимости его деятельности для нашей науки. Важнее этих конкретных ссылок *общая методологическая* составляющая его трудов, утверждающая *действенную роль методологии* в работе человека *науки*. В своем творчестве В.И. Вернадский поставил коренные методологические вопросы, которые в своей совокупности образуют *целостную систему научного мировоззрения*. С одной стороны, эта система выступала как база его творческого мышления, а с другой – она вырабатывалась, формировалась в процессе научных исканий.

«Именем научного мировоззрения, – писал В.И. Вернадский, – мы называем представление о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой; под этим именем мы подразумеваем *определенное отношение к окружающему нас миру явлений*, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным

принципам научного искания. Отдельные частные явления соединяются вместе как части одного целого, и в конце концов получается одна картина Вселенной, Космоса, в которую входят и движения небесных светил, и строение мельчайших организмов, превращения человеческих обществ, исторические явления, логические законы мышления или бесконечные законы формы и числа, даваемые математикой» [1, с. 43]. При этом, по определению В.И. Вернадского, научное мировоззрение как создание и выражение человеческого духа, существует «наравне с другими проявлениями той же работы, такими как «религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание. Подобно этим крупным отражениям человеческой личности, и научное мировоззрение меняется в разные эпохи у разных народов, имеет свои законы изменения и определенные живые формы проявления» [1, с. 39].

Мировоззренческие взгляды В.И. Вернадского представляют непреходящую и несомненную ценность для психологии. Их можно рассматривать как *уроки по методологии психологического научного познания*. В современных условиях, когда психология переживает период трудных методологических исканий, обращение к этому пласту наследия Вернадского особенно актуально, ибо может служить надежным ориентиром для работы в этой области.

Мысли В.И. Вернадского содержат комплекс методологических идей. Вот важнейшие из них: положение о внутренней связи науки и вненаучных областей знания (особенно о соотношении науки с философией и религией); проблема преемственности и связанные с ней вопросы прогресса и традиций в научном познании; положение о соотношении естественных и гуманитарных наук и идея их синтеза; разные формы научного знания, фундаментальная и прикладная наука; характеристика периодов *взрывчатых изменений научного знания и кризисов в развитии науки*; представление о том, как сочетаются *интернациональный характер науки и национальное начало*, в усилиях ученых разных стран; проблема *истины в науке*; представление о соотношении теоретического и эмпирического знания и месте *эмпирических обобщений* (понятие введено В.И. Вернадским) в структуре науки; роль *математической формализации* в научном познании, о значении математики в связи с критериями научности знаний; о *научной этике и об ответственности ученого*; принцип исто-

Мировоззрение В.И. Вернадского представляет собой непреходящую ценность для психологии

Комплекс методологических идей – исторический урок В.И. Вернадского

ризма в научном мышлении, идеи о значении истории науки в работе ученого и о необходимости изучения истории научной и философской мысли.

Соприкосновение с творческим наследием В.И. Вернадского способствует построению у современного ученого основательного фундамента для собственных размышлений над методологическими вопросами. Оно помогает исследователю выработать собственную методологическую позицию, без опоры на которую ученый не может работать в соответствии с состоянием и требованиями современной науки. В этом и заключается главный исторический урок В.И. Вернадского в области научной методологии. Рассмотрим эти положения более подробно.

Значение исторического аспекта в научной работе

В трудах В.И. Вернадского отчетливо выступает чрезвычайная важность истории науки. «Сохранение исторического аспекта в научной работе, – писал В.И. Вернадский, – является всегда необходимым, так как дает возможность критически относиться к научным теориям и гипотезам, оценивать насколько полно, но односторонне собраны научные факты, на которых строится современное научное знание, ясно понимать всегда преходящее значение научных гипотез, моделей, теорий, охватывать те научные факты, которые оставляются ими в стороне, «забываются» в научной работе» [9, с. 342]. Весь его опыт убеждает, что историческая рефлексия необходима для работы в науке, представляющей собой преемственный процесс, поскольку она позволяет прогнозировать будущее науки. О своей работе в науке В.И. Вернадский писал: «По публикациям можно судить обо всем объеме тех исторических исследований, которые мне пришлось сделать в процессе работы. Вся основа моей книги (имеются ввиду «Очерки геохимии», А.Ж.) – историческая»* [1, с. 300].

Единство умственной жизни человечества: важность истории знания в Европе и Азии

Придавая исключительную важность истории знания, В.И. Вернадский отошел от распространенного даже в современной науке европоцентризма: он признал огромное значение научной мысли народов Азии. Мыслитель называл Азию «колыбелью многих глубочайших и важнейших созданий человеческого духа». При этом он замечал, что «для нас, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, то есть возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, – это есть наше воз-

* Согласно В.И. Вернадскому, «русская научная мысль вступила в мировую работу с XVIII в.» [1, с. 228].

Связь научного
знания
с вненаучными
источниками
знания

рождение» [10, с. 64]. В.И. Вернадский неоднократно высказывал мысли о необходимости участия русских в подъеме производительных сил, а также в научном и культурном подъеме азиатской части России. В его дневниках встречается такая эмоциональная запись: «Иногда одновременно при чтении Плавта и при чтении истории Средней Азии ... трепетно бьется сердце от чувства единства умственной жизни человечества. Хочется штрихами воссоздать эту цивилизацию – только нет сил» [1, с.94].

В.И. Вернадский исходил из положения об исключительном значении научного знания, подчеркивал не только его *специфику*, но одновременно и *связь с вненаучными* источниками знания: «бесконечная сложность действительного выяснения научных истин», как свидетельствует вся история науки, неразрывно связана с другими областями духовной деятельности человека, и прежде всего, с *философией и религией*, а также обыденным знанием, в недрах которых возникали и затем вошли в науку многие идеи. Вся история свидетельствует о том, что наука зародилась в недрах философии. «Я смотрю на значение философии в развитии знания совсем иначе, чем большинство натуралистов, и придаю ей огромное, плодотворное значение, – писал жене 24 июля 1902 года, – Мне кажется, это стороны одного и того же процесса – стороны, совершенно неизбежные и неотделимые. Они отделяются только в нашем уме. Если бы одна из них заглохла, прекратился бы живой рост другой. Развитие научной мысли никогда долго не идет дедукцией или индукцией – оно должно иметь свои корни в другой, более полной поэзии и фантазии области; это – область философии. Философия всегда заключает *зародыши*, иногда даже предвосхищает целые области будущего развития науки... В истории развития научной мысли ясно и точно прослеживается значение философии как корней и жизненной атмосферы научного искания» [9, с. 412]. И в другом месте: «Никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий науку элемент во все время ее существования» [1, с. 51].

В.И. Вернадский считал неправильным выделять какую-то одну философскую концепцию в качестве единственной основы научной работы. Он писал: «По существу, наука и научная работа может сосуществовать со всякой философской системой. По существу нет

Наука может
существовать
с философской
системой

Отечественная философия начала выступать от имени диалектического материализма

О связи науки и религии

философии научной и ненаучной. Нет такой, которая совпадала бы в своих построениях с наукой, являлась бы для нее существенно более необходимой, чем другая. Наука пользуется результатами всей философской работы, то есть всех ее течений без исключения, ибо только в многообразии движется философская мысль» [9, с. 73].

Это было сказано в 1928 г., то есть в то время, когда отечественная философия выступала от имени диалектического материализма, в науке было обязательным следовать марксизму.

Развернувшаяся в 20-х годах XX столетия борьба между «механистами» и «меньшевистствующими идеалистами» прямо отразилась на отношении к учению В.И. Вернадского, которого обвиняли в идеализме, идеологической контрреволюции и т.п. Среди критиков был философ А.М. Деборин. Его кандидатура выдвигалась к избранию в АН СССР по отделению философии. В.И. Вернадский выступил против кандидатуры А.М. Деборина, подробно обосновал свое мнение, которое изложил в письменной форме. Здесь он, подчеркнув, что наука развивается собственными научными методами, а не философскими достижениями, писал: «Это верно по отношению ко всякой философии. Диалектический материализм не отличается здесь от других философских течений» [9, с. 73].

О соотношении науки и религии В.И. Вернадский писал: «Некоторые части даже современного научного мировоззрения были достигнуты не путем научного искания или научной мысли – они вошли в науку извне; из религиозных идей, из философии, из общественной жизни, из искусства. Но они удержались в ней только потому, что выдержали пробу научного метода» [1, с. 44].

Вся история человеческой мысли говорит о связях науки с философией и религией. «Если же мы рассмотрим во всю историю христианства в связи с вековым его спором с наукой, мы увидим, что под влиянием этой последней понимание христианства начинает принимать новые формы, и религия поднимается в такие высоты и спускается в такие глубины души, куда наука не может за ней следовать... Как христианство не одолело науки в ее области, но в этой борьбе глубже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет сломить христианскую или иную религию, но ближе определит и уяснит формы своего ведения» [1, с. 52]. Как свидетельствует история, все эти области человеческого сознания – наука, философия, религия «не представляют чего-нибудь неподвижного, они вечно

Разные формы
научного знания
и эмпирическое
обобщение

растут, изменяются... Создания философской мысли и религиозного созерцания не теряют при этом того своеобразного характера, который свойствен почти всем созданиям человеческого духа. На них лежит, если можно так выразиться, печать бесконечности» [1, с. 55]. Эти идеи В.И. Вернадского чрезвычайно актуальны в свете острых современных дискуссий в психологии по вопросу о соотношении науки с философией и религией.

В связи с вопросами о *критериях научности* знания большой интерес представляют мысли В.И. Вернадского о разных формах научного знания. Он ввел в оборот понятие *эмпирическое обобщение*. Этим термином он обозначал научные эмпирические факты, количество которых, по его словам, исчисляется многими десятками миллионов. К наиболее крупным из них он, к примеру, относил периодическую систему элементов Д.И. Менделеева, все естественные классификации в мире *естественных тел* как неорганической, так и органической природы – растений, животных. Эмпирические обобщения «выражают в понятиях те соотношения, которые логически вытекают из сопоставления фактов» [9, с. 310]. Они не выходят за пределы научных фактов, они не отличаются точностью, в отличие от логических и математических понятий. «Но нет никаких оснований думать, что при дальнейшем развитии науки все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы или под так или иначе выраженные числовые правильные соотношения; нельзя думать, что в этом заключается цель научной работы» [1, с. 46]. Эти положения важны для психологии, в которой в последнее время достаточно распространены попытки отождествлять научность с математической формализацией психологических знаний.

Различия
фундаментальной
и прикладной наук

Различая *фундаментальную и прикладную* науки, В.И. Вернадский не допускал их разрыва: «научное знание – прикладное и чистое – есть единое явление, различие которого сводится прежде всего к различию проблем» [10, с. 409].

В нашей науке сегодня на волне бурной активности психологов-практиков различие задач познания, исследования и психологической помощи вылилось в расщепление психологии на академическую и практическую, которое Ф.Е. Василук метко назвал «схизисом». Сложившаяся ситуация разрешима при условии учета этого общего для всех наук положения, сформулированного В.И. Вернадским, и опоры на опыт классических работ Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева,

Коренные периоды
изменений
в научной картине
мира

А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и др.

Рассматривая процесс науки во всей его сложности, В.И. Вернадский выделял в ходе ее развития периоды, когда происходят повороты, коренные изменения в научной картине мира. К таким периодам относится эпоха создания новой науки в XVI – XVII веках, когда, как писал В.И. Вернадский, «сложился и окончательно обозначился основной остов современного научного мирозерцания, чуждый и неизвестный всей древней философии... И в настоящее время философия, по-видимому, переживает новую переработку своих проблем под влиянием роста научного мышления в XIX в.» [1, с. 57]. Великие переломы в процессе развития науки он называл термином «взрыв научного творчества». Таким периодом он считал и научное творчество в нашей стране в советские годы. Он писал: «научные достижения» не есть что-нибудь готовое, статическое, – это явление динамическое, находящееся в Werden. Они быстро и неуловимо меняются в связи с переживаемым взрывом научного творчества, который удивляет, а иногда пугает современников, в связи с научными проблемами, ставимыми жизнью, сейчас находящимися в величайшем движении» [10, с. 461].

Кризисы в науке,
философии
и религии

Время крупных переломов в развитии науки часто называют кризисом. В психологии существует большая литература, в которой под этим термином рассматривается период первой четверти XX в., отмеченный крупными достижениями в психологической науке при отсутствии единого понимания ее центральных проблем предмета и методов. К. Бюлер, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн дали глубокий анализ психологического кризиса. В.И. Вернадский не поддерживал определение периодов развития науки, для которых характерны новаторские процессы, как кризисных. В одной из своих записок о совершенствовании работы Академии наук (1930 г.) он писал: «Говорят о кризисе науки нашего времени. В действительности кризис идет в философии и религии под влиянием взрывчатого подъема научного творчества. Наше время отвечает мировым переломам научной мысли, которые совершаются один-два раза в тысячелетие. Так же мало можно говорить о кризисе науки сейчас, как мало можно говорить о нем в эпоху Коперника или Ньютона» [10, с. 459]. Думаю, что сегодня, когда тема кризиса в психологии продолжает занимать большое место в психологических дискуссиях, уместно вспомнить эти размышления великого В.И. Вернадского.

В последнее время психологи высказывают мысли,

близкие идеям В.И. Вернадского. В частности, В.П. Зинченко посчитал несправедливым оценивать как кризисное время, «когда в мировой психологии было множество замечательных интеллектуальных событий и прорывов: достаточно назвать имена М. Вертгеймера, К. Коффки, Э. Клаппареда, Ф. Бартлета, Э. Толмена, Ж. Пиаже, да и самого Л.С. Выготского. Такому расцвету может позавидовать любая эпоха» [11, с. 296–297].

Отмечая динамизм научного знания, Вернадский в то же время включал в свое мировоззрение по крайней мере два неизменных положения. Первое, – он называл его «аксиомой реальности мира», – заключается в признании объективного существования внешнего мира, на познание которого направлена вся наука. В автобиографических материалах В.И. Вернадского приводится такой любопытный факт: он отказался от предложения опубликовать рукопись подготовленной им к изданию статьи «О научном мировоззрении» в сборнике «Проблемы идеализма» и предпочел напечатать ее в журнале «Вопросы философии и психологии», подчеркнув при этом, «в философии я не идеалист, а реалист» [1, с. 303]. Кроме «аксиомы реальности» в непрекращающейся эволюции идей *неизменным остается научное отношение к миру*, несмотря на мировые потрясения, прежде всего – две страшные войны, пережитые Россией в XX веке, которые, казалось бы, подрывают доверие к науке. Этот вывод проистекал из установленного В.И. Вернадским учения о начале в истории Земли новой геологической эры: «Биосфера быстро переходит в новое состояние – в ноосферу, то есть в такого рода состояние, в котором должны проявляться разум и направляемая им работа человека как новая, небывалая на планете геологическая сила» [10, с. 104]. Невозможно не отметить, что это писалось 7–9 ноября 1942 года в «Записке об организации научной работы», посланной президенту АН СССР В.Л. Комарову в едва ли не самый трудный период в жизни страны! Понимание ноосферы как нового состояния жизни на Земле, когда ум человека становится огромной геологической силой, позволило В.И. Вернадскому в самые тяжелые дни Отечественной войны предвидеть победу разума, победу над фашизмом. Это был научно обоснованный оптимизм.

Труды В.И. Вернадского пронизаны мыслью о *единстве человечества, науки в планетном аспекте*. Отсюда логически проистекал сделанный им вывод о единстве естественных и гуманитарных наук, положение об интернациональном характере науки, о неразрывной

Аксиома реальности мира и научное отношение к миру

Генеральная мысль о единстве человечества и науки в планетарном аспекте

связи прогресса и традиций в науке. Эти идеи высказывались и другими учеными. Даже основное понятие – ноосфера – введено в науку не В.И. Вернадским, его ввел в 1927 г. фр. математик и философ Э. Леруа (который при этом отмечал, что толчком ему послужили лекции В.И. Вернадского, которые он слушал в Париже в 1920-х годах), Это понятие использовал также французский философ и палеоантрополог П.Тейяр де Шарден. На все эти факты неоднократно указывал сам В.И. Вернадский. Он называл имена также двух американских геологов, младших современников Ч. Дарвина – Д.Д. Дана (1813–1895) и Д. Леконта (1823–1901) – которые «вывели еще в 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что *эволюция живого вещества идет в определенном направлении* – путем усовершенствования нервной системы. Это явление было названо Дана «цефализацией» а Ле-Контом «психозойской эрой»... Исходя из геологической роли человека геолог, профессор Московского университета А.П. Павлов (1854–1920) говорил об *антропогенной* эре, нами теперь переживаемой» [9, с. 506–508]. Но В.И. Вернадский, используя для всех этих явлений уже известный в научной литературе термин «*ноосфера*», осмыслил все эти явления глубже и положил это понятие в основу своего фундаментального учения о ноосфере как новом геологическом явлении на нашей планете.

«*Ноосфера* – последнее из многих состояний эволюции *биосферы* в геологической истории» – писал В.И. Вернадский [9, с. 510].

Заключения
русского
университета

Заклячая все сказанное, можно подчеркнуть, что творчество В.И. Вернадского, сама его масштабная личность Ученого, Гражданина, Просветителя является неисчерпаемым источником для работы научной мысли. В.И. Вернадский с болью писал о неудовлетворительных условиях, в которых приходится работать русским ученым. Приступая к занятиям в Московском университете, он писал: «Трудно достать книги. В университетской библиотеке нет самого необходимого, самого важного... Целые десятилетия не пополняется библиотека по известному отделу. И так всюду, в таких великих, живых единицах как университеты, где сильна традиция, где должно быть царство мысли...» [12, с. 81–82]. Позже он писал о «гнетущей атмосфере русского университета» [12, с. 393].

Признание решающей роли научных знаний органично связывалось в его творчестве с деятельностью в области образования и его организации. В.И. Вернад-

ский отмечал, что «исторически университетский вопрос тесно связан с политическими движениями и стремлениями в русском обществе» [12, с. 388]. Вместе с тем он считал, что необходимо расширить самоуправление и права университетов, критиковал существующую в России практику политического надзора за студентами и преподавателями. В большой статье «Об основаниях университетской реформы» он поставил в качестве задачи достижение полной автономии университетов, создающей условия для «непрерывной энергичной научной работы, для умственного развития и выработки сознательной личности в молодом подрастающем поколении» [12, с. 387]. Университеты не должны быть напрямую связаны с политическими целями дня, в них не должны преобладать задачи внешние, не вытекающие из потребности университетов. Он выступал за необходимость расширения роли Совета профессоров в жизни университета с тем, чтобы профессора были бы не сторонними исполнителями, а реальными участниками университетской жизни, чтобы «содержание профессоров и университетских служащих увеличено согласно требованиям современной жизни» [12, с. 397].

Идеи В.И. Вернадского об образовании, о роли образования в обществе, о характере связи университета с государством в наши дни звучат весьма актуально.

1. *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. – М., 1981.

2. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. – М., 1997.

3. *Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. – М., 1974.

4. *Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. – М., 2008.

5. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984.

6. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1968.

7. *Вернадский В.И.* О научном мировоззрении // Вопросы философии и психологии. – М., 1902. – Кн 65. – С. 1409–1465.

8. *Лопатин Л.М.* Научное мировоззрение и философия (По поводу статьи проф. В.И. Вернадского «О научном мировоззрении» // Лопатин Л.М. Аксиомы философии. Избранные статьи. – М., 1996. – С. 239–315.

9. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988.

10. Вернадский В.И. О науке. – Т. II. Научная деятельность. Научное образование. – СПб., 2002.

11. Зинченко В.П. Лев Семенович Выготский: жизнь и деятельность // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. / под общ. ред. Т.Г. Щедринной. – М., 2011. – С. 294–299.

12. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: Антология /сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. – М., 2011. – С. 384–400.

Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Вадим Петровский

ПОНИМАНИЕ Я: ПО ТУ СТОРОНУ «ПОРОЧНОГО КРУГА»

Аннотация. Обсуждаются подходы к научному определению «Я» и характерные ошибки на этом пути (ошибка «*circulus in definiendo*» – круга в определении), предпосылки выхода из логических тупиков и феноменология Я как *causa sui* (причина себя). Дается авторская концепция Я, которая исходит из особого понимания природы ощущений (самопричинность сущего), представлений о «соощущениях» и рефлексии, выделения семиотического ядра «Я», различения и соотнесения различных форм Я. Утверждается, что автопоэзис (самодвижение) Я есть условие развития личности как единомножия Я. Рассмотрены также некоторые эмпирические формы проявления самопричинности Я.

Ключевые слова: Я; *circulus in definiendo*; ощущение; соощущение; рефлексия; дейксисы; автопоэзис; *causa sui*; Я как таковое; экзистенциальное Я; феноменальное Я; когитальное; ноуменальное Я.

Abstract. Approaches to scientific definition of "Self", typical mistakes (mistake «*circulus in definiendo*» – circle in definition), premises for breaking logical impasses and phenomenology of "Self" as *causa sui* are discussed. The author's conception of "Self", based on specific understanding of feelings' nature (self-causality of being), notions about "co-feeling" and reflection, separation of semiotic core of "Self", discrimination and correlation of different forms of "Self" is proposed. Autopoiesis (self-motion) is contended to be a condition for person's development as unisets of Self. Several empiric forms of self-causality of Self's manifestations are examined as well.

Keywords: Self, *circulus in definiendo*, feeling, co-feeling, reflection, deixis, autopoiesis, *causa sui*, Self as it is, existensial, phenomenal Self, cogital Self, noumenal Self.

Сложность познания
«Я»

Метафорически познание «Я» – это обруч: с чего не начни, по кругу придешь к тому же. И, таким образом, отвечая на вопрос: «Что есть “Я”», мы рискуем бесконечно вращаться в кругу тавтологий. Проблема усугубляется тем, что перед нами не просто обруч, но обруч в руках у фокусника: два круга – в одном, что замечаешь не сразу. Один из них – логический круг, другой – бытийный. Фокус факира состоит в том, что первоначально мы не видим, что это два разных круга, слитые воедино. За первым – логическим – кругом, представляющим собой типичную ошибку «*circulus in definiendo*» (круга в определении), показывается второй круг, где Я обнаруживает себя в своей истине, будучи *causa sui* (причиной себя). Понять Я как движущееся, раскрывающее себя целое, в противовес видимости его осмысления, основанного на весьма типичной, но порой незаметной ошибке, такова *цель настоящей работы*.

1. Идея Я

Порочный
логический круг

Пытаясь дать дефиницию «Я», исследователи упускают из виду тот факт, что привлекаемые для определения термины, в свою очередь, сами на него опираются. Перед нами типичная ошибка «*circulus in definiendo*» (круг в определении), которая на «компьютерном языке» обозначается как «ссылка на саму себя».

К примеру, читаем: «Я – фундаментальная категория философских концепций личности, выражающая рефлексивно осознанную самотождественность индивида» [1] (подразумевается «кто-то», кто рефлектирует; правомерен вопрос: не «я» ли?). Примеры прямого и косвенного использования «я» в определении Я неисчислимы. Назовем лишь некоторые: «самосознание», «самооценка», «самоуважение», «субъективные представления человека о себе» etc (см. обзор существующих определений Я в широкой по охвату и интересной по содержащимся в ней идеям книге А.В. Карпова [2, с. 131 – 151]). Дефиниции Я опираются на представления индивида о себе: речь идет о том, что есть *во мне, у меня, каков я для себя* и т.д. и т.п. В этих определениях перед нами индивид, который воспринимает, переживает, действует, реализуя свою субъектность (то есть «я»). Иными словами, определение Я само в свою очередь опирается на «я», что и составляет суть «порочно-го круга».

Круг *causa sui*

Признаем: как ни пытайся, нельзя описать, а тем более определить «Я», отделяя его от имени «я». Здесь

есть своего рода «лингвистический круг»: ведь то, о чем говорится (*Я*), не просто называется «я», но содержит в себе это название; перед нами тот, совершенно особый случай, когда *объект* имени, то есть *Я*, включает в себя *имя* объекта (звучащее слово «*я*»). Судя по всему, сама природа *Я* провоцирует «ошибку», подобную кругу в определении, но при этом не тождественную ему.

Чтобы пояснить сказанное, выберем совершенно нетрадиционный путь. Будем идти не от определяемого термина к его содержанию, а обратным путем: от содержания к слову (так, как это бывает при разгадывании загадок). Перечислим вразброс несколько характеристик искомого понятия, не называя его по имени*. Ознакомимся с таким списком: «ощущение существования в мире»; «общее чувство присутствия»; «скрытый источник активности»; «средоточие чувств, импульсов, представлений, мыслей»; «место, где находятся восприятия, воспоминания, фантазии»; «переживание» и т.д.

Добавим сюда слова-причастия: «ощущающее», «чувствующее», «побуждающее», «движущее», «представляющее», «мыслящее», «переживающее». Мысленно присоединим к словам в этом списке слова «существо», «нечто»...

Вопросы: *что всё это может означать? какое слово задумано?*

Казалось бы, легко догадаться, что речь идет о «*Я*» (то есть о «ком-то», кто ощущает, воспринимает, помнит, фантазирует, полнится импульсами, чувствует свое присутствие в мире и т.д. и т.п.). «Легко догадаться» — это если знать заранее. Но если — не знать?

Тогда, согласимся, всё перечисленное мы могли бы отнести не только к *Я*. Так, например, можно ощущать присутствие в мире многих других вещей (будь то цветок, ветер или звезда). Скрытый источник активности — это, например, вулкан или динамо-машина. Кроме того, согласимся, что некоторые чувства, импульсы, представления, присущие индивиду, могут быть совершенно бессознательны, находясь за пределами его *Я*.

Таким образом, для разгадки, пожалуй, не хватает какого-то одного или, может быть, нескольких слов, ведущих к решению.

Думается, сам читатель может подсказать такие слова. Они как бы сами собой напрашиваются. Это слова «мое», «свое», «во мне», «внутри меня» и др. Сравните:

Ощущение своего
существования
в мире

* Читатель-то уже знает, о чем идет речь, но, допустим, он принял условия игры, и пытается подобрать нужное слово.

«ощущение своего существования в мире», «скрытый во мне источник», «место внутри меня (где находятся чувства, импульсы, представления)» и т.д.*

Итак мы видим, что, пытаясь определить «Я», мы не можем найти нужного решения минуя слова и частицы, свободные от связи с «Я»; кружим вокруг да около, но «Я» так и остается неопознанным. Создается впечатление, что слово «я» (в одежке других слов или частиц) неотчуждаемо от определяемого понятия Я, что оно как бы встроено в понятие, обозначаемое им.

Ощущение «странности» ситуации усиливается, когда мы встречаемся с дефинициями Я, где фигурируют такие слова, как «индивидуальность», «самость», «личность», «субъект», «самосознание», очевидно, связанные с Я вербальными скрепами; при этом само «Я», в гуще подменяющих его синонимов-переименований, ни в коей мере не раскрывает нам своей природы. Будем считать, однако, что перед нами не намеренное, а совершенное бессознательное игнорирование проблемы; и наша цель, в отношении этих «кругов», – вывести их на чистую воду и показать, как при этом не выплеснуть суть.

Никакие уловки
здесь не помогут

Еще раз заметим: никакие уловки не помогут исследователю отделить Я от имени «я». Личные и притяжательные местоимения, частица «-ся» и другие лингвистические элементы (назовем их «я-маркерами») – не только грани стороннего (предлагаемого исследователем) определения Я. Они суть части того, что обозначено ими: нет и не может быть «Я» вне присутствия в нем личных местоимений, звучащих как «я», «ты», притяжательных местоимений «мое», «твое», «свое», «себя» (а также, при внимательном рассмотрении, местоимений «он», «она», «его», «её», и еще – «мы», «наше», «нам», «им», «ими» и т.д. и т.п.), возвратной частицы «-ся» и таких окончаний, как «-у», «-им» («слежу», «смотрим» и т.д.). Эти слова и частицы слов входят в самую чувственную ткань Я и поэтому неотчуждаемы от него.

Но если так, то процесс вербального определения «Я» есть процесс *самоопределения*, в котором эти словесные элементы являются частью определяемого термина. И таким образом, в процессуальном плане,

* Казалось бы, сказав «средоточие переживаний», мы прямой наводкой попадаем в цель, в самое сердце Я, но тут надо было бы добавить, что речь идет о «моих переживаниях», коль скоро мы отличаем мое Я от твоего Я (его/её Я); но в таком случае проблема определения «Я», очевидно, оказалась бы сдвинутой, но нерешенной.

определение «Я» может быть описано в терминах *автопоэзиса**.

Нелишне подчеркнуть, что каждый из этих строительных «я-маркеров» – это еще не «всё Я», подобно тому, как любой камень в постройке не есть еще само здание. Следовательно, первоначально мы не нуждаемся в полном Я для описания его строительных элементов. Только *потом*, когда строение здания близится к завершению, мы будем говорить о них как частях этого здания.

Семиотический
контур Я

Наш тезис состоит в том, что «я-маркеры» или, как мы будем говорить в дальнейшем, *внутренние имена Я*, образуют неотчуждаемый *семиотический контур* (гибкий каркас, лингвистический остов) Я. Перед нами то, что в лингвистике называют *дейксисами* (от греч. «указание»). Это – языковые выражения и другие знаки, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта (его участникам, его месту и времени). Соответствующие вербальные средства именуются *дейктическими выражениями* или *элементами***.

Семиотический контур, образованный персональными дейксисами, обладает, как мы полагаем, совершенно особым онтологическим статусом. Мы считаем, что это и есть исходное «место» существования Я. Иными словами, предполагается, что указанная языковая конструкция служит опорой и стяжкой для всех форм Я. Например, говоря «Я мыслю», мы соотносим семиотический контур Я и факт существования самой мысли, и таким образом «когитальное Я» представляет собой контент этого «места»***. Наслаждение и страдание, ощущение активности (чувственное «живое движение»), намерения и побуждения к действию, эмоции,

* Термин, означающий самопостроение, самовоспроизводство живых существ, в том числе человека, которые отличаются тем, что их организация порождает в качестве продукта их самих без разделения на производителя и продукт [3].

** Обычно различается три основных вида дейксиса – персональный (личный), пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, – это, соответственно, местоимения 1 и 2 лица (я, вы), локативные (здесь) и временные (сейчас) выражения. Эти три типа единиц соответствуют эгоцентрическому дейктическому центру, на который ориентируются участники коммуникативного акта. Дейктические элементы могут представлять собой отдельные лексемы, а могут быть связанными аффиксами в составе других слов [4].

*** Однако, вопреки Картезию, сомнительно, что «мыслить» подразумевает «существовать в качестве Я» (см. [5], [6], [7], [8]).

настроения и т.п., как принадлежность Я, являются содержанием различных форм Я, и их присутствие в целостном Я подразумевает «контакт» с базисной формой – соотносённость с нею.

Наличие семиотического контура, образуемого я-маркерами, позволяет ответить на вековечный вопрос о том, что представляет собой постоянный состав Я (о нем говорят: «субстанциональное Я», «трансцендентальное Я», «духовное Я», «Ichheit» – «Яйность» и др.) и каким образом эта константа соотносится с разнообразными проходящими содержаниями Я.

Итак, наш тезис состоит в том, что сущностное (исходное, определяющее) содержание «Я» характеризуется ощущением общности всех соощущений (перцептов), презентирующих персональные дейкиссы. К ним относятся личные и возвратные местоимения «я», «ты», «он (а)», «они», «мы», «свое», «твое», личное окончание (например, «у» в слове пишу), частицы –ся, образующие внутренне связное целое (замкнутый контур)*.

Заявленный тезис нуждается в пояснении и обосновании. Здесь необходимо установить смысл ряда знаковых понятий, а также ввести новые.

* Заметим, что перечисленные имена «Я» существенно проще «того самого» искомого Я, которое мы пытаемся определить и осмыслить. В конце концов, это не более чем множество значков (фигурки, стрелочки), породненных ощущениями связи между ними (тождества, различия, переходы) – живой чертеж, способный ориентировать (опосредовать) активность того, в ком этот чертеж присутствует (см. подробнее [7], [9], [10]). Сомнительно, чтобы кому-нибудь пришло в голову, что этот живой чертеж есть «орган» (или, положим, спрятанный где-то в теле индивида «субъект», «гомункулус»), воспринимающий, действующий, переживающий. Однако эта знаковая форма, предсуществующая индивидуальному Я, была сформирована исторически, – ее появлению предшествовал культургенез. За этот счет она «восприимчива» к «бессубъектным» потокам активности – являя собой, таким образом, форму потенциальной субъектности. В терминах «фильтров» можно было бы сказать, что индивидуальные фильтры (конфигурация «дырочек на перфокарте»), образующие прообраз Я, уже отфильтрованы культурой. И следовательно, мы можем видеть, как в индивидуальном генезе Я свершаются долгожданные встречи «живого движения» (бессубъектная активность) и идеальной субъектной формы (представленной знаковым прообразом Я). Так оформляется то, что мы называем самопричинностью Я. И мы можем, таким образом, проследить, как «Я-в-будущем» (идея Я, результат судьбоносной «встречи») приобретает форму состоявшегося события, воплощаясь в «Я-наличное» (обратим внимание на необычный порядок времен: будущее, прошлое, настоящее).

Ощущение:
два капкана

Каждый исследователь, стремящейся определить «ощущение», рискует угодить в два капкана. Первый – опереться на конструктор «отражения», понимая под ощущением «отражение» чего-то *по ту сторону* самого ощущения. Почему речь идет о капкане? Мы исходим из лексического значения термина «отражать» (именно лексического, а не из непомерно раздутого до неузнаваемости философского толкования слова). Отражение подразумевает *подобие*: след, копия, «изображение предмета на гладкой и воспринимающей свет поверхности». И в этой связи возникает один вопрос, а точнее много сходных вопросов: чему вне боли можно уподобить саму боль? чему вне красного можно уподобить красное? чему вне радости можно уподобить радость? и т.п. Наши ощущения (в отличие, скажем, от образов восприятия) не уподобимы ничему вовне. Ощущения не являются отражениями чего-то внешнего.

Другой капкан – определять «ощущение», опираясь на Я. Ощущение, говорят, это то, что дано «мне», представляют собой то, что непосредственно «дано» моему Я. Но тогда возникает вопрос о том, что же представляют собой *те* ощущения *из* которых строится Я и которые, очевидно, *предсуществуют* Я, то есть существуют *прежде*, чем Я «заполучит» их в данности? Чем являются ощущения, для которых Я, как приемник, еще не созрело? Необходимо, очевидно, сначала определиться с ощущениями, а потом, если потребуется, разобратся с вопросом об их принадлежности Я!

Что же такое *ощущение*? Отвечая на этот вопрос, мы исходим из аристотелевского различения материальной причины («что из чего»), формальной причины («что в чем»), действующей причины («что посредством чего») и целевой причины («что для чего»).

Далее мы опираемся на допущение о том, что каждая из этих причин – *самопричинна* (то есть, что она состоит из себя, содержится в себе, производит себя, служит себе). Более того, все эти причины сходятся в одну причину себя (это означает: «что из чего», «что в чем», «что посредством чего» и «что для чего» суть *одно*). В этом случае можно говорить не просто о самопричинности, а о всесторонности (полноте) самопричинности.

В порядке сравнения. То, что мы подразумеваем под «физическими объектами», отличается от ощущений, как минимум, в одном отношении: ни один такой объект не является для себя целевой причиной (не обладает

Ощущение –
полнота
самопричинности
сущего

«для-себя-бытием»). Очевидно также, что физические тела не состоят из самих себя (молекулы, образующие их, разложимы на атомы, которые обладают иными свойствами, чем они сами; атомы, далее, – на более мелкие, чем они, единицы, с другим набором свойств и т.п.). По-видимому, только физическое поле, при определенных допущениях, может быть описано как «состоящее из себя» и «содержащееся в себе»; мы также воздержались бы утверждать, что физическое поле «исполнено собой» и уж точно далеки от мысли, будто оно являет себя «для себя».

Между тем, любое ощущаемое (будь то «красное», «соленое», «шероховатое», «боль», «голод» и т.п.) в наших терминах, суть полная причина себя, так как в качестве ощущения сочетает в себе материальную, формальную, действующую и целевую самопричинность, образуя материю, форму, действие и смысл своего бытия.

Итак, *ощущение* есть особое сущее, характеризующееся полнотой самопричинности.

Важно подчеркнуть: исторически (в филогенезе, онтогенезе, актуалгенезе Я), ощущения суть то, что существуют до и независимо от Я – это *ничьи* ощущения. Ведь только при этом условии можно мыслить Я как сотканное из ощущений, основанное на них. Можно различать Я-релевантные (Я и не-Я) и Я-иррелевантные ощущения (ощущения, свободные от связи с Я, – не внешние и не внутренние, не «мои» и притом не «чужие»). Из этого, в частности, следует возможность порождения и параллельного существования множества Я одного человека (альтер-личности Билли Миллигана), а также – единомножие разных Я, образующих цельную личность в норме*.

Следует пояснить значение введенных только что терминов и, в частности, использование дефиса в каждом из них. Впрочем, думается, что содержащее дефис слово «со-бытие» не содержит в себе новизны для читателя и не нуждается в дополнительных комментариях. Но этого не скажешь о дефисе в словосочетании «ощущаемое-ощущение». Данный знак используется для того, чтобы выразить идею неразличимости ощущаемого и ощущения. Объяснение этому было

* Таковы «субличности» в теории Р. Ассаджиоли, «интроекты» З. Фрейда, эго-состояния П. Фелерна и Э. Берна, инобытийствующие в личности «отраженные субъекты», обладающие, по-видимому, свойствами «динамического бессознательного» (см. [11]).

Ничейные
ощущения

Со-бытие
ощущаемых-
ощущений

приведено чуть выше: мы установили что, ощущение есть способ существования сущего (ощущаемого) в его равенстве себе самому*.

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы соединить «со-бытие» и «ощущаемое-ощущение». Речь, очевидно, должна идти о временной или постоянной *сопричастности* ощущаемых (а следовательно и ощущений) друг другу. Вместо того, чтобы где-то «за» (или «под») ощущениями искать «что-то» (таинственную сущность), якобы отраженную в ощущениях или, положим, «несущую на себе» ощущения, мы принимаем, что *ощущаемые-ощущения сочетаются друг с другом, выступая совместно*; и в виду этого не бывает и не может быть каких-либо парящих в пустоте изолированных ощущений (в терминах Э. Маха, мы бы сказали, что зрительные, аудиальные, кинестетические и другие ощущения образуют «комплексы», иногда более устойчивые, иногда – менее). Любое ощущаемое-ощущение как бы соприкасается с другим. Так, не бывает «просто зеленого»: оно всегда очерчено некой формой, сочетается с запахом, если это зеленое травы, граничит с желтым и красным, если это зеленое национального флага и т.д. и т.п.. Какого-либо прообраза или субстрата «зеленого» как ощущения, отличного от «зеленого» как ощущаемого, не существует. Точно также как боль не имеет ни своего субстрата, ни своего прообраза, отличных от самой боли.

Рефлексия

Даем весьма простое (автор шутит!) определение рефлексии. Она определяется нами как ощущение со-бытия ощущаемых. Принимаем допущение, что со-бытие ощущаемых порождает ощущение со-бытия. Можно показать, что это допущение является главным в понимании автопоззиса Я как самодинамики: оно характеризует центральный механизм вовлечения всё расширяющегося круга потенциальных ощущаемых в субъективную сферу, – механизм амплификации (обогащения) Я посредством выхода за пределы того, что дано.

Соощущение
ощущений

Если принять во внимание, что со-бытие ощущаемых-ощущений представляет собой особое сущее, то вполне правомерно ввести новое понятие: «соощущение ощущений». Примером может служить ощущение контраста, а также ощущения «больше – меньше», «над – под», «впереди», «вместе», «сходство», «разли-

* Считаем нелишним напомнить: будучи ощущением, ощущаемое составляет себя (=сливается с собой), содержится в себе (=принадлежит себе), воплощается в себе (=полагает себя), длится в себе (=продолжает себя).

чие» и т.д. и т.п. Все это – соощущения. Соощущение двух или большего числа ощущений образует новое ощущение, не сводимое к своим образующим, подобно тому как свойства химического соединения не сводятся к свойствам образующих его элементов. В сфере соощущений могут быть выделены чувства: «сгусток» одновременных разнородных ощущений и – переживания: ощущение того же самого ощущений как сущего, то есть самоощущение; выделяем также пространственные («конфигурация») и темпоральные («длительность») соощущения.

Внутреннее имя

Мы определяем *внутреннее имя* чего-либо как знак, означающее которого принадлежит означаемому (и с этой точки зрения, внутреннее имя – это «знак себя»). Можно было бы сказать, что речь идет об имманентности имени*. Внутреннее имя, таким образом, представляет собой единство трех вариантов знака в трактовке Пирса – знака-иконы (изобразительный знаки, в котором означаемое и означающее связаны между собой по подобию), знака-индекса (в котором означаемое и означающее связаны между собой по расположенности во времени и/или в пространстве) и знака-символа (в котором означаемое и означающее связаны между собой в рамках некоторой конвенции). С этой точки зрения любой «я-маркер» – внутреннее имя Я.

Семиотический контур Я – он безличен

Теперь можно определить семиотический контур Я. Это – *соощущение всех внутренних имен Я* («я», «мое», «твое», «его», «наше» etc.), образующих особую систему, каждый элемент которой определяется сочетанием некоторых других элементов этой системы. Например, справедливы равенства: моё «я» для меня = моё «ты» для тебя = моё «он» для него и т.п. В семиотическом контуре Я каждое имя может быть замещено сочетанием других имен Я, и это замещение есть соощущение тождества элемента и композиции других элементов. Несколько «странноватые» равенства могут быть проиллюстрированы многими примерами из художественной литературы. Таков, например, знаменитый рассказ «Буква «Ты»» и мн. др.**.

* В классической трактовке «имманентность» означает неотъемлемость, внутреннюю связь какого-либо качества объекта с самим объектом.

** По М. Жванецкому разница между интеллигентным и обычным человеком в следующем. Простой человек говорит: «Вот сволочь! Что ты делаешь!» Интеллигентный: «Вот сволочь, что он делает!». В данном примере «ты» и «он» абсолютно противостоят друг другу, что может рассматриваться как комическая иллюстрация нашего тезиса «наоборот».

Семиотический контур Я абсолютно безличен и активно присущ каждому индивидууму. Именно с этой точки зрения, его можно мыслить как первое (наиболее абстрактное) формообразование Я, с которого начинается восхождение к более конкретным, богатым своими определениями формам существования Я*.

Перечислим преемственные формы Я, каждая из которых являет собой момент автопоэзиса Я и вместе с тем шаг в развитии личности как «единомножия Я» [10]**. Из них первая – «лингвистическая» – форма Я представляет собой старт восхождения (см. рисунок):

Ноуменальное Я

Я–номен (Я как таковое) – личное местоимение первого лица («я») в соощущении тождества позиций адресанта, адресата и предмета коммуникативного акта; соощущение всех имен Я, соопределяющих друг друга. Ощущения, образующие эти имена, составляют «плоть и кровь» задействованных в коммуникации имен Я, они «локализованы» в интериндивидуальном пространстве – пространстве «между» индивидами. За этот счет «Я как таковое» может рассматриваться не только в качестве исходного, но также и конечного пункта автопоэзиса, «восхождения» к целостному Я. Перед нами ощущение тождества позиций адресант (говорящий, = источник сообщения, «от кого»), адресат (слушающий, = получатель сообщения, «кому») и объект коммуникации (потенциальный участник коммуникации, интенционал сообщения, тот «о ком»). Введем обобщенное обозначение «Я» (прописная буква курсивом) в роли замещающего символа при постановке личного местоимения первого лица «я» в позицию «ты» и «она», а также – в соответствующие притяжательные местоимения.

* В логическом плане, перед нами не что иное, как субъект-предикативная конструкция: *S есть P*. Субъектом суждения (*S*) являются ощущения и сложные композиции ощущений (будь то сильная боль или чувство благополучия, представление будущего или устремленность к нему и т.д. и т.п.), а предикатом (*P*) – лингвистическое Я; связка *есть* в этой конструкции представляет собой соощущение общности *S* и *P*.

** Выпадение тех или иных звеньев этого круга позволяет интерпретировать личностные акцентуации, дезадаптации, защитные механизмы личности: бездействие, уход в «дурную бесконечность» «самоиска» (поэт А.В. Вознесенский предложил перевертыш «аксиома самопоиска», точно выражающий наивное убеждение в том, что можно «доискаться» до своих истоков в воронке саморефлексии), регрессии к фрейдскому «океаническому» Я («остановка» развития на ступени «экзистенциального Я»); избыточное самодистанцирование при утрате «Я-чувства» и смежные расстройства (при нарушениях в системе феноменального Я); измененные состояния сознания при нарушении Я-когито.

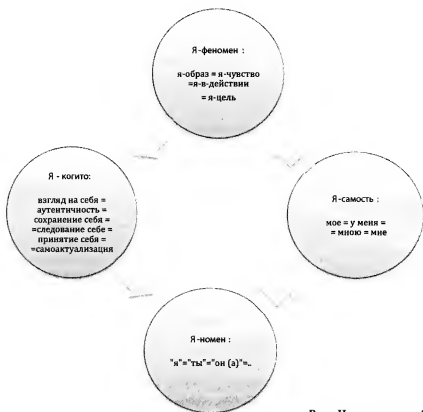

Рис. Ноуменальное Я

меня и частицы. *Я* присутствует изначально в каждом и «между» индивидуумами. Уместно говорить о *Я* как *Я-номене* (не путать с *Я-ноуменом*!).

Следует особо подчеркнуть: для того, чтобы *ощущать Я*, не нужно прибегать к образу «маленького человечка в голове», или гомункулуса, который «рассматривает» картинки, поступающие извне, инициирует действие, переживает (вторично, третично и т.д. «пережевывая») одну и ту же эмоцию. Чтобы *ощущать Я*, более чем достаточно соощущения общности ощущений, характеризующих произнесение и одновременно слушание слова «я» [ja], указательные жесты «к» (чему-то), «от» (чего-то), «о» (чем-то), «вот» (что-то), а также – частичное восприятие или представление говорящего в разных позициях коммуникации и ощущение тождества его бытия в этих позициях.

Я-номен (в нашем обозначении «Я»), по-видимому, и есть то самое искомое «центральное Я», будоражащее умы философов со времен Юма: его «маленький человечек»-наблюдатель в голове навлек на голову мыслителей

неразрешимую проблему «человечков» второго, третьего и т.д. порядков, наблюдающих за наблюдателем. Уж если с чем-то и сравнивать «центральное Я», то это, скорее, некое навигационное устройство, показывающее, где пребывает оно само, – где находится источник сигналов, который может быть запеленгован другими и таким образом «рассекречен» ими как находящийся «там-то».

Экзистенциальное Я

Я-самость (экзистенциальное Я) – соощущение всех ощущений, соотнесенных с Я (всех сопричастных ему ощущений – проприоцептивных, interoцептивных и экстероцептивных, а также образов, интенций, побуждений, смыслов, настроений, состояний и т.п.), сливающихся в общее переживание *присутствия* в мире.

В этом определении (экзистенция в соотнесении с «лингвистическим» Я) – продолжение автопоэзиса Я. Поскольку перед нами соощущение *всех* ощущений, связанных с Я мостиками переходов, то в этом парадоксальном «множестве всех множеств ощущений» присутствуют не только Я, но и ощущения, образующие только что приведенную дефиницию «Я», а также все слова, надстраивающиеся над нею *сейчас*, – в том числе и *эти*, говоримые нами, и *те*, что будут сказаны нами потом... (нескончаемая *ing*-овая форма длящегося настоящего!). Но в этом *длящемся* настоящем есть *настоящее Я*, характеризующееся *постоянством* (сквозь-временным характером) своих черт.

Мы выделяем четыре ипостаси экзистенциального Я: неделимость себя, данность себе, раскрытие себя и нацеленность на себя (в соответствие с вышеприведенным пониманием ощущения). Следующая, более развитая форма Я, вбирает в себя эти свойства присутствия в мире.

Феноменальное Я

Любое ощущение может фигурировать в статусе ощущаемого, и, таким образом, повторно проявлять себя в качестве ощущения (в наших терминах, напомним, это «самоощущение», «переживание»). Сказанное, конечно, относится и к соощущениям. Таким образом от самости, мы переходим к новой целостности: *самости, данной себе в ощущениях*, – феноменальному Я. Оно представлено *единомножием* четырех ипостасей самости:

– *Я-самоцельность* (чувствование себя = я-чувство): неделимость себя, слитность с собой, ощущение преемственности и непрерывности самости в переходах «ощущение → самоощущение»; ощущение «*я сейчас*» как продолжение «*я только что*»»;

– *Я-самоданность* (созерцание себя = я-образ): данность себе, ощущение самопринадлежности: «*я у себя*»;

– *Я-самораскрытие* (полагание себя = я-в-действии): самовыражение, ощущения: «вот мое я!», «я, каков я, есть перед собой»;

– *Я-самоценность* (устремленность к себе = я-цель); обращенность к себе, приверженность себе: «я есть для себя» = «я есть, для себя», от слова «длиться», то есть существую за счет того, что *продлеваю* себя.

Заметим, что четыре ипостаси самости в составе феноменального Я еще не раскрывают нам характера существующих связей между собой. Но если принять, что со-бытие ощущаемых порождает их соощущение, то из нашего допущения следует многообразие форм ощущаемых связей между разными проявлениями самости, что относится уже к следующей форме Я.

Я-когито
(самосознание)

Феноменальное Я в рефлексии своих ипостасей. Феноменальное Я обогащает нас новыми определениями, расширяющими спектр признаков Я как такового. Упомянем некоторые варианты соощущений, образующих рефлексивное Я:

Чувствование себя и созерцание себя. «В норме» они соощуаемы, рефлексирываясь как «*собственный взгляд на себя*», «*точка зрения, с которой я вижу себя*».

В случае, если чувство себя и образ себя не в единстве друг с другом, не образуют общего ощущения, то возникает чувство «я не вижу себя», «я себя потерял», «что со мной?», или – «я не могу выразить то, что в действительности чувствую». Это значит, что в данном отношении когитальное Я не состоялось.

Чувствование себя и полагание себя; в своей совместности они рефлексируются как *аутентичность*.

Чувствование себя и устремленность к себе; их со-бытие рефлексируются как *сохранение себя* (ведь глубокий смысл моих устремлений – продолжать чувствовать себя собой).

Созерцание себя и полагание себя; совместность двух переживаний рефлексируются как *следование себе* («На том стою...» (М.Лютер); «И нужно не единой долькой // Не отступаться от лица...» (Б.Пастернак)).

Созерцание себя и устремленность к себе; их со-бытие рефлексируются как *принятие себя*.

Устремленность к себе и полагание себя; совместность их бытия рефлексируются как *самоактуализация* (сокровенные смыслы обнаруживают себя во вне).

Всё это – разные формы *Я-когито*. В культуре они мозаично представлены россыпью имен-символов. «Мы часто встречаем выражения, свидетельствующие если и не об отсутствии, то о размытости границ между познани-

ем, чувством и волей: логика сердца; действие и страсть – одно; чувствующий ум; умное делание; единство аффекта и интеллекта; умные эмоции; эмоциональный интеллект; идея, становящаяся аффектом; проведение ума в сердце; союз ума и фурий (рождающий ублюдков); живописное соображение; визуальное мышление; зрячих пальцев стыд; от действия к мысли; ручные понятия; память – ищущий себя интеллект; живое движение – ищущий себя смысл; духовная жажда; голодный ум и т.д. и т.п. Подобные речевые миксты (монстры) должны были бы заставить усомниться в существовании чистых культур, но как схватить целое, если пренебрегли душой?» [11].

Схватить целое:
чистое Я

Вопрос и в самом деле заключается в том, чтобы «схватить целое» – *душу*. При всем многообразии форм когнитального Я, есть в них нечто, ощущаемое как общность их всех. Оно равным образом представлено в каждой, и вместе с тем, не тождественно ни одной. Это – «чистое Я».

Оно выступает (ощущается) в процессе отрицания каких-либо ощущений, а если учесть, что отрицание есть чувственный акт, то такое Я заключает в себе также само ощущение отрицания.

Чистое Я не есть просто часть, но является особой *стороной* когнитального Я в его становлении Я-именем; интроспективно оно выступает в процедурах разожествления:

«У меня *есть* тело, но я – *это не* мое тело. Мое тело может быть больным или здоровым, усталым или бодрым, но это не влияет на меня, на мое истинное “Я”»...

У меня *есть* эмоции, но я – *это не* мои эмоции. Мои эмоции многочисленны, изменчивы, противоречивы. Однако я всегда остаюсь собой, своим «Я», радуюсь или горюю, спокоен или взволнован, надеюсь на что-то или отчаиваюсь. Поскольку я могу наблюдать, понимать и оценивать свои эмоции и, более того, управлять ими, использовать их, то очевидно, что они не *есть* мое «Я»...

У меня *есть* интеллект, но я – *это не* мой интеллект. Он достаточно развит и активен. Он является инструментом для познания окружающего и моего внутреннего мира, но я – *это не* мой интеллект.

Я – Центр чистого самосознания.

Я – Центр Воли, способны владеть и управлять моим интеллектом, эмоциями, физическим телом и всеми моими психическими процессами.

Я – это постоянное и неизменное “Я”. • [12, с.145–147].

И здесь, в этом повествовании, мы приходим к итоговой форме Я, назовем её Я-ноуменом, превосходящей все остальные, владеющей ими, более высокой и вместе с тем

более глубокой, чем они^{*}. Это *Я* в повествовании о нем и показе его; оно представлено цепочкой слов, последовательностью образов, оно прожито и пережито *вот только что*. И обо всем этом мы говорим «я». И оно, таким образом, возвращается на исходной форме *Я*, ранее названной *Я-номеном*, – семиотическому контуру, объединяющему «я-маркеры», – внутренние имена *Я*, в которых, как и прежде, нет «ничего личного». Но что-то всё-таки есть. Что же?

Есть личное местоимение первого лица, замещающее и определяющее собой все прочие и смежные имена.

Итак, отталкиваясь от *Я-номена*, мы возвращаемся к нему же в автопозисе *Я-номена*.

Знаковые аномалии
в понимании *Я*
и их последствия

Ошибка порочного круга в логическом определении *Я*, а также выпадение или нарушение тех или иных звеньев круга ноуменального *Я* позволяет интерпретировать акцентуации, дезадаптации, защитные механизмы, измененные состояния сознания личности. Перед нами последствия того, что можно было бы назвать знаковыми аномалиями в понимании *Я* (ведь вербальные и невербальные обозначения *Я* суть знаковые образования, опосредующие поведение индивидуума, и следовательно «не нейтральные» с точки зрения вкладов в его функционирование и развитие. Среди последствий знаковых аномалий назовем лишь некоторые: бездействие, уход в дурную бесконечность «самоиска» (авторское изобретение поэта Андрея Вознесенского – палиндром «аксиома самоиска»; этот удивительный перевертыш соответствует наивному убеждению людей в том, будто можно когда-нибудь «доискаться» до своих истоков в воронке саморефлексии), защитные механизмы проекции, интроекции и ретрофлексии (нарушения в системе *Я-номена*), регрессии к фрейдовскому «океаническому» *Я* («остановка» развития на ступени «экзистенциального *Я*»); избыточное самодистанцирование при утрате «*Я-чувства*» и смежные расстройства (при нарушениях в системе феноменального *Я*); измененные состояния сознания при нарушении *Я-когито*.

2. Круг *causa sui* как психологический феномен

Область
персонологии *Я*

Говоря об автопозисе *Я* в опыте логического определения *Я*, мы можем обратиться к психологическим исследованиям в области персонологии *Я* [6], [13]. В этом случае,

* Более полное рассмотрение *Я-номена* потребовало бы от нас реализации персонологического подхода, сочетающего в себе теоретико-экспериментальные, герменевтические и практико-ориентированные разработки в области психологии личности [13].

Феномен
неделимости Я
в рефлексии

возможно, нам удастся не только понять, но и *прочувствовать* идею *causa sui*, – испытать ее, так сказать, «на себе», пройдя путь участия в реальных и мысленных экспериментах, посвященных самопричинности Я.

Речь здесь идет о естественной слитности (непрерывности, преемственности, континуальности) состояний Я. Континуальность совпадения «Я» с собой – норма его существования, непрерывность переходов «между» образующими его состояниями переживается как нечто вполне естественное, присущее самой природе Я. Но стоит только попытаться «расщепить» «Я» на две части – «Я здесь и теперь» и «Я там и тогда», и мы сразу ощути́м противоестественность такой попытки.

Сама жизнь подсказывает нам сюжеты эксперимента. Вначале обратим внимание на то, что, говоря вслух какие-либо слова, мы еще некоторое время переживаем их присутствие в сознании; есть как бы эхо прозвучавшего слова, которое неслышимо другим людям, произнесенной нами фразы. Этот повтор неизменно сопровождает наши высказывания и мы настолько привыкли к нему, что почти не замечаем его (одно из исключений – случаи, когда, положим, мы отважились сказать что-то группе людей, но услышав нас, аудитория впадает в молчание, и нам начинает казаться, будто сказанные слова повисли в воздухе). Впрочем, приведенная аналогия с «эхо» должна быть существенно уточнена. Ведь внутренний отголосок сказанного вначале некоторое время все еще слит с высказыванием, постепенно отделяется от него, стекая в прошлое. Это похоже на то, как акварельная краска, вначале следуя за кистью художника, тут же плывет вниз по листу на мольберте. Произносимое слово и скрытое памятование слова образуют плавный переход одного в другое; внутреннее «эхо» представляет собой непрерывный каскад отзвуков, в котором совершается «уто́к пережитого»^{*}.

Но теперь мы изменим условия наблюдения. Мы будем говорить, а тут же сделанная запись нашей речи с

* ...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А уток пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

Стихи Давида Самойлова [14, с. 178] были посвящены учителю литературы, поэту, правозащитнику Анатолию Александровичу Якобсону. Я имел счастье учиться у него в конце 60-х во 2-ой физмат-школе в Москве.

небольшой отсрочкой будет подаваться нам в наушник (так бывает, когда не совсем исправна мобильная связь). Люди, говорящие в микрофон перед большим залом, иногда слышат такие же отзвуки-эхо на отдалении от себя. Прислушаемся не только к этому эхо, но и к своим ощущениям по поводу происходящего. Каждый, кто имел такой опыт, по-видимому, согласится, что даже малая отсрочка в повторе рождает чувство дискомфорта, как бы свидетельствующее: «Зачем мне дублер! К чему здесь этот двойник?!»

Подчеркиваем: наше Я – неделимо! Нет смысла делить его на равные или неравные части. Оно всегда слито с собой, всегда существует как тождество образующих его со-стояний.

Феномен
спонтанности
самораскрытия

В чем заключается этот феномен? Он состоит в том, что человек неожиданно открывает для себя важную истину: «Я иду по своим стопам», «Я следую за собой», «Я исхожу из себя самого». О том же поэтическая строчка Поля Верлена: «Я шел, печаль свою сопровождая». Напомним: Я заключает в себе момент *самодействия*, «я *созидаю себя сам*»; возможность ощущения своей самости в действии и ощущение этой возможности в Я неотличимы.

Эксперимент

Присмотримся.

Всем известная забавная сценка – собака, пытающаяся поймать себя за собственный хвост – подсказывает нам модель эксперимента, показывающего, как люди, идущие «след в след» за собой, в отличие от «братьев наших меньших», неожиданно замечают это.

Реквизиты эксперимента: компьютер, мышь; затемненный экран монитора («ширма»); в ширме – круговое окошечко; управляя мышью, можно перемещать окошечко ширмы; двигая окошечко, можно увидеть в нем фрагмент линии, скрытой за ширмой (обычно – это кривая).

Инструкция
испытуемому

«Перемещая окошечко, попробуйте «поймать» линию – она находится за ширмой. Следуйте за линией, удерживайте ее в поле зрения. Пусть она всё время будет в окошечке. Ошибкой считается потеря линии из виду. Работа требует аккуратности, но не забывайте о времени. Лучше, если Вы будете работать быстрее».

Как видим, инструкция не обязывает человека работать быстрее, но и не позволяет ему надолго застревать на месте. Чем уже окошечко и выше темп, тем труднее задача.

Читатель, безусловно, заметил, что в этой инструкции ничего не говорится о *форме* кривой, и тем более о

том, что испытуемым надлежит *догадаться*, как выглядит в целом скрытая под ширмой кривая. Инициатива постановки такой задачи – всецело за испытуемым.

Главное, о чем не знают участники эксперимента: им заранее неизвестно, что кривую под ширмой рисуют они сами. Каждое перемещение мыши фиксируется на экране под ширмой на некотором (всегда одинаковом) расстоянии от окошечка. Пока испытуемый «ловит» линию, она буквально рождается у него под рукой – где-то в районе запястья (или чуть ближе к ладони, держащей мышь).

Поймут ли участники эксперимента, что они сами производят то, что потом направляет их действие? Такое открытие – если оно происходит (а это так!) – свидетельство спонтанности самопереживания: *живое движение* руки образует *возможность* ощущения себя как самости, а совершаемое человеком спонтанное открытие «я *следую за своим движением*» – есть собственно ощущение себя, момент самораскрытия *Я как такового*.

«Не думай о...»

Испытуемым предлагается «ни о чем не думать». При всей, казалось бы, невыполнимости этой задачи, у многих, как им представляется, *получается* (!). Выявляется два слоя активности: нерелексируемая мысль и мысль, обнаруживаемая («я мыслю, что мыслю»). Спонтанность «я мыслю, что мыслю» – неодолима. Правда, это зависит от особенностей темперамента испытуемых, экстраверсии-интроверсии, эмоциональной стабильности, а также их возраста. Феномен *неизбежности cogito* мы отмечали, начиная с юношеского возраста.

Ощущение
самоданности
(феномен двойного
присутствия)

О том, что «Я» есть *содержимое* объемлющей его формы и, вместе с тем, равная ему и заключающая его в себе *форма*, – об этом, конечно, мы можем узнать формальным путем, выводя сказанное из идеи «Я» как со-ощущения *всех* ощущений сущего, сопричастных друг другу. Действительно, если рассуждать чисто логически (приготовьтесь пройти кругами известного парадокса множества всех множеств!), «Я» является частью себя, ведь это соощущение *всех* ощущений и следовательно принадлежит себе как одно из своих ощущений. С другой стороны, будучи со-ощущением, «Я» объемлет себя, как целое, обнимающее свою часть; оно образует форму по отношению к себе как своему собственному наполнению. Но ведь нас интересует большее, чем формальные следствия принятых определений. Мы хотим непосредственно пережить самоданность «Я». Для этого необходимо создать условия, в которых «принадлежность себя себе» (= «несение себя в себе») есть факт

сознания. Непосредственны, однако, только конкретные ощущения (и соответственно соощущения); поэтому в эмпирическом плане мы имеем дело только с фрагментами «соощущения всех ощущений»; ощущение самоданности может быть схвачено нами (если, конечно, это удастся проделать) не в своей тотальности, а в некоторых частных формах. Таких, например, как «телесное (физическое) Я», «внутренний наблюдатель», «субъект активности» и др. Кроме того, говоря о феномене самоданности, мы будем иметь в виду человеческого индивида, а не сущее вообще (применительно к любому сущему, мы не можем ставить перед собой этой задачи, так как анализ феномена «сознавания себя» теряет для нас какой-либо смысл применительно к существам иной природы, чем человек).

Парадокс двойного присутствия

И здесь уже приходится на чувственном уровне иметь дело с парадоксом «двойного присутствия», – так мы его назовём. Суть парадокса – в том, что индивид смотрит на себя извне, находясь при этом внутри себя (внутреннее здесь существует как внешнее); и столь же он видит себя изнутри в качестве смотрящего на себя извне (внешнее существует как внутреннее). А.М.Пятигорский по этому поводу писал, что чувственность может рассматриваться как «нечто», что наблюдается и наблюдает (ссылаюсь в этом пункте на статью В.П. Зинченко «Опыт думания о думании», где он соотносил идеи А.М. Пятигорского с собственными исследованиями «живого движения»).

Эта парадоксальность, присущая самоданности, смущает ум человека, и заключает в себе проблему. Как примириться с мыслью, что, находясь внутри, можно быть еще и снаружи того, в чем находишься?! Это положение вещей, озадачивающее нас, имеет место в переживаниях человека*. Наша задача – воссоздать в условиях реальных и мысленных экспериментов те обстоятельства, в которых человек именно переживает, чуть ли не «физически» ощущает, свое присутствие в двух мирах: внутри себя и снаружи – по *сю* сторону и по *ту* себя самого.

* Здравому смыслу вообще невдомек, как возможно многое из того, что есть в наших переживаниях. «Где», например, существуют «фигуры невозможного» Эшера и Рудесварда? Общий ответ, который мы предлагаем, заключается в том, что это пространство переживаний (не образов и не мыслей, а именно переживаний как таковых, чувственной ткани образов и мыслей, ускользающей от каких-либо попыток «опредмечивания»). Именно здесь парадоксальное (в том числе, комическое, «диалектически-противоречивое», иррациональное, сказочное, мистическое) чувствует себя как дома (Гегель бы, возможно, сказал: «у себя»).

Ощущение
собственной
самости у детей

Основу парадокса «двойного присутствия» образует, как мы полагаем, еще более парадоксальное положение дел, характеризующее особенности ощущения собственной самости у детей.

«Я существую в глазах взрослого». В отличие от взрослых, которые видят себя глазами другого, ребенок, на ранних этапах развития, видит себя в глазах другого. Закрывая и открывая глаза в присутствии взрослых, трехлетний ребенок говорит о себе вслух: «Саши – нету, Саша – есть, Саши – нету, Саша – есть»... Пока ребенок видит, что его видят, он ощущает себя существующим*.

Присутствие
в глазах другого

Следы «присутствия в глазах другого» у взрослых. Подойдем к зеркалу с двух сторон. Убедимся в том, что мы не видим себя в зеркале. Но встанем так, чтобы видеть друг друга (это очень легко).

Теперь будем смотреть в зеркало так, чтобы видеть глаза другого, смотрящего нам в глаза. Если теперь каждый мысленно спросит себя, видит ли он себя в зеркале, то первый ответ будет: «Да, вижу!», и только потом, спустя мгновение, взрослый человек, скажет «нет, не вижу!». Таковы следы детского самовосприятия: «Меня видят, и я это вижу; следовательно, я вижу себя!»

В той же ситуации, мы можем предложить испытуемому поделиться первым впечатлением о том, что по его мнению чувствует другой человек: видит ли он себя в зеркале? – Мгновенное ощущение: «Да, видит!» Ему кажется, будто другие люди видят себя, «встречаясь» с ним глаза в глаза.

Восприятие себя
в зеркале взрослым
человеком

В процессе развития человека ощущение «я существую в глазах другого» замещается ощущением «я существую в своих собственных глазах»; позиция «другого», смотрящего со стороны, как говорят, интериоризируется, становится взглядом субъекта на себя самого. Появляется чувство присутствия себя внутри себя же, смотрящего со стороны. Рождается то, что характеризует Я как содержащееся в себе и содержащее себя.

«Поймать» феномен
«я как содержащееся
в себе и содержащее
себя»

Чтобы «поймать» этот феномен, нам не понадобятся какие-либо специальные аксессуары. Взрослому чело-

* Для ребенка «существовать» значит «быть видимым» (понятное дело, пятилетние дети уже знакомы с трудами епископа Беркли!). Ребенку в возрасте до 5 лет я предлагал смотреть на себя в зеркало, вначале открытыми глазами, потом поочередно – левым и правым (закрывая то один, то другой), и наконец, закрыв оба глаза. Каждый раз, спрашивал: «Ты в зеркале есть?» В первых двух случаях ребенок отвечал, разумеется, утвердительно (иначе и быть не могло – ведь он себя видел). Зато в третьем случае ребенок уверенно говорил, что его в зеркале нет.

веку достаточно просто подойти к зеркалу, увидеть свое отражение и «пообщаться» с ним «с глаза на глаз». В этом случае, вполне непосредственно, можно почувствовать: «Это я нахожусь *перед собой*»; «я – и внутри, и – снаружи».

Более того, смотрясь в зеркало, взрослый человек способен легко варьировать место своего ощущаемого присутствия между полюсами – по *сю* сторону зеркала (взгляд *отсюда*, я нахожусь *перед* зеркалом) и – по *ту* сторону зеркала (взгляд *оттуда*, я нахожусь *в* зеркале). Он может спросить себя: «Кто видит?» Первый ответ – я, *находящийся в зеркале, вижу себя, смотрящего из зеркала; субъект и объект созерцания находятся в зеркале (по ту сторону зеркала)*. Второй ответ – я, *смотрящий из зеркала, вижу себя, смотрящего в зеркало (и при этом находящегося по сю сторону зеркала)**.

Феномен активной неадаптивности: продолженность в себе «несмотря ни на что»

Феномен активной неадаптивности заключается в контроле над будущим состоянием Я. Вся наша повседневная жизнь, в некотором смысле, подчиняется известной формуле: «Шел в комнату – попал в другую». При этом может теряться ощущение субъектности, контроля нашего Я над собой в своих начинаниях. Как вернуть

* В логическом плане этот феномен может быть осмыслен с опорой на идею переживаемой транзитивности отношения «данности». Введем символ, выражающий смысл таких слов, как «быть данным кому-то», «быть видимым кем-то», «быть объектом мысли (чьей-то)», «пребывать в сознании (у кого-то)», «являться (кому-то)» и т.п. Удобно при этом воспользоваться значком « \Rightarrow », символизирующим общий смысл всего перечисленного – существовать (присутствовать) в ком-то и для кого-то.... Этот значок напоминает нам о математических символах принадлежности « \in » и включения « \supset », но за счет вмонтированной в него стрелочки указывает на активность, устремленную в сторону объекта. Выражение « $A \Rightarrow B$ », говорит о том, что В присутствует в А с точки зрения А, или, кратко, «В дано А».

Принимаем, как допущение, что отношение данности является транзитивным, т.е., иными словами, считаем, что из $A \Rightarrow B$ и $B \Rightarrow C$ следует $A \Rightarrow C$ (если В дано А и при этом С дано В, то С дано А). Используя это допущение, мы будем говорить о правиле транзитивности отношения данности.

Правило транзитивности отношения «данности» может быть распространено на взаимоотношение Я с самим собой. Для этого нам потребуются, в качестве посредника, другой индивидуум (Другой, Ты). Имеем:

$$((Y \Rightarrow \text{Другой}) \text{ и } (\text{Другой} \Rightarrow Я)) \rightarrow (Я \Rightarrow Я)$$

Это значит: если Я воспринимаю Другого (он дан мне) и Другой воспринимает Меня (Я дан Другому), то Я воспринимаю себя (Я дан себе самому). Словом, мое в-себе-и-для-себя-бытие есть следствие бытия другого индивидуума для-меня-и-во-мне. Я – причина себя через мое бытие для другого (который дан мне).

это ощущение субъектности («Я сам опираюсь на себя и получаю то, что ожидаю»)? Не в том ли состоит решение этой проблемы, чтобы намеренно ставить перед собой цели, результат достижения которых предрешишь нельзя? Ведь невозможно промахнуться мимо того, что выбирается как возможность промаха. Так, например, мы бескорыстно рискуем. Не «за мзду», а чтобы предрешишь непредрешенное. В этом случае мы ощущаем само присутствие себя. Мы выбираем и проживаем ситуации, в которых от нас зависит не все, и тем самым мы испытываем себя на прочность. Наше Я, таким образом, «продолжает себя в себе» – вопреки всему и несмотря ни на что. В этом случае мы говорим: *«Человек поднимается над ситуацией»*.

1. Я. Философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3606.html> (дата обращения: 12.10.2012).

2. Карпов А.В. Рефлексивная детерминация ситуаций. – М., 2010.

3. Автопоззис. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/81> (дата обращения: 15.12.2012).

4. Дейксисы. Энциклопедия Кругосвет: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 16.12.2012)

5. Петровский В.А. Существует ли Я – субъект познания, воли, переживаний? // Методология и история психологии. – М., 2010. – Т. 5. – вып.1. – С. 136–148.

6. Петровский В.А. Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет? // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко. / под общ. ред. Т.Г. Щедриной). – М., 2011. – С. 200–215.

7. Петровский В.А. «Я» в мысли и «Я» наяву // Развитие личности. – 2011. – №3. – С. 62–93.

8. Петровский В.А. Мыслью? – Да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. – 2011. – №3. – С.12–26.

9. Петровский В.А. Я в мысли и Я наяву: как возможно существование Я? // Проблема «Я»: философские традиции и современность. Под ред. В.Н. Поруса. – М., 2012. – С. 195–222.

10. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М., 2010.

11. Петровский В.А. Философия “Я”: транзактный подход (послесловие) // Э. Берн. Групповая психотерапия. – М., 2001. – С. 421–456.
12. Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М., 2008.
13. Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2012. – Т.9. – №1. – С. 21–39.
14. Самойлов Д. Избранные произведения. – М., 1990. – Т.1. – С. 178.

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДРУГИХ: ОТЧУЖДЕНИЕ ЛЕНИВЫХ И РАВНОДУШНЫХ

Аннотация. Рассматриваются такие негативные качества как лень и равнодушие, которые возникают в индивидуальной истории человека в процессе его развития и бытия; качества, которые складывались и осознавались в процессе исторического развития рода человеческого. Показано, что гомеостаз и активность – два дара природы всему живому, которые в процессе исторического развития трансформировались в культурные состояния человека: культура умеренности и позитивная социальная активность; лень и равнодушие. Показано, что лень и равнодушие, отчуждающие человека от других людей, являются пороком человечества (пороком культуры), социальным дефектом и пороком конкретного человека.

Ключевые слова: лень; равнодушие; эволюционное и историческое наследие; корреляция биологического и социально-исторического в развитии психики и поведения; внутренняя позиция человека; Великое идеопле общественногo самосознания; лень и равнодушие как культурно-историческое новообразование, как архетипические знаки негативных состояний человека; гомеостаз и активность – как дар природы и как предтеча культурных образований человечества.

Abstract. We consider such negative qualities as laziness and indifference that arise in the individual human history in the process of its development and existence, the quality of which were developed and understood in the historical development of the human race. It is shown that homeostasis and activity are two gifts of nature of all living things, which in the process of historical development transformed into cultural condition of man: in case of the formation of laziness and indifference as negative personality traits. It is shown that laziness and indifference alienate people from other people, they are a social defect, defect of humanity (vice culture) and vice specific person.

Keywords: laziness, indifference, evolutionary and historical heritage; correlation of biological and socio-historical in the development of mental and behavior, internal position of a person; Great ideofield of public awareness; laziness and indifference as a cultural and historical neoplasm as archetypal signs of negative states of man; homeostasis and activity as a gift of nature, and as a forerunner of cultural formations of humanity.

Душа ленивого желает, но тщетно...

[Пр. 13:4]

Леность погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод.

[Пр. 19:15]

Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям... Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

[Откр. 3:13; 15–16]

Равнодушие – косность души, сердца, чувств, холодность, безучастность.

Вл. Даль

Взаимодействие
в целостной природе
человека
биологических
и социально-
психологических
факторов

Прежде чем мы приступим к обсуждению столь важного для понимания человека феномена отчуждения от других через психические состояния *лени и равнодушия*, следует обратиться к сущностным особенностям взаимодействия биологических и социально-психологических факторов в целостной природе человека, а также к внутренней позиции самого конкретного человека.

Биологическое и социальное в человеке как представителе рода *Homo sapiens* столь сложно и прочно связано, что разделить эти две линии развития можно лишь теоретически. Согласно данным многих отраслей знаний, процесс психического развития человека происходит как по биологическим, так и по историческим законам. Развитие высших психических функций человека, как и других типологических особенностей, *коррелирует* с развитием его биологических функций. Безусловно, человечество в своей многовековой эволюции и истории изменяется по эволюционным и историческим законам. Однако до сего времени недостаточно выяснено, какова непосредственная связь и зависимость высших психических функций, типических особенностей и форм поведения человека от эволюционного наследия. Обычно эта проблема в психологии отстает от общей проблемы влияния исторического развития на психические и личностные новообразования *Homo sapiens*.

Известно, что каждый этап в биологическом развитии поведения коррелирует с изменениями в структуре и функциях нервной системы: каждая новая ступень в развитии высших психических функций и поведения возникает вместе с изменениями центральной нервной

Каждый этап
в биологическом
и историческом
развитии
коррелируют друг
с другом

системы. Однако до сих пор остается недостаточно выясненным, какова непосредственная зависимость высших психических функций и форм поведения от структуры и функций нервной системы.

Феномен вставания
каждого поколения
в цивилизацию

Мы считаем необходимым специально обсудить еще один феномен – *вставание каждого нового поколения в цивилизацию*. Мы полагаем, что именно на этот факт указывали еще Платон и Аристотель, когда писали о том, что человек есть особое существо. Так, Платон, рассуждая об осуществимости идеального государства, в своих диалогах обсуждал сущностную природу людей: «Смешивая и сочетая качества людей, они (философы – авторы) создадут прообраз человека, определяемый тем, что уже Гомер назвал боговидным и богоподобным свойством, присущим людям <...> кое-что они будут стирать, кое-что рисовать снова, пока не сделают человеческие нравы, насколько это осуществимо, угодными богу» [1, с. 282].

Благословенны мечты прекрасных мыслителей типа великого Платона о «богоподобности» человека. Однако наши человеческие упования подчас лишаются возможности осуществиться. Тому есть реальные основания, к которым мы обратимся позже.

Человек как
общественное
существо

Аристотель, обсуждая вслед за Платоном феномен человека, говорил о том, что человек социальное животное и *общественное существо*. Он писал о своем видении человека так: «человек – общественное существо и жизнь сообща приобщена ему» [2, с. 63, 259]. В «Примечаниях» к трудам Аристотеля указано, что более точным переводом терминологии мыслителя, когда он писал о человеке, были бы выражения: «животное государственное», или «полисное», то есть существо, которому свойственно организовываться государственно, то есть в полисе [3, с. 696 п. 35].

Представления
человека
предполагают некий
коллективный
субъект

Спустя тысячелетия мыслители продолжали делать попытки проникнуть в суть исторической природы феномена человека. Так, Л. Леви-Брюль писал о представлениях человека, само появление которых предполагает «некий коллективный субъект». Согласно этому мыслителю коллективные представления «проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового...» [4, с. 9].

В первой четверти XX века глубинное понимание сущности человека осветил Л.С. Выготский. Он ввел в науку понятие «вставание в цивилизацию». Последовательно развивая свою идею совмещения вставания

Чрезвычайная
пластичность
психики человека

ребенка в цивилизацию с органическим созреванием, Л.С. Выготский писал: «Врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания» [5, с. 47].

Современная наука продолжает открывать феноменологические особенности человека. Чрезвычайная пластичность – одна из важнейших особенностей человеческого мозга, психики. Пластичность нервной деятельности качественно отличает человека от высших животных. В процессе исторического развития законы биологической эволюции потеряли свою единственно определяющую силу по отношению к человеку. Однако, несмотря на кардинальные изменения психики и поведения человека в процессе его исторического развития, эволюционные приобретения сохраняют своё влияние на многие проявления человеков.

Полученные
в эволюции
приобретения
неизменно
проявляют себя
в поведении
и внутренней
позиции человека

В проявлениях человека безусловно доминируют исторически развившиеся достижения потенциала его психических функций и поведения. Но полученные в эволюции приобретения открыто или сокрыто (бессознательно) присутствуют в человеке и неизменно проявляют себя в психических состояниях, в поведении и в построении таких значимых достижений как развитие личности, как *внутренняя позиция* каждого отдельного человека.

Внутренняя позиция человека – особое ценное отношение человека к себе, к окружающим людям, к собственному жизненному пути и к жизни вообще [6, с. 913]. Она определяется не только генотипом и социально-историческими условиями развития, но и его собственной интеллектуальной и душевной работой, направленной на поиск смысла жизни и целей жизненного пути. Внутренняя позиция человека как личности зависит от уровня развития его интеллекта, нравственных ориентиров, воли, содействующей и определяющей достижения помыслов и намерений.

Обсуждая особенности взаимодействия эволюционных и социальных факторов в психическом поле человека, следует подчеркнуть, что вовсе не эффективно взвешивать на весах доли участия в нас биологического и социально-исторического. Эти феномены достаточно сокрыты от исследователей. Здесь важно понимать и чувствовать общие тенденции этого взаимодействия.

Посылы
биологической
и социально-
исторической
природы человека

В.С. Мухина писала о том, что «биологическая природа выпестовала человека как вид. В каждом отдельном человеке она присутствует по законам жизни и смерти. В психике человека все функции имеют биологические предтечи... социально-исторические условия выпестова-

ли человека как сознающего себя и развивающегося интеллектуально и нравственно, как участвующего в создании Великого идеополя общественного самосознания.

Мы должны принять воссоединенность биологических и социальных факторов как родовых признаков человеческого рода, а также воссоединенность этих факторов в каждом отдельном человеке. Следует принять тот факт, что в каждом отдельном человеке биологическое и социальное сочетаются помимо типического еще и уникальным образом» [6, с. 360–361]. При этом весьма значима внутренняя позиция человека по отношению к самому себе, к своим близким и по отношению ко всему человечеству.

Активность
психической
и социальной
позиции человека

Человек тогда проявляет себя как личность, когда занимает активную психическую и социально-позитивную позицию.

Психическая активность представляет собой потребность человека в познании как окружающей действительности, так и самого себя. Все виды познания осуществляются посредством рефлексии на других и себя. Психически активная позиция позволяет человеку определять ориентиры в отношении к самому себе и в отношении к другим.

Позитивная
и негативная
социальная
активность

Социальная активность представляет собой сознательную направленность на изменения обстоятельств, других людей и самого индивида. Социальную активность, безусловно, следует различать в двух её полярных проявлениях: *позитивную социальную активность и негативную социальную активность*.

Позитивная социальная активность направлена на пользу общества. Она есть ответственность человека за решение общих социальных проблем и за себя лично.

Позитивная социальная активность может быть обусловлена такими качествами человека как самостоятельность, свободолюбие, долженствование, а также дисциплинированность. Подлинно социальная активность состоит в направленности на изменение обстоятельств жизни людей и на самоизменение с пользой для себя и для других. Однако человеку присущи и негативные проявления социальной активности.

Негативная социальная активность выражает направленность на уничтожение индивидуального бытия в другом, на превращение другого в *ничто*. В человеческом обществе формируются асоциальные по своей направленности формы негативной активности, которые предстают как ценности для тех, кто ориентирован на сферу аморализма.

Социальная
пассивность
и равнодушие как
дефект человека

Феномен лени
человеческой

Попечение о плоти,
чревоугодие уводит
к состоянию лени

Психическая и социальная активность соединяются через контекст общественно значимых значений и смыслов, формируя личностные детерминанты морального сознания [7, с. 181–186].

Обсуждение проблемы социальной активности требует также обращения к проблеме *социальной пассивности*. Понятие «социальная пассивность» возникает внутри проблемы так называемой безличности.

Безличность – характеристика индивида, не способного творить обстоятельства, несвободного конформиста, зависимого от условий. Безличность отличается *леностью помыслов, мыслей и поступков*. Безличность отличается *отсутствием интереса к окружающим, выраженным равнодушием*.

Понятия *лень* и *равнодушие* отражают результаты исторического развития цивилизаций, сформировавших многие негативные качества человечества.

Слово лень означает отсутствие желания что-либо делать, прежде всего работать. Отсюда в нашем языке такие однокорневые слова как *леность, ленивец* (ленивый человек, лентяй), *ленивый* (склонный к лени, к праздности, избегающий труда), *лентяйничать* (пробывать в праздности, бездельничать), *ленца* (склонность к лени, к лености).

В русской народной культуре лень хотя и осуждается, однако существует множество сказок и былин, главный герой которых долго лежит на печи, бездельничает до тех пор, пока вдруг не воспрянет от своего состояния безделья и не начнет активно действовать во имя некой значимой для него самого и его народа цели.

В Библии ленивец обязательно получает осуждение. Так, в Книге Притчей Соломоновых мы найдем суждения о ленивцах: «Алчба ленивца убьет его, потому что руки его отказываются работать...» [Пр. 21:55]. В той же Книге речь идет и о ленивых: «Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета – сын разумный, спящий же во время жатвы – сын беспутный» [Пр. 10:4–5]. «Душа ленивого желает, но тщетно; а душа прилежных насытится» [Пр. 13:4]. «Путь ленивого как терновый плетень, а путь праведных – гладкий» [Пр. 15:19]. «Леность погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод» [Пр. 19:15]. «... попечения о плоти не превращайте в похоти» [Рим. 13:14] и много другого.

Мы уже писали о том, что попечение о плоти, чревоугодие – это одна из негативных страстей человечества [8, с. 51–63]. Мы писали и о том, что святые Отцы

подарили людям немало мудрых суждений о том, что чревоугодие порождает лень тела и лень ума [9, с. 26; с. 50]. Святые Отцы увещевали о воздержании, подчеркивая при этом, что мера воздержания должна определяться судом совести каждого. Сам человек может и должен совладать с духом чревобесия, который есть страсть к объедению и последующему впаданию в телесную и душевную лень.

Наставления Святых Отцов поднимают в нас умственное и душевное трезвление. Человечество в своей истории открывало, что чревоугодие не только сама по себе греховная страсть, но эта страсть, которая обременяет тело и порождает лень мысли.

Чревоугодие мы рассматриваем как один из вариантов аддиктивного поведения, которое уводит от реальности к состоянию лени [8, с. 62–63].

Помимо лени, побуждаемой чревоугодием, можно говорить о лени тела и духа, которые могут развиваться в конкретном человеке сызмальства по разным причинам: из-за праздного образа жизни, из-за подавленного интереса к окружающему миру, неразвитости психических функций, из-за телесной немощи или воспитанной слабости, из-за психической пассивности. Лень, безусловно, культурное новообразование, которое возникло в процессе исторического развития человечества.

В русской народной культуре *лень* – *мать всех пороков*. Однако не только народное самосознание, но и философы обращались к феномену лени как дефекту человека.

Рассуждая о высшем физическом благе, И. Кант различал отдых и лень. Если величайшее чувственное наслаждение – «это *отдых после работы* в здоровом состоянии», и, наоборот, «склонность к отдыху без предшествовавшей работы в названном состоянии есть *лень*» [10, с. 312]. Философ полагал: «Из трех пороков – лени, трусости и лицемерия первый как будто наиболее достоин презрения» [10, с. 313]. И одновременно выражал уверенность в том, что природа мудро заложила в некоторых людей инстинктивное, благотворное как для них, так и для других отвращение к продолжительной работе, поскольку они неспособны выносить длительно или часто повторяющегося применения сил, не испытывая истощения, и нуждаются в перерывах для отдыха...» [10, с. 313].

Лень рассматривается учеными и как негативное волевое качество, и как защитное свойство, содействующее сохранению физических и психических сил. Каж-

Лень тела и духа
как культурное
новообразование
человечества

Лень наиболее
достойна презрения

Лень возникает
в сфере отношений
души к телу

дый из исследователей вводил в описание феномена лени свои нюансы.

Согласно К.Д. Ушинскому, лень – это явление психофизическое, которое «возникает в сфере отношений души к телу». Он писал, что лень можно определить как «отвращение человека от усилий» [11, с. 100]. «Само же по себе чувство усилия ... всегда есть чувство неприятное, и напряженность этой неприятности тем сильнее, чем труднее извлекаются душою силы из организма...» [11, с. 19]. К.Д. Ушинский полагал, что «в возможности совершенно пассивной деятельности коренится начало лени и всех её видоизменений» [11, с. 102].

Причины лени

К.Д. Ушинский выделил *физические, психофизические и психические* причины лени. «Физические причины лени, – писал он, – скрываются, без сомнения, в самом организме» [11, с. 103]. К психофизическим причинам лени педагог относил особенное обилие и разнообразие следов приятных телесных ощущений всякого рода. Он полагал, что опыт чувственных наслаждений человека может предопределить всю его дальнейшую деятельность. В этом случае ему будет трудно пробудить в себе жажду духовной жизни [11, с. 103]. Психические причины определяются жизненным опытом. Согласно мнению К.Д. Ушинского: «Самостоятельная деятельность не появляется потом, с возрастом, но зерно её коренится в свободной воле человека, рождающейся вместе с душой, и этому зерну должно дать и время и сферу для развития» [11, с. 107].

Лень –
безотчетная из всех
наших страстей

В свою очередь А.Н. Лук писал: «Лень – это самая безотчетная из всех наших страстей... Если мы внимательно присмотримся к её влиянию, то убедимся, что она неизменно ухитряется завладеть всеми нашими чувствами, желаниями и наслаждениями... В ленивом покое душа черпает тайную усладу, ради которой мы забываем о самых страстных своих желаниях и намерениях» [12, с. 62].

Лень как
архетипический
знак негативных
состояний человека

Лень как страсть человеческая вошла сущностным знанием в сферы Великого идеополя самосознания человечества. *Лень стала архетипическим знаком негативного состояния человека*, которое означает не только телесную и умственную несостоятельность, но и внедряется в сферу нравственных знаний и чувств.

Периоды насыщения
деятельностью
и усталости

Рефлексирующие свои состояния интеллектуальные и творческие люди, те кто умеет и любит трудиться без усталости, тем не менее подчас осознавали себя как человек, поддающихся призывам лени. Как было указано В.С. Мухиной, в любой активности человека наступают

периоды насыщения деятельностью (будь то физическая или умственная активность), периоды, когда человек, не осознавая возникшей усталости, переживает её как собственную лень. О своей лени говорили и писали великие труженики, которые реально находили упоение в погружении в значимую для них творческую деятельность. Мысли о собственной лени мы встречаем в текстах (письмах, дневниках и др.) Ч. Дарвина, И. Ньютона, Дж. Верди, а также А.С. Пушкина, Д.И. Менделеева, С.М. Эйзенштейна, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилева и многих других талантливых людей, которых память человечества сохранила как великих.

Здесь *следует* возразить всем этим творческим личностям. Конечно же, все они не были ленивыми. Они ошибочно интерпретировали *преходящее насыщение интенсивной работой и усталость* как свою собственную лень.

Реально одни люди склонны к активной деятельности, направленной на движение к значимой для них цели, другие – не имеют целей, мобилизующих их активность, в силу чего пребывают в состоянии пассивного существования в этом мире. Однако активность и пассивность могут сосуществовать как перемежающиеся состояния у каждого из людей.

Здесь уместно обратиться к идеям С.Л. Рубинштейна, который полагал, что существуют собственно человеческие причины для социально-психологической активности человека.

Размышляя о мотивах, которые возникают у человека в его жизни, С.Л. Рубинштейн писал: «Действие, совершаемое человеком, не является совершенно изолированным актом: оно включается в более обширное целое деятельности данной личности и лишь в связи с ней оно может быть понято» [13, с. 562]. Согласно видению С.Л. Рубинштейна, лишь в силу своего *общественного* характера человеческая деятельность становится *сознательной*. «Вместе с тем создается возможность как схождения, так и расхождения между *мотивом* и *целью* деятельности» [13, с. 563]. И далее ученый продолжал развивать своё видение феномена мотивов человека: «Единство исходных мотивов и конечных целей у сложившейся и осознавшей свой путь личности может охватить всю сознательную жизнь человека и провести через неё четкую, изменяющуюся применительно к обстоятельствам и в зависимости от изменений самой личности и все же единую жизненную линию – генеральную линию в жизни данной личности.

Причины для
социально-
психологической
активности

Мотивы и цели
деятельности

Мотивы человека
и его моральные
обязанности

На жизненном пути человека бывают и такие узловые моменты, в которые более или менее резко меняется всё направление его жизненного пути. Оно зависит и от личности, и от обстоятельств, не всегда от неё зависящих» [13, с. 563].

С.Л. Рубинштейн писал о многообразии мотивов человека, которые проистекают из различных интересов и потребностей, которые формируются у человека в процессе общественной жизни. «В своих вершинных формах они основываются на осознании человеком своих моральных обязанностей, задач... в своих высших, наиболее сознательных проявлениях поведение человека регулируется осознанной необходимостью, в которой оно обретает истинно понятную свободу» [13, с. 565]. По существу С.Л. Рубинштейн описал мотивацию к деятельности как условие развития социально-психологической активности человека.

Психология личности и общая психология – отрасли в рамках которых разрабатывались и по сей день разрабатываются аспекты активности и мотивации человека.

Социально-
психологические
аспекты активности
человека

Социально-психологические аспекты активности исследовал И.Г. Дубов. Согласно разрабатываемой им концептуальной схеме, он полагал, что общая активность является родовым термином по отношению к активности [14, с. 433]. Исследователь предпринял попытку изучить активность среди представителей различных социальных групп, занимающих разные должности, включенных в разные сферы самореализации; разных социально-демографических групп; среди людей с разным отношением к работе в группах с разным уровнем успешности, в зависимости от личностных особенностей; среди людей с разным уровнем мотивации достижения и в группах с разным отношением к работе; среди людей с разным уровнем активности; среди мужчин и женщин; среди людей разного возраста и с разным отношением к работе; среди людей с разным уровнем образования и с разным отношением к работе и множество других распределений. И.Г. Дубов также исследовал общую активность и мотивацию достижения [14, с. 433–451].

Исследования И.Г.Дубова позволяют увидеть панораму вариаций типологий проявлений активности и пассивности разных категорий населения страны. Однако полученные им результаты достаточно синкретичны. Возможно, многое в проявлении мотивов и активности определяется типологией внутренней позиции человека и его глубинной биологической природой, а не только социально-историческими влияниями.

Архетипы
социальной
активности,
пассивности и лени

За исследованиями активности в теневой стороне этой проблемы неизменно стоит амбивалентная её сторона – пассивность и коррелирующая с ней лень.

Сущностная природа всего живого состоит в проявлениях любых животных через *активное обследование окружающего мира* (рефлекс «Что такое?») и *через стремление к покою*. Эти две тенденции – результат эволюции всего живого. Биологические послы входят составной частью в жизненные циклы всех видов живых организмов, в том числе и тех, которые управляют поведением и жизненной позицией человека.

Когда речь идет о человечестве, не следует забывать, что *Homo sapiens* прошел долгий путь эволюции и что две феноменологические особенности бытия всего живого (активность и стремление к покою) были присущи и предкам современного человека. Естественные поведенческие предтечи в процессе исторического развития человечества трансформировались в качества, которые *стали архетипами социальной активности, а также социальной пассивности и лени*.

В самом деле, вполне возможно гипотетически представить природные предпосылки лени.

Гомеостаз
и активность –
два дара природы
всему животному

Человек в результате биологической эволюции привнес в своё историческое развитие шлейф биологических предтеч природной активности и гомеостаза.

Гомеостаз [гр. *homois* – подобный; *stasis* – стояние] – физиологическая совокупность сложных приспособительных реакций организма животных и человека, направленных на поддержание относительного постоянства (равновесия) основных телесных и психических функций в достаточно широком диапазоне внешних условий.

Можно предположить, что эволюционно предтечей лени, сложившейся в истории человечества, явились механизмы гомеостаза, – ведь удержание на уровне механизмов физиологии постоянства телесных и психических функций есть позитивное свойство организма. Человечество в своем историческом развитии придало особую значимость не только культуре активности во всех изобретенных им видах деятельности, но и культуре отдыха (в том числе культуре переключения с одного вида деятельности на другой).

Лень как
состояние
и личностное
свойство человека

Все они свидетельствуют о том, что лень (как постоянное состояние и как личностное свойство отдельных представителей рода человеческого) была выделена культурой человеческого рода вербальным обозначением и стоящими за ним значениями и смыслами.

Леность заняла место среди негативных качеств, присущих людям. Она может быть присуща человеку, уровень развития рефлексивных способностей которого столь низок, что он просто не осознает того, что *лень превращает человека в своего раба*. Но леность может быть присуща и человеку культурному, хорошо образованному и рефлектирующему на свои особенности (этот человек может положить лень в основу своей жизненной философии, в основу своей внутренней позиции).

Ленивый отчужден
от себя и от других

Ленивый всегда отчужден не только от себя, но и от других – он находится за пределами социально и психически активной жизни общества. Ленивый, как суммирует известный фразеологический оборот, ни жив, ни мертв.

Равнодушие как
антипод позитивной
социальной
активности

Другое психическое состояние – *равнодушие* есть антипод* позитивной социальной активности и таких существенно человеческих качеств как стремление человека к включению в близкое, значимое *сообщество*, в *сопереживание*, в *сопричастие*, в *сорадость*, в *сотрудничество*, в *соучастие* и в *сочувствие*.

Слово *равнодушие* означает безразличное, безучастное отношение к окружающему, к происходящему. Равнодушие есть отсутствие интереса, влечения к кому-либо. *Равнодушный* человек безразличен, безучастен к окружающему его миру, к людям.

Равнодушие –
косность души,
сердца, чувств

Согласно Вл. Далю, *равнодушие* – это покой, косность души, сердца, чувств, страстей; холодность, безучастность; отсутствие желания, хотения, пылу, порыва; состояние, свойство равнодушного, человека покойного, рассудочного; холодного, косного, безучастного.

Равнодушествовать – значит не принимать по чувству участия, быть равнодушным; *равнодушничать*, умышленно, намеренно, с расчетом уклоняться от участия в чем, или прикидываться равнодушным, бесчувственным к чему [15, с. 7]. В современном языке равнодушие, безучастие, сопряжено с понятием *безразличие*.

По своей сути равнодушие – безучастное, безразличное отношение человека к окружающим людям и их чувствам. Нечувствие, холодность проявляются как отсутствие интереса к другим людям. Равнодушие может сформироваться из патологической незаинтересованности окружающим миром, изначально присущей или сформировавшейся у отдельного человеческого существа [8].

* *Антиподы* [гр. antipodes – буквально расположенные ногами к ногам] – в данном случае диаметрально противоположные качества.

Равнодушие как
порок человеческого
рода

За равнодушием стоят такие пороки человеческого рода как выраженная асоциальность, социально-психологический дефект. Насыщение человеческой души темными страстями, отчуждающими человека от самого себя (чревоугодием, блудом, сребролюбием, гневом, печалью, унынием, тщеславием и гордостью) [8], а также темными страстями (яръсть, цинизм и хамство), отчуждающими человека от других, может привести к циничной демонстрации равнодушия, а также к телесной и душевной лени.

Равнодушие как отсутствие интереса к другим людям, безучастное, безразличное отношение человека к окружающим людям и их чувствам, может сформироваться из патологической незаинтересованности окружающим миром, присущей отдельному человеческому существу, но может формироваться и в изменяющихся социально-психологических условиях.

За равнодушием стоит выраженная асоциальность, социально-психологический дефект, пороки человеческого рода. При этом равнодушие безусловно негативное социально-психологическое качество спорадически* или постоянно проявляющее себя особенно выражено в разные исторические периоды человеческого бытия.

Равнодушие –
социальная
патология

Совсем недавно В.В. Краевский писал о равнодушии как о социальной патологии. При этом он отмечал, что сегодня «ареал равнодушия опасно расширился. И вот уже интеллектual проходит мимо глупости, несправедливости и прямого надругательства над человеком, показывая этим, что он не интеллигент» [16, с. 28].

Культурный,
интеллигентный –
значит
неравнодушный

В.В. Краевский, обсуждая культурологическое содержание образования, ориентирующего педагогику на воспитание культурного человека, подчеркивал: «Культурного, интеллигентного – значит неравнодушного. Недостаточно констатировать, что равнодушие, то есть ущербность эмоционально-ценностных отношений, перерастает рамки отдельной личности и становится бедой общества» [16, с. 29]. Говоря об ущербности равнодушия, В.В. Краевский апелировал к идеям К.Д. Ушинского относительно технократически-математического крена в образовании. Речь шла о нехватке в современной школе общего гуманного образования, знакомящего ребенка со специальными общественными науками, и преобладании математического и технического направления.

* *Спорадический* [гр. sporadikos – отдельный] – единичный случай, появляющийся время от времени.

Напоминая о том, что мысли К.Д. Ушинского были высказаны более ста лет назад, В.В. Краевский писал: «Безжалостный XX век, казалось бы, показал губительность интеллекта без чувств, бездну жестокости, затягивающую человека, лишенного гуманитарного и, стало быть, гуманного стержня. Опыт минувшего столетия показал, как тонок культурный слой – не только в геологических раскопках, но и в отдельном человеке» [16, с. 30].

Человеку дан разум
и свобода
нравственного
выбора

Безусловно, человеку дан разум и свобода нравственного выбора, чтобы он мог избрать свой путь. Эта идея была провозглашена не только в текстах Библии, но и устами интеллигентов, берущих на себя ответственность за свой выбор.

Отчуждение
от другого в высшей
степени

В.С. Мухина, благодаря долгой работе с преступниками, представила науке новые неслетные стороны человеческой сущности [17, с. 29]. Она писала: «Когда человек насильственно грабит и убивает другого человека – он личностно отчужден от другого в высшей степени...» [17, с. 29]. Все они (убийцы) повреждены средой и своей отчужденной внутренней позицией по отношению к другим и самим себе.

Отчужденность от жертвы, равнодушие к чувствам жертвы, – феноменологическая характеристика убийцы в момент убийства. Здесь можно говорить о внутривидовой агрессии, которая так и не исчезла в процессе истории человечества.

К. Лоренц называл внутривидовую агрессию опасностью, грозящей человечеству в современных условиях. Исследователь полагал: «Чем больше развивается цивилизация, тем менее благоприятны все предпосылки для нормальных проявлений нашей естественной склонности к социальному поведению» [18, с. 246]. Мы полагаем, что чем дольше существует цивилизация, тем более развиваются и негативные личностные образования.

Агрессию при расстройствах личности исследовал О. Кернберг. Он изучал психопатологию ненависти и ярости асоциальных личностей и полагал, что «реальность антисоциальной личности – это кошмар нормального человека; реальность нормального человека – это кошмар для психопата» [19, с. 110].

Б. Морель исследовал вырождение (деградацию). Он показал, что субъекты, подвергшиеся вырождению, образуют ряд типичных дефектов в психической организации – *стигмат дегенерации* [20, с. 515–516]. Вырождение проявляется в поступках беспорядочных и опасных.

Феномен морального
слабоумия

Многие авторы указывали на *моральное слабоумие* или *моральное помешательство* [21]. Психиатры писали об извращении нравственных чувств и привязанностей, о мономании убийства, о целом ряде других расстройств, демонстрирующих стойкие эмоциональные и интеллектуальные дефекты. Психиатр Е.К. Краснушкин и его коллеги показали, что уже с детства морально слабоумные проявляют пугающую жестокость по отношению к людям и животным. Они эгоистичны, лишены сострадания [22]. Психиатры упорно изучали особенности построения характеров у преступников [23]. Е.К. Краснушкин писал о том, что изучаемая им «криминальная группа людей имеет психопатологический индекс в существенном, характеризующийся очень высоким процентом психопатических личностей и психоневротиков с их психотическими реакциями...» [23, с. 8]. Однако психиатр указывал не только на врожденные предпосылки морального слабоумия, но и на среду, которая «дрессирует в направлении асоциальных установок жизни». Одно из действий среды – «культивирование в психике её воспитанников примитивных влечений и инстинктов, установка всей жизни их по линии этих влечений». «Среда калечит их, – писал Е.К. Краснушкин, – она воздействует на чисто физиологическое состояние их организма, а через последний и на мозг, а то и непосредственно на мозг» [23, с. 29].

Е.К. Краснушкин был убежден в том, что «каждый человек может стать преступником» [23, с. 33], а *становится преступником* человек в силу недостаточной способности социального приспособления (олигофрены и психопаты, а так же «пролетариат босяков»). Из числа подобных представителей рода человеческого «по преимуществу вербуются ряды преступников, и наконец, ... огромная масса правонарушителей – это неполноценные личности» [23, с. 33].

По существу исследователь криминальных психопатов в начале XX столетия Е.К. Краснушкин был, в числе первых психиатров, которые проводили анализ поведения и личности преступников. Отдел поведенческого анализа ФБР (США) много позже стал изучать как мыслит преступник и типологию его личности.

В то же время А.К. Ленц пристально изучал опасных для общества патологических субъектов, которые вступают в постоянные конфликты с законом, с социальными ожиданиями законопослушных граждан. Они реально не приспособлены к нормативной жизни. А.К. Ленц называл таких представителей рода человеческо-

Безучастность как
сущность
равнодушия

го «криминальными психопатическими личностями», или «социопатами» [24].

О социопатах всегда писали, что это личности с уменьшенной вменяемостью. Согласно В.П. Осипову, эти люди социально опасны, у них нередко скорое рецидивирование [25].

Безучастность как
сущность
равнодушия

Мы наблюдали у тех кто убивал мужчин, женщин и детей помимо того, что они лишены сострадания, ещё и безучастное отношение по всему происходящему вокруг. По существу речь идет о психической и социальной патологии, которая выражается в абсолюте отчуждения, в отсутствии сострадания, в равнодушии.

Абсолют
отчуждения
равнодушия

В.С. Мухина писала об абсолютном отчуждении преступника в момент совершаемого преступления: «Корни преступления в корыстных побуждениях человека – в абсолютном отчуждении, когда преодолеваются присутствующие в сознании социальные табу; в состоянии тяжелого аффекта, необузданного гнева и помраченного сознания.

Преступление – всегда *абсолютное отчуждение* преступника от своей жертвы» [17, с. 106]. Преступника не волнует участь жертвы, его переключивает *абсолют равнодушия*.

В.С. Мухина, полагаясь на интеллект и связанные с ним рефлексивные способности своих подопечных, упорно просила пожизненно осужденного Г. совершить над собой усилие и рассказать о своем пути к преступлению. Г. должен был описать как им овладевало абсолютное отчуждение, которое лишило его способности увидеть, куда его влечет нечистый.

Г. дал согласие проанализировать как свои прилоги и помыслы, так и сами преступные действия и поступки.

Он писал: «Пора приступать к делу и писать об отчуждении. Хотя прошло уже более тридцати лет <...>

С чего всё начинается? Почему человек “загоняет” сам себя в это самое “отчуждение”? Или его другие толкают в это загадочное и опасное душевное состояние? А может “среда” создает? <...> Происходит “бунт личности”: мы хотим чего-то особо неординарного <...>

Поиск
самооправдания:
отчуждение
от своего
отчуждения

Вся беда в том, что ... мы начинаем верить, что мы самые-самые уникальные <...> Бунт индивидуума – нежелание жить по правилам, по традиции. Выискивание неординарности в себе – вот начало отчужденности» [17, с. 265–266]. Далее Г. рассуждал о том, как в человеке «созревают огромные плоды тщеславия и гордыни» [17, с. 266], которые питают его отчуждение к другим людям.

Отношения
конъюнкции
отчужденного
равнодушия
и агрессии

Осужденные пожизненно за свои тяжкие преступления, убийства в своем большинстве стараются отгородиться от своего преступления: отчуждаются от своего отчуждения. Путь покаяния проходит ничтожно малое число переступивших черту.

Абсолют отчуждения несет в себе безучастие к другому человеку, которое рядоположно с равнодушием.

Убийца всегда или отчужденно равнодушен к своей жертве (она лишь препятствие на его пути к цели), или агрессивно настроен против жертвы. Здесь равнодушие и агрессия подобны кругам Л. Эйлера в их отношениях конъюнкции, когда круги частично налагаются друг на друга.

Следует отдать должное Ф.М. Достоевскому, который с чувством глубокого удивления описывал специфику личностных проявлений преступников: они демонстрировали некий общий тон «из какого-то особенного собственного достоинства, которым был проникнут чуть не каждый обитатель острога. Точно в самом деле звание каторжного, решенного, составляло какой-нибудь чин, да ещё и почетный. Ни признаков стыда и раскаяния! Впрочем, было и какое-то спокойное резонерство*: «Мы погибший народ, – говорили они, – не умел на воле жить, теперь ломай зеленую улицу, поверь ряды»» [26, с. 13]. Ф.М. Достоевский сокрушенно писал: «я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своём преступлении...» [26, с. 15]. При этом писатель указал на общую зверскую бесчувственность этих людей: «Такая зверская бесчувственность, разумеется, невозможна. Это феномен; тут какой-нибудь недостаток сложения, какое-нибудь телесное и нравственное уродство, еще не известное науке, а не просто преступление» [26, с. 16]. Ф.М. Достоевский указывал на склонность преступников к самооправданию и к избеганию самопознания.

Эти тенденции преступных личностей мы наблюдаем в течение долгих лет работы с осужденными, преступившими нравственные законы. Им действительно свойственно демонстративное резонерство. Они не способны честно и тонко рефлексировать на свои преступления – самопознание у них пребывает в рудиментарном состоянии, поэтому – ни малейшей тягостной думы о своих преступлениях и полное отсутствие раскаяния и покаяния.

* *Резонерство* – пространное рассуждение о чем-либо в нравоучительном тоне.

Однако равнодушие (безразличие) – это не только свойство, сопутствующее патологии убийцы. Равнодушие может присутствовать в человеке как компонент каких-либо других свойств, как проявление отчуждения в социальных и психологических отношениях.

Недаром А. Камю в своих «Записках бунтаря» указывал на безразличную личную позицию представителей некоторых профессий. Так, политикам, «выступающим от имени народа, свобода всегда была глубоко безразлична» [27, с. 160]. Политики даже хвалятся этим.

Равнодушный
убивает ближнего

Равнодушный – социально неприемлемый человек, который может быть охарактеризован как тип с социальной патологией. Он не обязательно убивает насильственно, физически. *Равнодушный убивает ближнего своим безучастием, асоциальной холодностью, отчужденностью; он убивает своими несопереживаниями, несопричастиями, несорадостью, несоучастием, несочувствием.* Равнодушие – противоестественное для рода человеческого асоциальное качество. Однако равнодушие (как это ни парадоксально звучит) социально, ибо оно возникло в истории человеческих отношений.

Каждый из нас, человек, порой может проявить в многообразных жизненных обстоятельствах равнодушие и отчуждение по причине условий, давящих над нашей психикой, когда мы перегружены обстоятельствами наших условий существования. Но речь не об этом.

Равнодушие вошло сущностным знанием в сферы Великого идеополя самосознания человечества. *Равнодушие стало архетипическим знаком негативных проявлений человека*, которые означают не только душевную и духовную несостоятельность, но и внедряются в сферу нравственных знаний и чувств.

Мы пытаемся вникнуть в суть равнодушия как сложившегося социального дефекта отдельного человека, как свойства его личности. Равнодушие как личностное свойство развивается в человеке не только из-за побуждающих биологических предтеч и социальных условий, не только из-за патологии его личности, его морального слабоумия, но и из-за добровольно принятой и возвращенной в себе внутренней позиции человека. Внутренняя позиция формируется через потребность в самопознании и способность к тонкой рефлексии.

Писатель, социальный утопист и философ О. Хаксли писал о необходимости самопознания для каждого человека. Придавая особое значение самосознанию человека, он полагал, что человек, осознанно отказывающийся от самопознания, впадает в грех перед самим собой и перед

окужающими его собратьями: «ибо заглядывая внутрь себя и прислушиваясь к суждениям других людей о своём характере любой человек может, если только захочет, разобраться в своих слабостях, недостатках и истинных, а не декларируемых, мотивах своих поступков. Большинство людей не знает самих себя только потому, что самопознание – это болезненный процесс и человек предпочитает ему приятную иллюзию» [28, с. 178]. О. Хаксли указывал на то, что последствия этого невежества плохи по любым критериям, начиная с утилитарных и заканчивая трансцендентальными. Он писал: «Незнание себя ведет к утрате реального взгляда на жизнь, что навлекает на индивидуума всевозможные неприятности; без самопознания не может быть истинного смирения и истинной скромности...» [28, с. 178].

Аппелируя к римскому философу Аницию Бозцийю (V–VI в. н. э.), утверждавшему, что: «Незнание себя есть часть природы любого живого существа, кроме человека; для человека незнание себя есть грех», О. Хаксли писал: «Греху можно дать следующее определение – добровольно принятый образ поведения, ведущий к плохим результатам ввиду, во-первых, своей безбожности, и во-вторых, вредности для самого индивидуума и окружающих его собратьев. Незнание себя в какой-то степени соответствует этому определению. Все начинается с того, что человек осознанно отказывается от самопознания. <...> Что касается последствий этого невежества, то они плохи по любым критериям...» [28, с. 178].

Тема самопознания была центральной в творчестве О. Хаксли. В Предисловии к роману-антиутопии «О дивный новый мир» («Brave new world» – N.V.; L., 1932) писатель, размышляя о самопознании, предложил не заниматься «самогрызением», а стараться в другой раз поступать лучше: «Затяжное самогрызение, по согласному мнению всех моралистов, является занятием самым нежелательным. Поступив скверно, раскайся, загладь, насколько можешь, вину и нацель себя на то, чтобы в следующий раз поступить лучше. Ни в коем случае не предавайся нескончаемой скорби над своим грехом. Барахтанье в дерьме – не самый лучший способ очищения» [29, с. 7].

Упование О. Хаксли на самопознание человека как его позицию по отношению к самому себе – это безусловная утопия. Мы полагаем, что лишь некоторое количество человек заинтересованно относятся к своей собственной внутренней сущности: *рефлексия на себя достаточно сложное умственное, нравственное и эмоциональное действие.*

Рефлексия на себя – сложное умственное, нравственное и эмоциональное действие

В умственном
отношении человек
слаб
и малоэффективен

В умственном отношении человек (в своём подавляющем большинстве) достаточно слаб и малоэффективен. Здесь нельзя не согласиться с М. Хайдеггером, который полагал, что «человек есть мыслящее существо, это доказывается действительностью тех редчайших прорывов, подвигов мысли, которые мы имеем в лице великих мыслителей. Только они, несколько человек в истории, доказали и показали, что человек – есть мыслящий. Все остальное большинство доказывало скорее обратное, ибо никогда не мыслило» [30, с. 22]. Эти мысли подробнейшим образом обсуждаются в лекциях М. Хайдеггера, а в концентрированном виде они представлены в предисловии О. Матвейчева к изданию поздних работ М. Хайдеггера на русском языке [30, с. 7–34].

В нравственном
отношении человек
слаб
и малоэффективен

В нравственном отношении человек (в своём подавляющем большинстве) также слаб и малоэффективен как и в умственном отношении.

Мы, современные люди, причисляющие себя к Homo Sapiens, как и все предшествующее человечество, наращивали в своей истории потенциал духовной культуры, обретали в себе способность взращивать в себе высокие качества, которые могут быть проявлены в бесконечном множестве обстоятельств, но одновременно обретали способность взращивать в себе низкие, не одобряемые нравственными ожиданиями человечества, качества. К таким качествам, безусловно, следует отнести равнодушие.

О равнодушии как особом негативном феномене человека специально размышлял Жан Бодрийяр. Упорно исследуя проблемы общества потребления, философ пришел к выводу, что именно такое общество продуцирует выраженное равнодушие в отношениях между людьми.

Согласно Ж. Бодрийяру: «Было бы бесполезно побуждать массы к поискам позитивного мировоззрения или к критическим умонастроениям, ибо они попросту этим не обладают; всё, что у них имеется, – это *сила равнодушия, сила отторжения*» [31, с. 107] (курсив наш, – авторы). Ж. Бодрийяр полагал, что массы черпают свои силы лишь в том, что *изгоняют* или *отвергают* любой проект, превосходящий их понимание, любую категорию или рассуждение, которые им недоступны.

Мы со своей стороны полагаем, что темная сила холодности, безучастности, отторжения, отчуждения, отвержения – это *тяжелое, асоциальное по своей сути равнодушие в разных своих проявлениях*. То сущностно развившееся в истории человечества качество, которое выражено отчуждает людей друг от друга. При этом

Равнодушие
отчуждает людей
друг от друга

Равнодушие
не требует
нравственных
усилий

отторжение (отчуждение) путем равнодушия легко дается примитивному разуму и примитивному складу психики элементарного человека как социальной единицы, рожденной толпой.

Мы полагаем, что устрашающая сущностная особенность *равнодушия состоит в том, что оно не требует нравственных усилий.*

Следует при этом отдать должное пронизательности Ж. Бодрийяра, указавшего на метастазы равнодушия во всех сферах человеческой деятельности. Он писал о политических деятелях, которые, расставшись с идеями, «продолжают свои игры, оставаясь в тайне совершенно равнодушными к собственным ставкам» [31, с. 12]; о телевидении, которое «абсолютно безразлично к тем образам, которые появляются на экране и, вероятно, преспокойно продолжало бы существовать, если бы человечество вообще исчезло...» [31, с. 12]. Нельзя не согласиться с мыслителем в том, что последствия такого распада фатальны.

Равнодушие
нарастает
катастрофическим
образом

Мы повсеместно наблюдаем, что *нарастание доминант равнодушия происходит катастрофическим образом.*

В этой связи мы уверены, что слово «равнодушие» (и как безусловное выражение негативного качества отдельного человека, и как исторически сложившееся негативное социально-психологическое качество субъектов со спецификой самосознания представителей синкретической массы) следует перевести в категорию психологических понятий, отражающих определенную социально-психологическую позицию человека по отношению к окружающим его людям и социальным явлениям.

Размышляя об отчуждении человека от человека, мы вновь и вновь приходим к выводу о том, что негативные качества, которые появились в процессе исторического развития человечества, правомерно называть *пороком культуры.*

Пороки культуры
и пороки
конкретного
человека

Те негативные качества, которые появились в процессе культурного развития человечества, правомерно называть *пороком культуры.*

Безусловно являясь пороками человечества, *лень и равнодушие* представляют собой *порок культуры и порок конкретного человека.* Они – отнюдь не безразличные для человечества недостатки. Эти качества коррелируют с выраженной отчужденностью человека от других, в силу чего являются сугубо асоциальными качествами, лишаящими человека нравственных ориентиров.

1. Платон. Государство: Собр. соч.: В 4-х т. – Т.3. – М., 1994.
2. Аристотель. Никомахова этика: Соч.: В 4-х т. – Т. 4. – М., 1984.
3. Аристотель. Никомахова этика. Примечания.: Соч.: В 4-х т. – Т. 4. – М., 1984.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994.
5. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960.
6. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010.
7. Хвостов А.А. Моральное сознание личности: Структура, генезис, детерминанты. – М., 2005.
8. Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. – М., 2011.
9. Св. Иоанн Кассиан Римлянин. Обзорение духовной брани // Добротолюбие. – М., 1998. – Т.2. – С. 11–162.; Пр. Нил Синайский. Аскетические наставления // Добротолюбие. – М., 1998. – Т.2. – С. 221–326; Св. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания – М., 1993.; Св. Ефрем Сирианин. Подвижнические наставления // Добротолюбие. – М., 1998. – Т.2. – С. 335–518.; Св. Иоанн Лествичник. Подвижнические уроки // Добротолюбие. – М., 1998. – Т.2. – С. 523–592.
10. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. 1798: Собр. соч. в 8-и т. – Т.7. – М., 1994.
11. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии: Избр. труды в 4-х кн. – Кн. 4. – М., 2005.
12. Лук А.Н. Эмоции и личность. – М., 1982; Он же. Эмоции и чувства. – М., 1972.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: 2-е изд. – М., 1946.
14. Дубов И.Г. Социально-психологические аспекты активности. – М., 2012.
15. Даль Вл. Равнодушие, равнодушествовать // Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. IV. – М., 1982.
16. Краевский В.В. Равнодушие как социальная патология // Духовно-нравственное воспитание учащейся молодежи в современных социокультурных условиях. – Курск, 2010.
17. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.

18. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М., 1994.
19. Кернберг О. Агрессия при расстройстве личности. – М., 1998.
20. Morel B. Traite des degeneres schenses psy seques, Intellectuelles et motates de liespese humaine et des causes que produisent ces varieties moladives. – Paris, 1877. – P. 515–516.
21. Каннабих Ю. История психиатрии / под ред. П.Б. Ганнушкина. – М., 1994.
22. Корсаков С.С. Курс психиатрии. – М. 1901; Кащенко П.П. Ближайшие задачи в деле попечения о душевнобольных в России // Совр. психиатр. – 1911. – Книга 9–10.
23. Краснушкин Е.К. Что такое преступник? // Преступник и преступность. – М., 1926. – С. 6–33; Он же. Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителя // Преступник и преступность. – М., 1928. – С. 7–33; Рапопорт А.М. К практике изучения личности преступника // Преступник и преступность. – И., 1926. – С. 34–48.
24. Ленц А.К. Криминальные психопаты (социопаты). – Л.; М., 1927.
25. Осипов В.П. Предисловие // Ленц А.К. Криминальные психопаты (социопаты). – Л.; М., 1927.
26. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Полн. собр. соч.: В 30-и т. – Т.4. – Л., 1972. – С.5–248.
27. Камю А. Записки бунтаря: Пер. с фр. – М., 2011.
28. Хаксли О. Вечная философия. – М., 1997.
29. Хаксли О. О дивный новый мир. – СПб., 1999.
30. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? – М., 2007.
31. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М., 2006.

Личность в контексте культуры

Наталья Осухова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИЯХ ОТСРОЧЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ КРИЗИСА

Аннотация: Обсуждается развитие идеи психологического сопровождения в науках о человеке и практике психологической помощи. Утверждается, что с разработкой теории психологического сопровождения связана одна из главных «точек роста» практики психологической помощи людям, неконструктивно пережившим кризис.

Ключевые слова: психологическое сопровождение; личность; теория и практика психологической помощи; значимый другой; содействие; взаимодействие; развитие; кризис; отсроченные последствия кризиса.

Annotation: Development of idea of support in sciences about the person and practice of a psychological aid is discussed. It is claimed that one of main «growth points» of psychological assistance practice to the people who haven't structurally survived crisis is connecting with development of the theory of psychological support.

Keywords: psychological support; personality; theory and practice of a psychological aid; significant other; assistance; interaction; development; crisis; the delayed consequences of crisis.

Сегодня за рубежом и в России интенсивно развивается практика психологической помощи, получившая название «психологическое сопровождение». В чем сущность этой практики? Уместна ли она при работе с людьми, неконструктивно пережившими кризис?

Как известно, контекст бытия личности в социальных условиях является по своей феноменологической сущности экстремальным: в социуме происходит множество событий, которые могут травмировать человека и «запустить» кризис.

Представление
о кризисе

Слово «кризис» (от греч. «krisis» – решение, суд, исход) в словарях принято определять как «перелом, переворот, решительную пору переходного состояния» [1, с. 194]; «тяжелое *переходное состояние*, ведущее к радикальному изменению в индивидуальной жизни» [2]. Философы понимают *кризис* более широко – как *переломный период в смене качества*, независимо от оценки направления этой смены [3, с. 163].

Понять сущность кризиса возможно лишь соотнося его со стабильной жизненной ситуацией, основной признаком которой привычная упорядоченность образа жизни, когда «реальность повседневной жизни ... имеет само собой разумеющийся характер. ... она просто существует ... как самоочевидная и непреодолимая фактичность» [4] (Курсив мой. – Н.О.), в которой человек живет *согласно заведенному порядку*, а реалии «мира вовне» и «мира внутри» уравновешены: упорядоченный, относительно стабильный образ мира достаточно адекватно отражает «порядок мира внешнего».

Два типа кризисов

Со времен Эрика Эриксона принято выделять *два типа кризисов*: нормативные (кризисные периоды онтогенеза) и ненормативные, т.е. «запускаемые» событиями, которые резко нарушают относительно устойчивое динамическое равновесие внешних и внутренних условий бытия личности*.

Для нашего понимания ненормативного кризиса и его отсроченных последствий значимы бытующие в психологии понятия «пограничная или предельная ситуация» [6], «переход», «поворотный этап жизненного пути» [7], разрыв или повреждение цепи непрерывности бытия [8]. Каждое из этих понятий-метафор подчеркивает, с одной стороны, нарушение привычного образа жизни (вплоть до разрыва жизненного пути), а с другой, – необходимость перехода в новое жизненное пространство (от чего-то – к чему-то). Осуществить такой переход возможно лишь совершив *выбор* направления пути, о котором С.Л. Рубинштейн писал как о решении, с принятием которого «на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека» [7, с. 284].

Пределы
собственного
существования
и необходимость
выбора

Понятие «*предельная, или пограничная ситуация*» (grenzsituation) было введено немецким философом, психологом и психиатром Карлом Ясперсом. Уже при его первом введении К. Ясперс интерпретировал пограничные ситуации ценностно: в предельных (погранич-

* *Ненормативный кризис* можно назвать «кризисом адаптации к жизни» [5].

ных) ситуациях существование является для человека *настолько же процессом создания ценностей, насколько и процессом их разрушения, уничтожения*. Позже он расшил представление о предельных ситуациях, это понятие стало означать *весь спектр жизненных ситуаций, которые не подвластны человеку, которыми он не может управлять* [6, с. 127]. Такие ситуации ставят человека перед лицом смерти (реальной или символической), страдания, испытаний с непредсказуемым исходом и тем самым побуждают его *опираться на свои сущностные силы*, настоятельно требуют определения своей позиции и своего варианта преодоления. Именно поэтому в зависимости от уровня развития человека как личности пограничные (предельные) ситуации у одних обостряют самосознание, побуждают к рефлексии и становятся важным моментом саморазвития личности; а у других – источником психических травм.

Человек, столкнувшись с пределами собственного существования, должен выбрать дальнейший путь, основываясь на внутренней позиции

Для нас важна мысль К. Ясперса о том, что в пограничных ситуациях человек *сталкивается с пределами собственного существования*, обнаруживает свои экзистенциальные границы и *должен выбрать свой дальнейший путь, основываясь на так называемой внутренней позиции*. К. Ясперс наметил три возможных выбора и три исхода: либо смириться со своими пределами, либо обойти их, либо достойно пройти испытание и переступить, перейти через свои пределы. За каждым из обозначенных выборов – один из возможных вариантов жизненного пути: назад, в обход «границы»; вперед, напролом и, наконец, вперед и ввысь.

Человек обречен на постоянный выбор себя

Проблему, поставленную К. Ясперсом, еще более заострили философы-экзистенциалисты (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Мерло-Понти и др.). Акцентируя идею свободы, «от которой не укрыться», и выбора, которого невозможно избежать в предельной ситуации, они понимали *кризис как ответ личности на вызов ситуации*, требующей изменения способа и уровня бытия, требующей выбора *позиции* по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам. Для Ж.-П. Сартра поведение человека в предельных ситуациях *личностно*: оно – результат тех выборов, которые он совершает, и тех усилий, которые прилагает для их реализации [9, с. 640]. Будучи заброшенным в ту или иную историческую ситуацию, *человек обречен на выбор себя*. И в зависимости от того, «какого себя выберет человек», какую позицию он займет, будет зависеть его стратегии и тактики поведения в период кризиса, а значит – успешность/неуспешность прохождения через кризис.

Представление о переживании кризиса и его последствиях (кризисе как периоде выбора между благоприятным и неблагоприятным направлениями дальнейшего развития)

Отсроченные последствия неконструктивно пережитого кризиса

Успешность переживания кризиса зависит от внутренней позиции человека

Вторая мировая война и послевоенные годы породили массив психологических исследований, в которых в той или иной мере нашли отражение представления о кризисе как *периоде выбора между благоприятным и неблагоприятными направлениями дальнейшего развития*.

На эмпирическом уровне эта идея трансформировалась в представление о *конструктивном и неконструктивном переживании кризиса*. Так, Э. Линдемэнн исследовал «нормальное» переживание горя и «искажение нормального горя» [10], а Э. Эриксон – «конструктивный» и «деструктивный» варианты кризиса идентичности [11].

К пониманию отсроченных последствий неконструктивно пережитого кризиса Э. Эриксон пришел, исследуя по заказу Пентагона «военный невроз»** солдат, которые стойко пережили трудности войны, но не сумели вписаться в мирную жизнь. Теоретические позиции Э. Эриксона позволили ему подняться над традиционными медицинскими интерпретациями и осмыслить посткризисные феномены (потерю ощущения тождества личности и непрерывности времени, утрату контроля над собой и др.) как последствия неконструктивно пережитого кризиса идентичности. Для него *кризис идентичности – «распад» прежнего образа «Я», требующий нового самопреопределения*.

Эрик Эриксон утверждал, что *успешность/неуспешность переживания кризиса* зависит от *внутренней позиции* человека как личности. Течение кризиса конструктивно, если человек занял *активную позицию* и направил все свои силы на поиск *новых оснований бытия взамен разрушенных*; в этом случае ему удастся взамен прежней идентичности сформировать новую. Но если человек занял пассивную позицию, течение кризиса становится деструктивным; его результат – длительные состояния дезадаптации, неверие в себя и свое будущее, *отчуждение от себя и других*, приводящие к *потере «Эго-идентичности»* [11, с. 26]. Более поздние исследования Э. Эриксона показали, что сходное воздействие на личность человека, занявшего пассивную позицию, оказывает и другие «переломные события», в частности, *длительная безработица* [11].

* При выполнении этого проекта Э. Эриксон выступал в трех ипостасях: как теоретик, создавший одну из наиболее авторитетных концепций развития личности, как исследователь и как психолог-практик, который лично оказывал психологическую помощь.

Найти новые
оснований бытия

Ученик и последователь Э. Эриксона А. Ватерман [A. Waterman] выявил, что чувство достигнутой идентичности разрушается по мере того, как *цели, ценности и убеждения* человека теряют жизненность, то есть, перестают соответствовать требованиям изменившейся жизни. Соответственно, конструктивность/неконструктивность переживания кризиса зависит не просто от активности личности, а от активности, направленной на пересмотр ценностей. Важно пересмотреть свои ценности и путем выбора среди различных альтернативных вариантов сформировать новые ценности, которые и станут основанием для определения жизненного направления [12]. Только в этом случае у человека есть шанс вновь достичь идентичности. Но если он не хочет замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личностные поиски, – возникает опасность погрузиться в диффузное состояние.

Таким образом, для личности *основной психологический смысл кризиса* заключается в нахождении *новых оснований бытия* и выборе на этой основе себя и своего пути. От того, каким будет этот выбор, зависит конструктивность/неконструктивность проживания кризиса, а значит и дальнейшая направленность развития и бытия личности.

Отсроченные
последствия
неконструктивно
пережитого кризиса

Отсроченными последствиями неконструктивно пережитого кризиса, как правило, становятся дезинтеграция внутренней позиции личности и ее образа мира, а также выраженное отчуждение от себя, от других людей и общества в целом, которое может привести к потере Я-идентичности и нарушению обратимости внешнего и внутреннего пространств и времени.

В случае неконструктивного преодоления кризиса обнажается и становится зримым то, что М. Балинт назвал «базисным дефектом» [13]. – некоторое рассогласование в функционировании механизма идентификации-обособления, которое порождает выраженные *интегрирующиеся и сепарирующиеся* типы личности.

Идея двух вариантов
выхода из кризиса

Говоря о двух вариантах выхода из кризиса, – повышение возможностей развития* или их понижение – важно сознавать: и при первом, и при втором варианте *неизбежна перестройка личности*. И какими бы терминами не обозначали этот процесс исследователи («трансформация», «метаморфоза», «переидентификация»; мутация), суть одна: человек «переопределяет себя»: он создает новый образ Я, принимает новый жизненный

* В традициях гуманистической психологии его принято называть «личностным ростом» [14].

замысел (образ будущего) и выстраивает новую жизненную траекторию. В первом случае человеку удастся сохранить либо восстановить внутреннюю целостность самосознания, переосмыслить травматическое событие (и себя в ней) и, восстановив единство прошлого, настоящего и будущего, найти основания для нового способа и уровня бытия в мире. Во втором случае проблема выживания и приспособления человека к новой реальности решается за счет нарушения отношений в системе «человек – мир».

Для преодоления отсроченных последствий кризиса необходимо найти *новые основания бытия* (ценности и смыслы), изменить себя. Таким образом, в ситуации неконструктивно пережитого кризиса необходимой становится специальная работа, направленная на возвращение человека в мир. Отдельной проблемой становится *новое самоопределение человека*. Именно на осуществление личности и направлено психологическое сопровождение личности в ситуациях отсроченных последствий неконструктивно пережитого кризиса.

Слово «сопровождение» появилось в отечественной психологической литературе в девяностых годах XX века в значении «недирективной формы оказания психологической помощи, направленной не просто на укрепление или достройку, а на развитие и саморазвитие самосознания личности» [15], которая запускает механизмы саморазвития и активизирует собственные ресурсы человека. Утверждая необходимость психологического сопровождения здорового с клинической точки зрения человека, психологи-практики настойчиво подчеркивали такие отличия новой практики от психотерапии и психокоррекции как отказ от оппозиции «здоровье – болезнь», направленность на «развитие и саморазвитие самосознания» и стремление опираться на внутренние ресурсы личности [16; 17].

Пафос первых работ по проблеме психологического сопровождения (как и их некоторая «терминологическая невнятность») становятся понятными в контексте социальной ситуации развития отечественной психологии 90-х годов. Это было время перестройки во всех сферах общественной жизни. Именно тогда был, наконец, снят шестидесятилетний запрет на психологическую практику* и в

Понятие «психологическое сопровождение»

Первые работы по проблеме психологического сопровождения

* В России интенсивное развитие психологической практики было прервано к началу 30-х гг. XX в. Лишь некоторые ее элементы (суггестия, гипноз, рациональная психотерапия, лечебный сон и шоковые методы) существовали как монополия медицины [19. с.5–6].

России появились первые психологические службы, которые, по словам Ф.Е. Василюка, стали для психологии тем же, «что школа для педагогики, церковь для религии, клиника для медицины» [20, с. 178–179]. В этот период преодолеть отрыв от мировых тенденций развития психологической практики помогали зарубежные коллеги. Карл Роджерс, Виржиния Сатир, Джеймс Бьюдженталь, Карл Витакер, Джон Гриндер, – вот лишь некоторые из классиков зарубежной психотерапии, на семинарах и тренингах которых российские психологи осваивали и присваивали идеи экзистенциально-гуманистической психологии [21]. Одним из следствий прививки этих идей к древу российской психологии стало *рождение практики психологического сопровождения*.

Поиск понятий для обозначения практической работы психолога

Одна из аксиом, сформулированных философом-гуманистом М. Бубером, гласит: *«Когда я обнаруживаю, что один предмет существенно отличается от другого, мне нужен новый термин»* [22, с. 66].

Поиск понятий, пригодных для обозначения практики работы со здоровыми людьми, оставил заметный след на страницах научной литературы тех лет. В качестве «имен» новой практики предлагались «содействие» [23]; «со-бытие» [24; 25], «со-работничество» [26], «сопровождение» [15; 16; 17; 27; 28]*. Однако по-настоящему прижилось лишь понятие «сопровождение»: оно вошло в тезаурус психологии личности [27; 28], педагогической психологии [16; 17], акмеологии [29], педагогики, [30], социальной работы [31]. Наиболее часто его употребляли для обозначения деятельности специалистов (психологов, педагогов, социальных работников) в различных организациях (школа**, детский дом, вуз, предприятие, воинское подразделение); реже – для обозначения практики психологической помощи пострадавшим в экстремальных ситуациях [5; 27].

* Каждое из этих слов содержит приставку «со», этимологически указывающую на *совместность*. Ту же приставку мы обнаруживаем в словах «сообщество», «сотрудничество», «соратник», «сопричастность», «сострадание», «сочувствие», фиксирующих идею объединения людей на обнове общего дела или глубоких, значимых отношений.

** Именно этой практике посвящен основной массив отечественной литературы по сопровождению. Заметим, здесь «сопровождение» – свободный перевод англоязычного термина «school counselling and guidance» «руководство через консультирование», то есть, мягкое, ненавязчивое руководство, идущее от запроса ребенка), которым за рубежом обозначают психологическую службу в системе образования.

Проективный
потенциал слова
«сопровождение»
в российской
культуре

Уместно ли использовать понятие «психологическое сопровождение личности» для обозначения деятельности психолога в ситуациях отсроченных последствий кризиса? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к значениям исконно русского слова «сопровождение».

Обращение к словарям и научной литературе позволяет говорить о неслучайности выбора термина «сопровождение»: в российской культуре это слово обладает определенным проективным потенциалом и смыслами, к которым может подключиться практикующий психолог. Этимологически оно производно от глагола «сопровождать», изначальный смысл которого – «идти, ехать вместе с кем-либо в качестве спутника или провожатого» [32], «проводить, сопутствовать, идти вместе для проводов, провожатым, следовать» [33, с. 272], то есть, проходить, проживать вместе с человеком часть его пути, *соучаствовать в его жизни* в качестве проводника, провожатого, спутника, попутчика. Представление о сопровождении связано, с одной стороны, с семантикой совместности, то есть, нахождения людей «вместе по времени и пространству» [33, с. 255] и их объединения на основе общего дела или глубоких, значимых отношений, а с другой, – с семантикой жизненного пути.

Три основных
компонента
сопровождения

В ситуации сопровождения нетрудно выделить *три основных компонента*: путник, сопровождающий и путь (от – к), который они проходят вместе.

Путь, согласно В.И. Далю, – это не только дорога, но и процесс передвижения по ней (время, нужно для прохода; способ или средство достижения цели, направление) [34, с. 543]. Вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути образует «мифологему пути», которая присутствует на различных уровнях культуры старой и новой, традиционной и интеллектуально-элитарной, в обрядах и ритуалах, в фольклоре, в высокой и церковной книжности, в художественных поэтических и прозаических произведениях, в живописи и музыке. И, конечно же, она неизменно и ощутимо присутствует в быденном сознании россиян.

Жизненный
и духовный путь

А если вспомнить, что славянской культурной традиции «путь» – это не только синоним дороги, но и понятие-символ, в семантике которого присутствуют такие смыслы, как «жизненный путь», «духовный путь», «выбор правильного пути, жизненной стези»*, то

* В.И. Даль в качестве примера приводит ряд фразеологем: «путь жизни», «пути Праведников и грешников» [34, с. 543]

представление о «сопровождении» обогащается духовным смыслом, обозначая поддержку человека в путешествиях не только по внешнему, но и по внутреннему пространству» (а оно неизбежно в кризисных и посткризисных ситуациях).

Путник, согласно В.И. Далью, – это не только «дорожный человек, путешественник, странник, куда-либо идущий», но и человек, «сбившийся с пути», который находится на перепутье» и ищет временного приюта; и даже «обрекшийся на тунеядное странничество, скиталец, бездомный проходимец», «лицо, которое не живет оседло, скитается, бездомный, бесприютный; бродяга» [33, с. 544].

Такой ряд значений позволяет говорить о пригодности слова «сопровождение» для обозначения различных вариантов пролонгированной психологической помощи в переходные периоды жизни. Уже сам факт обращения за психологической помощью свидетельствует, что человек не сумел справиться с трудностями: он сбился с пути и нуждается в спутнике, поддержка которого поможет отыскать *свой* путь и найти внутренние *ресурсы* для его прохождения.

Сопровождающий (сопутный) – это человек, который *лишь временно* находится рядом с путником, «замещая» тех значимых других, которые либо отсутствуют, либо не способны оказать необходимую и достаточную поддержку. Уже В.И. Даль называл среди ролевых функций сопровождающего не только нейтральные («попутчик», «сопроводитель/сопроводительница»), но и «спутник, товарищ на пути, в дороге, в жизни»; «проводник», «путевод», «спутник для указания пути, для охраны, защиты, для присмотра», то есть, *посредник* между человеком и миром жизни, обеспечивающий безопасность, необходимую и достаточную поддержку человека в непростой период перехода*.

Конечно, для того, чтобы стать таким «сопровождающим», психолог должен стать для клиента человеком значимым (в психологии имеется особый термин – «зна-

Сопроводитель,
проводник,
путевод ...

Психолог должен
стать для клиента
значимым другим

* Еще одно значение слова «сопровождение» – «конвой», «конвойный». Нередко оно становится причиной возражения части исследователей (Л.В. Филонов) против употребления данного понятия в психологии. Уточним: лишь в советское время это слово обрело столь зловещее значение. Еще в прошлом веке слово «конвой» означало охрану (корабля) и его оберег, прикрытие, т.е. символизировало силу, надежность, защиту слабого или уязвимо-го на опасном отрезке пути

чимый другой»^{*}). Как известно, значимые другие отличаются от всего остального социального окружения тем, что разделяют с человеком пространство и время его бытия, выполняя в его развитии и бытии особые функции. А.В. Петровский и В.А. Петровский убедительно доказали, что они содействуют осмыслению нового опыта деятельности, отношений, переживаний и вносят свои «вклады» в развитие представлений и отношений человека к себе, другим, миру в целом [37, с. 126–128].

Помимо деятельности и общения в пространстве бытия со значимым другим с необходимостью присутствуют отношения особого рода, – глубинные бытийные связи. Именно в силу этого при взаимодействии со значимыми для человека людьми его действия перестают быть «исключительно его»: двое начинают действовать совместно, действия одного задаются действиями другого и сами вновь претерпевают изменения в ответ на его действия. В онтогенезе в пространстве события со значимым другим происходит таинство зарождения и развития в ребенке личностного (социокультурного!) начала. Для взрослого же человека в периоды кризисов, – пишут в своей фундаментальной монографии «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман, – условием сохранения своего «Я» становится «*эксплицитное и эмоционально заряженное подтверждение от значимых других*», их поддержка [38, с. 244–250].

Анализ позволил выделить основные идеи, заложенные в понятие «сопровождение»: это идея общего пути в пространстве и времени (от встречи, вступления в отношения и определения направления совместного пути до его завершения и расставания-прощания); *идея совместности* как соучастия не просто в совместно-разделенной деятельности, а в бытии; идея поддержки путника и защиты его от опасностей; *идея динамики* (изменения) состояний, отношений, позиций и функций каждого из спутников на различных этапах совместного пути. Так, если в начале этого пути наиболее важной функцией сопровождающего (как человека более опытного, уже ходившего этим путем и знающего его) является защита путника от опасностей и его поддержка, поэтому он более активен; то со временем сам путник обретает большую устойчивость и самостоятельность и они действуют на равных.

* В психологию понятие «значимый другой» почти одновременно ввели создатель символического интеракционизма Дж. Мид [35] и творец «социальной терапии» Г. Салливан [36].

Основные смыслы,
заложенные
в понятие
«сопровождение»

Необходимость
в сопереживании

В зарубежной психологии и психотерапии идея психологического сопровождения как особой психологической практики выкристаллизовалась в волне протеста против медицинского подхода к помощи человеку страдающему. Э. Фромм, характеризуя медицинский подход, писал, что в нем «Пациент воспринимается ... как вещь, как нечто, состоящее из частей. Некоторые части сломались и требуют замены, подобно деталям автомобиля. ... Терапевт считает своей функцией заменить или отремонтировать эти сломанные «детали». Он не рассматривает своего пациента как целостное уникальное единство, которое можно понять полностью только в акте абсолютной связи с ним, в акте сопереживания и любви» [23, с. 166].

Родовые черты новой
психологической
практики

Следы перехода от психотерапии к психологическому сопровождению сохранились в публикациях зарубежных психологов, усилия которых были направлены на «очеловечивание» психотерапии [40, с. 22; 39; 58; 59]. Понятием «сопровождение» представители различных школ обозначали практику длительной, предельно индивидуализированной психологической работы с людьми в «точках перехода» (кризиса). Анализ текстов* позволил зафиксировать общие, родовые черты новой психологической практики.

Изменение
представлений
о клиенте
и психологе

Прежде всего, это изменение представлений о клиенте и специалисте. Если в традиционной психотерапии роль пациента (особенно кризисного и посткризисного) была неизменно связана с идеей пассивной жертвы [41], то в сопровождении к клиенту, неконструктивно пережившему кризис, относятся как к нормальному человеку в ненормальных условиях бытия*. Психолог же отказывается от позиции врача и становится «спутником» (В. Сатир) [42], «партнером по бытию» (Д. Бьюдженталь) [44] или, как определял создатель антипсихиатрии Р. Лэнг, «специалистом по сопровождению человека, отчужденного от себя и мира, на его пути к себе и миру» [45, с. 182].

Ценностные
основания
сопровождения

Исходя из ценностных оснований сопровождения, особое внимание каждый из этих психологов уделял

* Мною было проанализировано 47 текстов, авторы которых формально принадлежали к различным психотерапевтическим школам (аналитическая психология, британская школа объектных отношений, клиент-центрированный подход, гештальттерапия, конструктивизм, нарративная психология, экзистенциальная и семейная психотерапии, а также многочисленные эклектические подходы).

** Более подробно об этом см. в нашей статье [42].

процессу взаимодействия психолога с клиентом, которое выстраивалось из реального онтологического равенства двух партнеров. В процессе сопровождения (особенно на его начальных этапах) психолог занят прежде всего процессом эмоционально насыщенных отношений (тех самых, которые в психоанализе когда-то обозначали парой «трансфер – контртрансфер» и всячески стремились избегать). И это – закономерно, ибо смысл может быть постигнут в какой-то момент такого общения, но не может быть передан извне.

В целом взаимодействие клиента и «специалиста по сопровождению» предстает как *процесс личностной встречи и совместного пути*: во главу угла ставится подлинная *совместность* друг с другом, отвечающая природе человека, а также динамика *ролевых позиций* психолога и клиента на различных этапах сопровождения.

Создание условий,
побуждающих
клиента
к активности

Речь идет не о прямом воздействии, а о *создании условий, побуждающих клиента «быть активным, развиваться и расти»* (43, с. 211). Среди этих условий – *принятие клиента**, *опережающая активность специалиста, его глубокая идентификация с клиентом*, а также *признание права клиента на выбор* (именно он решает, сопрягаться со специалистом или нет), которые способствуют возникновению между ними общего пространства «Мы».

Сущностные
отношения
психолога
и клиента

Стоит, пожалуй, подчеркнуть еще одну деталь, которая явно отличает сопровождение от других вариантов психотерапии: авторы подчеркивают *реальность сущностных отношений между психологом и клиентом*. Вот как раскрывает свое понимание реальных отношений Д. Боаделла [D. Boadella]: «Реальные отношения означают реальное тепло, реальные смех и слезы, реальную заботу и ... реальную злость, если клиент прожиг сигаретой дырку в вашем ковре» [47, с. 36].

Идея
сопровождения
в системном подходе

Параллельно с развитием идеи сопровождения в экзистенциально-гуманистических подходах, она разрабатывалась и в *системном подходе* (С. де Шазер; К. Людевиж), где в чести не метафоры, а жесткие технологичные формулировки. Так, диада «специалист – клиент» рассматривается как социально сконструированная целостность, которая порождается коммуникацией и постоянно изменяется; они – «члены системы, стремя-

* Бруно Беттельхейм, вся работа которого была направлена на вывод человека, неконструктивно пережившего травматический опыт, «из пустой крепости отчуждения» утверждает даже необходимость «экстремального принятия» [46].

Система «психолог – клиент»

щейся к общей цели», «операционально сцепленные единицы», представляющие актуальное состояние системы, существующей по тех пор, пока один из них не решит «выйти из системы» [48, с. 149–150].

Определяя место сопровождения в пространстве основных «помогающих» практик, Курт Людеви́г выделил по критерию отношений между психологом и клиентом *два основных типа* «систем помощи»: первый из них (руководство и консультирование) основан на *дифференциации** и не предполагает глубокой идентификации психолога с клиентом и длительных отношений между ними; второй тип (терапия и сопровождение) основан на *конвергенции*** и предполагает значительное сближение специалиста и клиента и длительную совместную работу [48, с. 151–152].

Сопровождение предстаёт в типологии К. Людеви́га как система «психолог – клиент», в которой специалист для того, чтобы стабилизировать жизненную ситуацию клиента, «предоставляет свою структуру в распоряжение клиента и стремится к построению длительных отношений» [48, с. 151].

Следствия принятия идеи психологического сопровождения

Принятие идеи сопровождения привело к изменениям в тезаурусе практической психологии: на смену психоаналитическим терминам «рабочий альянс», «перенос и контрперенос», «сопротивление клиента»*** пришли понятия «развитие», «механизмы развития», «присоединение», «эмпатия», «идентификация». А поскольку было выявлено, что столь тщательно исследованные в психоанализе защиты и сопротивления – это эпифеномены, порожденные особенностями системы отношений между психологом и клиентом [48; 49], то в сопровождении умение присоединяться к клиенту, приспособляться к его своеобразию стало вменять специалисту в обязанность. Так, максима К. Людеви́га гласит: «Нет сопротивляющихся клиентов, есть психоло-

* *Дифференциация* (от лат. *differentia* – различие, различение, разделение, обособление) – процесс разделения целого на различные части (в том числе и разделения обязанностей между членами диады, группы). Результатом дифференциации может быть полная автономия частей системы.

** *Конвергенция* (от лат. *convergo* – приближаться, сближаться, сходиться в одну точку) – процесс сближения, подразумевающий появление у сходящихся сторон сходных признаков. Результат подобного слияния – достижение компромиссов, стабилизация, равновесие и объединенное развитие.

*** Феномены, которые З. Фрейд описывал как «сопротивление клиента», понимаются в системном подходе как «реакция клиента на неуместные меры со стороны специалиста» [48].

ги, занимающие «не ту позицию» или не владеющие искусством присоединения» [48].

Принятие идеи сопровождения привело также к изменениям в каждом из компонентов процесса.

Изменение целей

Во-первых, *отсутствует жесткое проектирование цели-результата*: есть лишь «близкие и дальние ориентиры», задающие общее направление совместного пути. Среди близких (их можно назвать базовыми для начальных этапов совместной работы) – «смягчить состояние онтологической незащищенности», «восстановить врожденную тенденцию к развитию и способность к конструктивным человеческим отношениям». Дальние (для более поздних этапов сопровождения) предполагают обретение клиентом большей свободы, внутренней силы, ответственности за свою жизнь, способности выбирать и контролировать свое поведение. Основная задача специалиста формулируется как *создание условий для стабилизации личности, восстановления ее развития и перехода от помощи извне к самопомощи*, от позиции «Я не могу» – к позиции «Я могу сам справиться со своими жизненными трудностями».

Отказ от жестких рамок сессинга

Во-вторых, наблюдается *тенденция отказа от жестких рамок сессинга*: частота встреч варьируется от одного раза в неделю до «встреч по требованию клиента», расширяется зона неформального общения психолога с клиентом (возможна личная переписка клиента с психологом, беседы по телефону, встречи вне кабинета). Так, психолог может навестить заболевшего клиента, принять участие в важных для него семейных торжествах, совместных посещениях театра, художественных выставок, спортивных соревнований.

Самостоятельная работа клиента между встречами

В-третьих, широко *практикуется самостоятельная работа клиента между встречами*. Поскольку в сопровождении психолог стремится стимулировать собственную активность клиента, то практикуется ведение дневников, рефлексивные самоотчеты, рисунки, отображающие состояние клиента, библиотерапия и др. Все это – свидетельство того, что *процесс сопровождения погружается в реальную повседневную жизнь человека*, становится ее частью.

Психологическое сопровождение как практика, пригодная в ситуациях перехода

Итак, к 80-м годам XX века в зарубежной практической психологии утвердилась модель психологического сопровождения как особой практики пролонгированной психологической помощи человеку в ситуациях перехода. Сущность этой практики состоит в создании между психологом и клиентом длительных надежных человеческих отношений (не только символических, но и реальных!), в пространстве которых клиент получает

возможность пережить новый опыт глубинных, подлинно человеческих отношений, дающих ему новый шанс – возможность быть и собирать себя в качестве личности на новых основаниях.

Для человека, неконструктивно пережившего кризис, результатом сопровождения становится восстановление поврежденного механизма развития, а значит – преобразование представлений о мире и себе в нем, отношений к себе и другим. По сути, сопровождение в ситуации неконструктивно пережитого кризиса дает клиенту шанс пережить «второе рождение» и «вернуться в мир людей».

По сути требуется ресоциализация, о которой известные философы П. Бергер и Т. Лукман в своем трактате «Социальное конструирование реальности» работе писали: «Такие процессы напоминают первичную социализацию, поскольку они должны радикально по-новому расставить акценты реальности, а потому должны в значительной степени воспроизвести сильную эмоциональную идентификацию с персоналом социализации, которая характерна для раннего детства» [38, с. 255]. Отметив, что без такой идентификации невозможна трансформация субъективной реальности, философы подчеркивают, что она «неизбежно копирует детский опыт эмоциональной зависимости от значимых других», которые становятся «вожатыми по новой реальности. Теми ролями, которые ими играют-ся vis-à-vis к индивиду ... они представляют вероятностную структуру и опосредуют для индивида новый мир» [38, с. 256].

Конечно, процесс ресоциализации отличается от первичной социализации уже тем, что «не начинается ex nihilo». В силу этого психолог должен считаться с проблемой «демонтажа, разрушения предшествующей номической структуры субъективной реальности» [38, с.255].

По сути, когда мы говорим о психологическом сопровождении в ситуации отсроченных последствий кризиса, речь идет о процессе переопределения себя и (возможно!) перехода на новый уровень бытия, который весьма близок повторному личностному онтогенезу.

В отечественной психологии разработка проблемы психологического сопровождения эффективно осуществляется в научной школе В.С. Мухиной «Феноменология развития и бытия личности». Создание условий эффективного психологического сопровождения личности на всех этапах развития (ребенок, отрок, взрослый и

Разработка
проблемы
психологического
сопровождения
в научной школе
В.С. Мухиной

пожилой человек) в нормальных и экстремальных условиях бытия уже второе десятилетие является здесь приоритетным направлением исследований.

Исповедуемое В.С. Мухиной понимание психологии сопровождения близко как к глубинным смыслам, заложенным в российской культуре, так и к мировым тенденциям развития психологической практики. Так, в ее монографии «Отчужденные: абсолют отчуждения» психологическое сопровождение предстает как «следование вместе с подопечным, охранение его на жизненном пути, в экстремальных обстоятельствах и в минуты пробуждающейся надежды, вдохновения и радости. Психологическое сопровождение осуществляется через совместные переживания, обсуждения проблем при условии согласия и взаимопонимания» [28, с. 476–477]. Согласно представлениям В.С. Мухиной, сопровождение всегда персонифицировано и направлено на конкретного клиента: «психологическое сопровождение конкретно-го человека осуществляет конкретный человек, – психолог, который выстраивает реальные долговременные отношения с избранным подопечным» [28, с. 477]*.

Несомненно, работа по психологическому сопровождению личности в ситуации отсроченных последствий кризиса требует от специалиста а) понимания сущности данной ситуации и знания их типологии; б) умений и навыков диагностики образа мира человека и его психических состояний в ситуации «здесь и теперь»; в) умения оказывать психологическую помощь человеку [50, с. 56–57]. Но есть еще одно условие эффективности его деятельности. Я имею в виду включенность психолога в целостное концептуальное видение особенностей развития человека как личности в различных условиях бытия.

Дело в том, что опыт психологического сопровождения, накопленный отечественными специалистами за двадцать лет существования этой практики на российской почве, до сих пор остается недостаточно от-refлексированным в рамках теоретического подхода. Специалисты, практикующие психологическое сопровождение, либо ориентируются на зарубежные теории

Для эффективного сопровождения необходима включенность психолога в концептуальное видение развития человека как личности

* Слова об «избранном подопечном», связаны с особыми условиями сопровождения, о котором повествует книга В.С. Мухиной – сопровождением осужденных пожизненно. В иных ситуациях (в том числе и в ситуации человека, неконструктивно пережившего кризис) уместнее говорить о взаимном выборе клиента и психолога.

ко-практические подходы (психоанализ, когнитивно-поведенческий подход, гештальттерапия, экзистенциально-гуманистический подход и др.), либо исповедуют эклектику*, приводящую к отсутствию целостной, последовательной теоретической позиции. В результате практика психологического сопровождения развивается вне контекста целостного концептуального подхода.

Структура практико-ориентированной теории

Как убедительно доказал А.И. Сосланд [51], «хорошая» практико-ориентированная теория должна включать в себя: 1) представление о том «индивидуальном целом», с которым придется работать практику (для одних это поведение, для других – когниции, для третьих – личность), а также о развитии этого целого в различных условиях бытия; 2) *теоретический проект восстановления «целого»*, то есть, представления о цели-ориентире, процессуальных целях и критериях эффективности процесса; 3) *проект психологической практики*, который невозможен без представления о механизмах развития личности, на основе которого, психолог-практик создает и / или модифицирует те или иные психотехники.

Какое представление о личности способно стать основой эффективной практики?

Далеко не каждое из существующих в науке представлений о личности и ее развитии пригодно для того, чтобы стать основой эффективной практики психологического сопровождения личности в ситуации отсроченных последствий неконструктивно пережитого кризиса. Чтобы стать основой для практики, *концепция личности* должна быть доступной, практичной и онтологичной. Это значит – она должна раскрывать сущность личности, связанную с ее бытием в мире и непременно содержать представление о развитии человека как личности. Только такая теория даст ориентиры для выстраивания *процесса* психологического сопровождения.

Онтологическая концепция бытия и развития личности В.С. Мухиной – основа сопровождения

Всем этим требованиям отвечает *онтологическая концепция бытия и развития личности В.С. Мухиной*. На основе методологии, разработанной В.С. Мухиной, ее учениками уже исследован ряд важнейших проблем психологического сопровождения в различных условиях бытия. В частности, в исследовании А. Волосникова [27] были выявлены особенности ролевой позиции сопровождающего психолога (символическая «родительская позиция»), а также модификации этой пози-

* Под *эклектикой* в психологической практике понимается механическое соединение разных техник, оторванных от теоретических позиций.

ции в различных условиях. А.А. Яруловым в условиях детского дома были апробированы такие условия эффективного психологического сопровождения личности, как «встраивание» диагностики в реальную жизнедеятельность человека и включение коррекционных методов в повседневную жизнь воспитанников детского дома [54]. Выявлена также возможность использовать в качестве средств сопровождения модификаций таких традиционных культурных практик как инициация [55; 56], создание позитивного мифа о себе и истории своей жизни [54], драматизации жизненных историй [57; 58]. Особый интерес представляют результаты докторской диссертации В.А. Горяниной, где была доказана возможность сознательно использовать идентификацию – обособление как профессиональную технологию [59].

Концепция В.С. Мухиной стала для меня основой для разработки проекта психологического сопровождения личности в ситуациях отсроченных последствий кризиса.

Тезисно представим те идеи, которые наиболее важны для психолога-практика, осуществляющего такого рода психологическое сопровождение:

- Первая из этих идей – о «целом, с которым работает психолог». Для нас это личность (ее самосознание, которое мы представили как образ мира в контексте звеньев самосознания).

Согласно концепции В.С. Мухиной, личность представляет собой амбивалентное единство социального и индивидуального. Ее самосознание – это универсальная, психологически значимая структура, которая присуща каждому социализированному индивиду и состоит из пяти звеньев: 1 – идентификация с именем и заменяющим его местоимением «Я», с образом тела, с индивидуальной духовной сущностью человека; 2 – притязание на признание; 3 – половая идентификация; 4 – психологическое время личности (прошлое, настоящее, будущее); 5. – социально-нормативное пространство прав и обязанностей, которые формируются в онтогенезе и сохраняются на протяжении всей жизни личности в своей структурной заданности.

Многочисленные исследования, проведенные В.С. Мухиной и ее учениками в различных странах, доказали: наличие звеньев самосознания универсально (они существуют у любого социализированного индивида, независимо от его социальной принадлежности, этноса, культуры и пола). А вот содержательное напол-

Основа для
разработки проекта
психологического
сопровождения

Необходимость учета значений и смыслов содержательного наполнения всех звеньев самосознания

Значение знания социальных механизмов для работы практикующего психолога

нение каждого звена уникально: оно зависит от традиций, культуры, жизненного опыта личности и внутренней позиции самого человека. Более того, содержание звеньев самосознания может изменяться в течение жизни посредством присвоения и освоения нового для человека социокультурного опыта (оно претерпевает негативные изменения в экстремальных ситуациях, но оно может быть преобразовано в условиях психологической помощи).

В практике психологического сопровождения человека, неконструктивно пережившего кризисную ситуацию, продуктивной позицией психолога становится учет им значений и смыслов для личности человека всех пяти звеньев с их содержательным наполнением и феноменологическими особенностями. Психолог должен понимать: 1. – какие из звеньев самосознания претерпели в результате неконструктивного переживания кризиса негативные изменения; 2. – к каким звеньям и с какими идеями, словами он будет обращаться, чтобы стал возможным процесс восстановления «личностного в человеке».

• Следующее положение, которое необходимо учитывать, касается «внешнего» объективного аспекта ситуации психологического сопровождения. Согласно концепции В.С. Мухиной, условиями развития личности являются сложившиеся в истории человечества реалии бытия: 1 – предметный мир; 2 – природа; 3 – образно-знаковые системы; 4 – социально-нормативное пространство; 5 – особая реальность внутреннего пространства конкретной личности. Психологу, работающему с представлениями клиента о себе и других, с его травматическими образами, страхами и ожиданиями, необходимо учитывать, что на пересечении всех этих пяти реальностей проявляется феномен обратимости внешнего и внутреннего, который так важен для трансформации образа мира личности.

• Многие практики любят говорить об исключительной силе своего влияния. Хорошо зная об этой «слабости» практиков, В.С. Мухина пишет: «Я поняла раз и навсегда: если ты можешь воспроизвести некий результат, то не ты лично обладаешь некими свойствами воздействия на других, а некие механизмы, которые сложились в социальной истории человечества» [52, с. 56–57]. Профессионал не имеет права надеяться на случайность или чудо: он понимает механизмы развития, а значит, – осознанно использует их в качестве технологии работы с человеком как личностью.

Идентификация – обособление как механизм развития личности и профессиональная технология работы психолога

Значение идентификации в процессе психологического сопровождения

В качестве механизма, посредством которого человек осваивает тот опыт поколений, который поможет ему восполнить содержание деформированных в период кризиса звеньев самосознания, выступает двуединый механизм *идентификация-обособление*. Поскольку «объективно идентификация выступает как механизм «присвоения» индивидом своей человеческой сущности, как механизм социализации личности, а обособление – как механизм индивидуализации личности», то этот механизм может быть осознанно использован психологом-практиком в качестве технологии психологического сопровождения личности в кризисных ситуациях*.

Если огрубить технику сопровождения, то здесь присутствуют два основных аспекта работы: восстановление или формирование у человека, неконструктивно пережившего кризис, новых связей (через идентификацию); прекращение или разделение негативных связей, позволяющее произвести деструкцию негативного опыта (через механизм обособления/отчуждения).

Функции идентификации в процессе сопровождения – восстановление и порождение новых связей, которые необходимы для «возвращения к другим и себе», в пространство жизни. *Фактически она лежит в основе приобщения к общечеловеческим формам культуры**.*

«Если идентификация есть непосредственное переживание индивидом своей тождественности с другим человеком, то *техника идентификации* есть профессиональное поведение психолога с пациентом, нуждающимся в психологической помощи. Используя ее, психолог обеспечивает клиенту эмоциональный комфорт, что дает пациенту уверенность, что его понимают и ему сочувствуют...» [53, с. 386]. Именно поэтому понимание необходимости соучастия, сопереживания как составной части идентификации должно быть присуще каждому специалисту как профессионалу, и как нормальному человеку.

В таком понимании сопровождения имплицитно содержится идея бытия со значимым другим, которое становится для тех, кто неконструктивно пережил кризис, условием нахождения новых ценностей, вхожде-

* Уже несколько десятилетий В.С. Мухина использует идентификацию-обособление как прием во взаимодействии с клиентами (жертвами природных, техногенных катастроф, террористических актов).

** Идентификация как технология психологического сопровождения явно основана на древней логике сопричастия (Левин-Брюль), которая когда-то казалась «примитивной».

Сущностные
особенности
психологического
сопровождения
личности

ния их в содержание содержания звеньев самосознания, а значит и трансформации внутренней позиции личности, делающей возможной «перемену пути».

Подведем итоги. Проведенный анализ позволяет утверждать, что *психологическое сопровождение личности* в кризисной ситуации представляет психологическую практику, в наибольшей степени приближенную к контексту совместного бытия людей в мире. Сущность данной практики состоит в создании переходного пространства щадящих условий и особых отношений между психологом и клиентом, реально и символически воспроизводящих контекст совместного бытия близких, доверяющих друг другу людей: психолог принимает на себя позицию временного заместителя значимого другого и вводит клиента в реалии пространств бытия (мир предметного и природного пространства, мир образно-знаковых систем, социально-нормативный мир и др.), осуществляя этот процесс в соответствии с теми закономерностями онтогенетического развития личности, которые можно назвать «новым началом» или замещающим личностным онтогенезом. Это делает возможным переработку травматичного опыта и выход из негативного отчуждения от себя, другого, мира в целом и реконструировать содержание искаженных компонентов субъективного образа мира и картины мира в целом.

Пошаговое движение
к восстановлению
личности клиента

Динамику психологического сопровождения личности можно представить как путь, который два человека «шаг за шагом»^{*} проходят вместе: он начинается с присоединения психолога к клиенту и принятия им позиции временного заместителя значимого другого; — на основе глубинной идентификации два «Я» объединяются в диаду «Мы», в «переходном пространстве» которого соприкасаются и резонируют два открытых друг другу субъективных мира, что позволяет клиенту обрести и освоить новый жизненный опыт, овладеть культурными средствами, позволяющими ему реконструировать свой внутренний мир. По мере развития диады «психолог — клиент» внутренняя структура диады меняется, так как клиент берет на себя все большее число психологических функций — затем наступает стадия полноценного обособления клиента от психолога, завершающаяся его отделением (сепарацией).

^{*} От итальянских коллег, которые практикуют сопровождение, я услышала меткое и трогательное выражение: «двигаться маленькими, детскими шажками» (Г.Сорджи).

Отношения
конъюнкции
во взаимодействии
психолога и клиента

Взаимодействие психолога и клиента в процессе социально-психологического сопровождения личности в кризисной ситуации можно представить через модель кругов Леонарда Эйлера (рисунок 1). Конечно, эти отношения (в том числе и отношения конъюнкции, или пересечения на второй стадии) показывают лишь наиболее общие закономерности развития отношений в диаде «психолог-клиент» на основных стадиях социально-психологического сопровождения личности в кризисной ситуации, но не количественное и качественное их соотношение.

1. *Даль В.И.* Кризис / Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1979. – Т.2.
2. *American Heritage Dictionary.* – N.Y., – 1973.
3. *Сагатовский В.Н.* Неизбежна ли глобальная катастрофа // Социальный кризис и социальная катастрофа: Сб. материалов конференции. – СПб., 2002. – С. 163–168.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М., 1995.
5. *Осухова Н.Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. – М., 2012.
6. *Ясперс К.* Введение в философию: Пер. с нем. – Мн., 2000.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. – Т. II. – М., 1989.
8. *Пергаменщик Л.А.* Кризисная психология. – Мн, 2004.
9. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии: Пер.с фр. – М., 2000.
10. *Линдеманн Э.* Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты: Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 212–219.
11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. – М., 1996.
12. *Waterman A.S.* Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Devel. Psychol.* – 1982. – V. 18. – N 3. – P. 341–358.
13. *Балинт М.* Базисный дефект: терапевтические аспекты регрессии: Пер. с англ. – М., 2002.
14. *Роджерс К.Р.* Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы: Пер. с англ. – М., 1999.
15. *Слюсарев Ю.В.* Психологическое сопровожде-

ние как фактор активизации саморазвития личности: Дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 1992.

16. Бардиер Г. Ромазан И. Чередникова Т. Я хочу! Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей. – СПб., 1996.

17. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе. – М., 2001.

18. Мухина В.С., Горянина В.А. Развитие, воспитание и психологическое сопровождение личности в системе непрерывного образования: концепция и опыт работы ИРЛ РАО // Воспитание и развитие личности: Материалы межд. науч.-практ. конференции. – М., 1997. – С. 4–12.

19. Казан В.Е. набросок пути. Психология и психотерапия в России. – СПб, 2000.

20. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М., 2003.

21. Гаврилова Т.П., Снегирева Т.В. К итогам работы в группах К. Роджерса и Р. Сэнфорд // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. – 1989. – № 2. – С. 4 – 8.

22. Диалог Карла Роджерса и Мартина Бубера // Московский психотерапевтический журнал. – 1994. – № 4. – С. 86–87.

23. Дубровина И.В. Школьная психологическая служба: вопросы теории и практики. – М., 1991.

24. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. – М., 1995.

25. Шувалов А.В. Развитие психологической службы в системе дополнительного образования детей // Вопросы психологии. – 2001. – № 6.

26. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. – М., – 1991.

27. Волосников А., Мухина В. Психологическое сопровождение сотрудников спецподразделений ФСБ // Развитие личности. – 1999. – № 1. – С. 87–104.

28. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. – М., 2009.

29. Деркач А.А. Рабочая книга практического психолога: Технология эффективной профессиональной деятельности: Под ред. А.А. Деркача. – М., 1996.

30. Александрова Е.А. Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников. – М., 2010.

31. Липский И.А. Педагогическое сопровождение развития личности: теоретические основания // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: Сб. науч. трудов. – Волгоград, 2004 – С. 280–287.

32. Словарь русского языка: В 4 т. – Т. 4. – М., 1984.
33. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т. – М., 1956 – Т. 4.
34. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х т. – М., 1956 – Т. 3.
35. *Mead G.H.* Mind. Self and Society. – Chicago, 1934; Мид Д.Ж. Разум, Я и общество (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. – Реферат. журнал. – Сер. 11. Социология. – 1997. – № 4. – С. 162–195.
36. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии: Пер. с англ. – М., 1999.
37. *Петровский А., Петровский В.* «Я» в «других» и «другие» во «мне» // Популярная психология: Хрестоматия. / Сост. В.В. Мироненко. – М., 1990. – С.124–128.
38. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – М., 1995.
39. *Фромм Э.* Догмат о Христе: Пер. с англ. – М., 1998.
40. Психотерапия – что это? Современные представления / Под ред. Дж.К. Зейга и В.М. Мьюниона: Пер. с англ. – М., 2000.
41. *G. Caplan* Principles of preventive psychiatry. Basic books – New York, London, 1964.
42. *Осухова Н.* Человек в экстремальной ситуации: теоретическая интерпретация и модели психологической помощи // Развитие личности. – 2006. – № 3. – С. 152–167.
43. *Саймон Р.* Один к одному: беседы с создателями семейной терапии: Пер. с англ. – М., 1996.
44. *Бьюдженталь Д.* Искусство психотерапевта: Пер. с англ. – СПб., 2001.
45. *Капра Ф.* Станислав Гроф и Рональд Д. Лэнг // Московский психотерапевтический журнал. – 1992. – № 2. – С. 161 – 198.
46. *Беттельхейм Б.* Пустая крепость: Детский аутизм и рождение Я: Пер. с англ. – М., 2004.
47. *Boadella D.* Transference, Politics and Narcissism// Energy and Character. – 1999. – Vol. 30. – № 1 (September). – С. 32–38.
48. *Людевиц К.* Системная терапия: Основы клинической теории и практики: Пер. с нем. – М., 2004.
49. *Журбин В.И.* Понятие психологической защиты в концепциях З.Фрейда и К. Роджерса // Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 14–22.

50. Мухина В.С. Психологическая экспресс-помощь в чрезвычайных ситуациях масштабных катастроф // Психология экстремальных ситуаций / Под ред. В.В. Рубцова, С.Б. Малых. – М., 2007. – С. 56–76.

51. Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода или как создать свою школу в психотерапии. – М., 1999.

52. Мухина В. Рефлексия на себя и других: Сорок лет фильму «Я и другие» // Развитие личности. – 2011. – №1. – С.166–180.

53. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2013.

54. Ярулов А.А. Коррекция негативной психической напряженности детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях детского дома: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1996.

55. Сидоришин Ф.А. Психологические инициации как средство повышения эффективности межличностного общения и рефлексии у подростков во временных объединениях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1999.

56. Мухина В.С. Басюк В.С. Инициации подростков как условие личностного роста. – Иркутск, 2011.

57. Шадура А.Ф. Пространственно-временная модель психологической реабилитации личности детей, эвакуированных из зоны военных действий в Чеченской Республике // Мир психологии. – 2002. – № 3. – С. 258–270.

58. Осухова Н.Г. Между поддержкой и доразвиванием: психологическое сопровождение подростков, переживших насилие // Развитие личности, 2004 – № 1. – С. 176–189.

59. Горянина В.А. Психокоррекция стиля взаимодействия. – Дисс. ... д. психол. наук. – М., 1996.

Вячеслав Холодный

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В процессе личностного роста приоритетной в психосексуальном развитии становится собственная активность личности. При психолого-педагогическом и медицинском сопровождении развивающегося человека необходимо формировать адаптивную сексуальность, ориентированную на существующие социокультурные стандарты, учитывать индивидуальные психосексуальные особенности и содействовать выработке внутреннего локуса контроля, при котором поведение оценивается и регулируется самим человеком на основе индивидуальных этических установок.

Ключевые слова: психосексуальное развитие; сексуальная культура; сексуальное образование; сексуальное воспитание; внутренняя позиция; активность личности.

Abstract. We show that internal activity of the personality becomes priority in the psychosexual development. For psychological, pedagogical and medical maintenance of psychosexual development the combination is necessary of the adaptive sexuality formation which is based on social cultural traditions, the taking into account of specific psychosexual features and formation of an internal personality control locus. The person estimates and regulates own behavior owing to an internal personality control locus on the basis of individual ethical principles.

Keywords: psychosexual development; sexual culture; sexual education; inner position; activity of personality.

Сексуальный
онтогенез человека

Сексуальный онтогенез представляет особый пласт развития личности. Поскольку сексуальная потребность является одной из детерминант поведения человека, понимание его внутреннего мира без учёта сексуальных переживаний является неполным.

Модель
психосексуального
развития

В настоящее время универсальной теории психосексуального развития не существует. Анализ моделей психосексуального развития осуществленный Дж. Мани (J. Money) [1], А. Эхгардт (A. Ehrhardt) и Х. Мейер-Бахбург (H.F.L. Meyer-Bahburg) [2], В.М. Масловым, Г.С. Васильченко с соавторами [3], позволяет выделить три этапа: 1 – формирование полового самосознания (возраст до пяти лет); 2 – формирование полоролевого поведения (от шести до одиннадцати лет); 3 – формирование психосексуальных ориентаций направленности полового влечения и способов его реализации (период полового созревания).

Закономерно возникает вопрос: каковы детерминанты сексуального развития? Понимание этого позволит сформировать практико-ориентированную платформу для построения сексуального образования и воспитания.

Соотношение биологического и социального в психосексуальном развитии

Установлено, что биологическими детерминантами психосексуального развития являются генетически обусловленный набор морфофизиологических особенностей особи, половая дифференцировка головного мозга (прежде всего гипоталамуса) в сочетании с половым инстинктом [3, с. 388–394; 4, с. 48–50, 61–66]. Высокая концентрация половых гормонов в период полового созревания, не имеющая аналогов в онтогенезе, является биологическим компонентом, обеспечивающим формирование и реализацию полового влечения. При отсутствии необходимой гормональной «бури» смысл сексуально-эротических стимулов для человека остаётся непонятным. Обладание мужским или женским генотипом и фенотипом, а также нормальная эндокринная регуляция вовсе не гарантируют развитие индивида социально, сексуально и духовно в мужчину или женщину.

Сексуальность не может быть понята из общих закономерностей репродуктивного поведения

Сексуальность не может быть понята из общих закономерностей репродуктивного поведения. Необходима половая и сексуальная социализация, в ходе которой через культуру усваиваются модели и образцы сексуального поведения [5].

В.С. Мухина отмечает: «Половую принадлежность человека ... обеспечивает его половая идентификация с социальными ролями мужчины или женщины, а также психологическое освоение позиции мужчины или женщины. Развивая и реализуя свои притязания на признание в качестве мужчины или женщины, человек продвигается в освоении предначертанной ему социальной роли» [6, с. 605]. Действительно, через культуру человек усваивает модели и образцы сексуального поведения.

Как показал И.С. Кон, сексуальное поведение соотносится с особенностями культуры и конкретного образа жизни [4], хотя отдельные элементы сексуальной культуры коренятся в биологическом наследии человека. Исследования Г.Ф. Харлоу (H.F. Harlow) с соавтором показали, что изоляция детёнышей макаки от сверстников исключала их из репродуктивного процесса (у самцов отсутствовала способность к спариванию, а у самок – к заботе о потомстве). Поразительно, но изоляция от матери столь фатальных последствий не имела [7].

Сущностная
соединенность
биологического
и социального

В.М. Маслов с соавторами [3] показали, что изменение соотношения биологического и социального в сексуальном онтогенезе является частным случаем психического развития: при переходе к каждому последующему этапу развития соотношение названных условий меняется в сторону социального. К примеру, такое нарушение полового самосознания как транссексуализм** развивается в возрасте до пяти лет вследствие врождённых биологических нарушений. Как показали исследования В.М. Маслова и Р. Липпа (R.A. Lipra) нарушение психосексуальных ориентаций (если оно не является проявлением психической патологии) возникает по преимуществу под действием социальных факторов [3, 8]. Биологический фактор – концентрация половых гормонов в этот период – влияет лишь на интенсивность сексуального влечения, но не регулирует его направленность.

Сензитивные
периоды,
формирующие
компоненты
сексуальности

Немаловажное значение в психосексуальном развитии имеют сензитивные периоды, в которые формируются определённые компоненты сексуальности. После того, как соответствующий период миновал, внешние воздействия, в том числе медицинские, уже не оказывают влияния на изменение сексуальности. Так закладываются сексуальные сценарии.

Сексуальные
сценарии

Сексуальный сценарий – это программа (в значительной степени неосознаваемая), на основе которой строится сексуальное поведение человека. Сценарий включает направленность влечения, мотивы близости, представления о собственном поведении и поведении партнёра психологический и физический тип партнёра, эротические стимулы, требования к ситуации сближения, допускаемые способы и технику реализации влечения и др.

Формирование
сексуальных
сценариев

В периоды высокой концентрации половых гормонов возникают ситуации, когда тело требует сексуальной разрядки. Если в этот момент человек увидит или вспомнит объект, соответствующий ранее сложившимся у него представлениям о сексуальности (почувствует запах, прочтёт, увидит в кино или в реальности), то в дальнейшем образ данного объекта запечатлется и становится для него сексуальным стимулом. Воздействие объекта оказывается особенно сильным, если оно сопровождается спонтанной или индуцированной разрядкой в

* Термин «транссексуализм» (лат. trans – через, пере + sexus – пол) – обозначает состояние, при котором человек осознаёт себя представителем пола, противоположного морфологическому.

виде оргазма. Совокупность таких эпизодов ложится в основу сексуального сценария.

При низких порогах возбудимости функциональных центров оргазма, приводящих к допубертатной мастурбации, сценарии могут закладываться и в детском возрасте. Аналогичным образом формируются и эрогенные зоны. Поскольку сценарии формируются в сфере бессознательного, то по истечении пубертатного периода, когда концентрация гормонов снижается, сформировать новый сценарий или изменить созданный почти невозможно.

Сексуальная
дисгармония

Если сформировавшаяся программа противоречит сценарию полового партнёра, возникает социально-психологическая *сексуальная дисгармония*, то есть нарушение сексуального взаимодействия в паре, приводящее к недовольству партнеров интимными отношениями. При этом у каждого из партнёров сексопатология отсутствует. Если сформировавшийся сексуальный сценарий противоречит нормативной сексуальной культуре, то у индивида происходит *нарушение сценарного компонента психосексуального развития*. Оно проявляется в сексуальных дисфункциях и в такой форме социальной дезадаптации, как невозможность создать семью. В обоих случаях партнёр с типичным сексуальным сценарием не вызывает у человека сексуального возбуждения, а значит и сексуальное удовлетворение невозможно.

Неадекватные нормативной культуре сексуальные сценарии могут сформироваться при бесконтрольном знакомстве детей и подростков с эротической продукцией, содержащей такие сценарии.

Многообразие
сексуальных
сценариев

Многообразие существующих сексуальных сценариев свидетельствует о том, что «естественного» способа ведения половой жизни не существует. Социальное воздействие на психосексуальное развитие человека в значительной степени происходит через сексуальную культуру.

Сексуальная культура – явление неоднородное и изменчивое. По-видимому, следует говорить о наличии в различных общностях половых, возрастных, этнических, конфессиональных, профессиональных, сексуально-ориентационных, клановых, семейных субкультур. Чем более социально различны партнёры парного сексуального взаимодействия, тем больше вероятность конфликта. Одним из механизмов преодоления конфликта является освоение и присвоение нормативной сексуальной культуры, то есть культуры принятой и

Нормальность
и нормативность
сексуального
поведения

признаваемой большинством. Соответственно, и поведение, соответствующее нормативной сексуальной культуре, называется нормативным. Этот механизм будет эффективным, если индивидуальная культура не антагонистична нормативной культуре.

Не следует смешивать понятия *нормальное* и *нормативное* поведение. Понятие нормальности в сексологии является проблемным и многомерным, включает морфометрический, статистический, этический, индивидуальный, возрастной и партнерский компоненты. Различные компоненты могут взаимно противоречить. Так, продолжительность фрикционной стадии полового акта у мужчины может превышать в несколько раз статистическую норму. Но если у женщины в силу низкой возбудимости функциональных центров оргазма для достижения последнего требуется значительное время, то именно с таким мужчиной будет достигнута сексуальная гармония. В данном примере статистическая норма противоречит партнерской норме.

Долгое время наличие индивидуальной сексологической нормы не признавалось. Следы этого заблуждения до сих пор сохранились в медицинской и научно-популярной литературе; один из них – рекомендации относительно «нормальной» частоты половой жизни для мужчины. Хотя ещё в 1948 г. А. Кинзи (А. Kinsey) установил, что у 77,7% американских мужчин количество оргазмов в неделю варьирует от 1,0 до 6,5 [9].

Единогое понимания «термина» культура не существует. Корректное рассмотрение этого явления применительно к проблеме сексуальности видится нам через отдельные составляющие культуры (мораль, традиции, обычаи, право, наука, система образования и воспитания). Остановимся на некоторых из них.

Противоречивые
процессы
общественного
развития

Тема падения нравов относится к вечным темам. Консервативная часть общества считает падение нравов следствием так называемой сексуальной революции, которую приверженцы консервативных взглядов считают «виновником» снижения рождаемости, а также трансформации установок и динамики сексуального поведения (снижение возраста сексуального дебюта, эмансипация сексуальной мотивации от репродукции, рост числа разводов, добрачных и внебрачных зачатий и рождений, повышение интереса к эротике, ресексуализация женщин)*.

* Все эти явления повторяют процессы, которые происходили на Западе 40 лет назад, во время сексуальной революции.

Влияние
сексуальной морали
на психосексуальное
развитие

Сексуальная мораль оказывает влияние на психосексуальное развитие. Механизм контроля над соблюдением требований морали – одобрение или осуждение окружающих. Сексуальная сфера в истории человечества контролировалась, регламентировалась, унифицировалась, потому что сексуальная свобода, как и любовь, неизбежно раскрепощают личность эмоционально, интеллектуально и духовно, что угрожает общественной системе, неравенству и власти. Любовь, вовлекающая человека в свой водоворот без остатка, выводит его из-под контроля власти, не позволяя ей безраздельно вершить человеческие судьбы и решать собственные задачи: уборка урожая, стройки, война, и т. д. Классический пример – судьба любви Ромео и Джульетты из трагедии У. Шекспира.

Разобщение
телесности
и духовности –
идеологическая
форма подавления
сексуальности

Идеологической формой подавления сексуальности было закрепление за ней ранга «низменной», «грязной телесности», которая противостоит чистой возвышенной «духовной любви», в один ряд с которой ставили любовь к матери, отечеству, монарху, богу. Разобщение телесного и духовного привело к искажённому отношению к любви и сексуальности, к небрежному отношению к половым органам и собственному телу (в эстетическом, гигиеническом и медицинском контекстах). Однако в Библии утверждается, что тело – это «храм души».

Абсолютизация романтического компонента любви при игнорировании телесных компонентов и многообразия её реальных форм порождает опасный разрыв идеала и действительности, который может привести к нарушению сценарного компонента психосексуального развития.

Разобщённость
телесности
и духовности
в языковой культуре

Разобщённость телесности и духовности проявилась и в языковой культуре. Богословская идея о греховности чувственности и наслаждений в обыденном сознании трансформировалась в запрет не только говорить, но думать о сексуальности. В результате в нашей разговорной речи отсутствует высокая эротическая лексика и нормативные слова для обозначения сексуальных явлений. «Запрещение легального сексуально-эротического дискурса, – писал И. С. Кон, – неизбежно низвело сексуальность до немой, чисто физиологической активности, примитивизировало её, сделало не только непредсказуемой, но и социально опасной» [10, с.].

Двойные требования
традиционной
сексуальной морали

В европейской культуре требования традиционной сексуальной морали были двойными. Господствующие социальные группы устанавливали сексуальную мораль, но сами зачастую ее не соблюдали. Подчинен-

ные социальные группы осознавали это, но вынуждены были действовать согласно официальной (нормативной) этике, даже если это было против их убеждений. «Он богатый, ему можно» – это убеждение веками закреплялось в сознании в бедных. Мне представляются две причины такого положения. Во-первых, сформировать собственную этику бедные не были готовы ни интеллектуально, ни духовно. Во-вторых, человек в отсутствии общественных регуляторов поведения не чувствовал себя уверенно. Нормативная неопределённость влечёт развитие широкого спектра изменений: от поведенческих, коммуникативных и психологических затруднений до невроза*. Озабоченность ритуальной стороной настолько сильна, что собственные чувства отступают перед вопросом: «Правильно ли я поступаю?»

Создание
общественных
регуляторов
поведения –
потребность
человека

Создание духовных общественных регуляторов поведения – неотъемлемая потребность и сущность человека как социальной единицы. Даже девиантные социальные группы (например, в уголовном мире) вырабатывают собственную мораль.

Двойные стандарты существовали не только по отношению к богатым и бедным, но и по отношению к официальной и неофициальной стороне жизни, к мужчине и женщине. Так, запрет на внебрачные связи распространялся на официальную сторону жизни мужчины и на женщину, но на уровне бытовой субкультуры отношение к внебрачным связям мужчины было терпимым.

Брак – социальный
институт

Брак – не природный, а социальный институт. В его развитии основную роль сыграли такие материально-экономические факторы как частная собственность и право наследования. Двойной стандарт относительно внебрачных связей мужчины и женщины – это отражение реального исторического процесса порабощения женщины, в том числе порабощения сексуального. Ф. Энгельс указывал, что после ниспровержения матриархата «...жена была лишена своего почётного положения, закабалена, превращена в рабу ... желаний, в простое орудие деторождения» [11, с. 139].

Европейские
социокультурные
стандарты
сексуального
поведения

В отличие от морали традиции не имеют идейного обоснования: им следуют, потому что так принято. В них общественные отношения прошлого проявляются в настоящем, закрепляя наиболее значимые образцы поведения не только через сознание, но и на уровне

* Неврозы (от греч. νῆρον – «нерв») – группа хронических функциональных психогенных обратимых расстройств, возникающих в результате психологической травмы.

«коллективного бессознательного». Некоторые из традиций, которые в прошлом были моральными ценностями, сегодня сохраняются как ценности в отдельных субкультурах.

В современных европейских традициях закреплены следующие социокультурные стандарты сексуального поведения: парный моногамный стандарт, гедонистический стандарт, романтический стандарт, стандарт прелюдии, оргазмический и репродуктивный стандарты. Охарактеризуем их более подробно.

Парный моногамный стандарт

В наше время семья перестала быть исключительным пространством для реализации сексуальности. Отношение к разводам, добрачным, внебрачным или групповым связям, аутоэротизму и коммерческому сексу стало более терпимым. Однако моногамный брак и юридически неоформленные постоянные партнерские отношения не отмирают. Опросы, проводившиеся в более пятидесяти европейских стран на протяжении последних двадцати лет, показали, что семья стойко занимает одно из первых мест в системе ценностей. Не являются исключением из этого правила и современная молодёжь, для которой типичной формой сексуального партнерства стала серийная моногамия*, которая противоречит и идее пожизненного брачного союза, и идее отмирания института брака и супружеской верности вообще [10].

Гедонистический стандарт

Полноценные отношения между мужчиной и женщиной включают регулярную половую жизнь не только для деторождения, но и для удовольствия.

Романтический стандарт

Согласно этому стандарту, сексуальность неразрывно связана с любовью: романтическая любовь без физической близости не достигает завершенности, а секс без любви – занятие поверхностное в эмоциональном плане.

Снятие и ослабление многих культурных запретов сделало сексуальную жизнь более будничной, прозаичной, менее связанной с романтическим стандартом и любовью, а потому и наиболее распространенными сексуальными дисфункциями стали снижение или отсутствие сексуального влечения, что подтверждается исследованиями Л. Эплва (L. Eplov) и соавторов [13].

* Серийная моногамия (serial monogamy) – форма брака между мужчиной и женщиной, при которой человек живет одновременно только с одним партнером, но эти отношения продолжаются не всю жизнь, а какой-то отрезок времени.

Стандарты
и нормативный
сексуальный
сценарий

Следующие три стандарта (прелюдии, оргазмический и репродуктивный) отражают представления о нормативном сексуальном сценарии. На основании собственных исследований автора и работ М.В. Екимова [12, с. 140, 191–192] *нормативный сексуальный сценарий* можно описать следующим образом: инициатива в отношениях исходит от мужчины; сексу предшествует ухаживание (платонические отношения); перед половым актом мужчина ласкает женщину и стимулирует её эрогенные зоны; когда оба партнёра достаточно возбуждены, мужчина переходит к фрикционной стадии вагинального полового акта; в процессе полового акта оба должны испытать оргазм. По продолжительности половой акт должен быть достаточным для того, чтобы женщина достигла оргазма. Мужчина способен на оргазм при вагинальном неdestructивном сексе. Женский оргазм может быть коитальным, паракоитальным, клиторальным или вагинальным.

Иные способы достижения оргазма (как и аноргазмия) малоадаптивны, ведут к дисгармонии в отношениях и утрате интереса к половой жизни.

Ядро нормативного
сексуального
сценария

Ядром нормативного сексуального сценария по данным М.В. Екимова во всех обществах является гетеросексуальный вагинальный половой акт с мужским оргазмом [12, с. 139–140], что закреплено биологически в потенциальной репродуктивности.

Решающим сдвигом в нормативном общественном сознании, произошедшем на рубеже XX – XXI веков, стала окончательная эмансипация сексуально-эротического поведения и мотивации от репродуктивной биологии, связанной с продолжением рода. Современное общественное сознание приняло тот факт, что сама сексуальность стала самоценной: она не направлена лишь на деторождение и не нуждается в легитимизации.

Вместе с тем, мне кажется недостаточно точным утверждение И. С. Кона о том, что рассмотрение человеческой сексуальности в терминах репродуктивного здоровья методологически ошибочно [10]. Нельзя предписывать всем исключительно потенциально репродуктивный сексуальный сценарий, но поскольку в российской культуре этот сценарий считается нормативным, то именно он способен обеспечить максимальную социальную сексуальную адаптацию.

Под флагом борьбы с «падением нравов» в настоящее время продолжается «крестовый поход» против сексуального образования. Педагогические дебаты по этой проблеме ведутся на уровне 50-60-х годов XX в.,

Сексуальное
образование
в России

а то и конца XIX в. Предлагаемые стратегии исходят из того, что на психосексуальное развитие можно повлиять через школьное обучение, «крепкую здоровую» семью (где её найти для конкретного ребёнка?) и государственное регулирование средств массовой информации. При этом игнорируются реалии информационного общества: динамичность стиля жизни (частая смена работы, места жительства, окружения, уменьшение времени, посвящаемого семье), свободный доступ к средствам массовой информации и Интернету, использование упрощённых, унифицированных схем мышления, которые базируются на усвоении стереотипов. В результате информация воспринимается без опоры на индивидуальную систему ценностей.

В значительной степени психосексуальное развитие определяет спонтанно формирующееся социальное окружение (так называемая «улица»). По данным опроса 1600 школьников 10–11 классов, проведенного в более 40 школах гг. Дмитрова, Мурманска, Мытищ, Пскова и Таганрога, основными источниками сексуальной информации являются книги, СМИ, друзья и сексуальные партнёры; на долю матерей приходится 15%; отцов – 4%; школы – 7%. Согласно И.С. Кону, опрошенные отмечали, что родители говорят с ними на «сексуальные» темы «между делом» [14, с. 12–13].

Психосексуальное развитие многих нынешних родителей происходило в эпоху сексуальной революции в России, поэтому половое воспитание их детей отличается от предыдущего поколения.

Однако не стоит преждевременно себя обнадёживать. Во-первых, мало знать, нужно уметь передать свой опыт детям, а традиции сексуального образования через семью у нас не сформированы. Во-вторых, знания о половой жизни не тождественны сексуальному образованию. В семьях эти процессы продолжаются с опорой на прежние традиции. По законам социологии, ожидать изменения традиций (даже при поддержании государственной системой постоянного однонаправленного вектора в развитии семейного и общественного сексуального образования и воспитания) можно лишь после смены нескольких поколений.

В условиях отсутствия государственного регулирования попытки энтузиастов наталкиваются на жёсткое сопротивление консервативной части общества. Наиболее ярким примером является история проекта Екатеринбургского городского учебно-методического центра

В семейном воспитании начинается новый этап

Сопротивление консервативной части общества

«Холис»*, в рамках которого осуществлялась подготовка специалистов по сексуальному образованию для школ. Массовые акции протеста и обращения в различные инстанции традиционалистски настроенных родителей, которых поддерживала Русская Православная Церковь, привели к тому, что в 2006 г. центр «Холис» был закрыт. Это закономерно: нормативная этика ещё формируется, а позиции последователей традиционной сексуальной морали достаточно крепки. Ведь устоявшаяся веками сексуальная мораль обслуживает одну из базовых общественных потребностей в выработке духовных социальных регуляторов поведения.

Однако отсутствие у молодежи надлежащего сексуального образования порождает массу нежелательных и социально опасных последствий. Многие из проблем, которые открыто обсуждаются в молодежной среде, до сих пор не осмыслены педагогическим сообществом и остаются под запретом, «дабы не вводить молодежь в соблазн».

Согласно исследованиям И.С. Кона, опыт западно-европейский стран свидетельствует, что создание системы общественного сексуального просвещения приносит положительные результаты: снижается количество заболеваний, передающихся половым путём [10]. Сексуальное образование позволяет не только избежать опасных последствий, но и сделать жизнь человека благополучной.

Гуманистические представления исключают понимание человека как игрушки в руках природы и социума. Посредством собственной активности человек изменяет не только природу и социум, но и самого себя. Согласно опыту автора, именно собственная активность личности, её волевые усилия – третий и главный источник психосексуального развития человека, которое является результатом воздействия не только биологических и социальных факторов, но и собственной активности личности [15, с. 116].

Нельзя не согласиться с исследованием В.С. Мухиной сущностной проблемы значения внутренней позиции человека. Автор писала: «Механизмы идентификации-обособления очень тонко взаимодействуют в процессе развития половой тождественности человека: норма половой идентификации имеет большую вариа-

* Этот проект – совместная разработка Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Управления образования администрации г. Екатеринбурга.

Значение
сексуального
образования

Активность –
источник
психосексуального
развития личности

Внутренняя
позиция – одно
из основных условий
психосексуального
развития личности

тивность на протяжении всего онтогенеза и жизни человека, что зависит от генотипа, условий развития и внутренней позиции самого человека» [6, с. 610].

В.С. Мухина писала: «Смысл прогресса – в превращении по возможности каждого человека в личность, в “активного деятеля”, необходимого другим, в человека с обостренным чувством личности свободно отстаивающим свои нравственные позиции.

Внутренняя позиция личности отражает ценностные ориентации, концентрируемые через контекст... самосознания, а также через индивидуальное понимание общественных отношений людей и своего места в этих отношениях» [6, с. 831].

Усвоение сексуальной культуры – не механический процесс копирования. Благодаря внутренней позиции и активности человека как личности происходит оценка, соотнесение нормативной культуры с субкультурами, к которым принадлежит индивид (возрастной, профессиональной, этнической, конфессиональной, клановой, семейной); с индивидуальными биологическими особенностями (базовой половой идентичностью, половой конституцией, состоянием физического здоровья); с собственными физическими параметрами, в том числе внешностью; с возможностью удовлетворения базовых человеческих потребностей; с социальным статусом.

Формирование
индивидуальной
сексуальной
культуры

В результате указанных взаимодействий формируется индивидуальная сексуальная культура, которая включает и индивидуальную этику (жизненные принципы), и индивидуальные сексуальные сценарии. Моральное регулирование осуществляется не только посредством общественного контроля, но и через самоконтроль (через долг, ответственность, совесть). Нарушение установленных норм вызывает у индивида негативную реакцию (чувства вины, стыда, угрызания совести). Так как сексуальные проявления являются интимными, то самоконтроль в моральном регулировании зачастую важнее общественного контроля.

Как известно, принятие индивидом нормативных сексуальных моральных ценностей и следование традициям зависит от того, насколько они совпадают с его собственными нравственными установками и соответствуют психосексуальным особенностям, сексуальным сценариям. Именно поэтому битву с сексуальностью никогда не выигрывал ни один политический режим.

Даже принимаемая нормативная мораль и субъективное представление об этичности могут не совпадать с сексуальным поведением индивида. Это требует от

исследователей смещения акцентов с поведенческих, внешних проявлений к внутренним побуждениям и смыслам. Для познания этих феноменов необходимы более тонкие методы, ориентированные на изучение плохо рефлекслируемых проявлений.

Современная
сексуальная мораль
отвечает интересам
современной
личности

Регламентируя наиболее важные аспекты сексуального поведения, каждая культура оставляет место для индивидуальных или ситуативных вариаций. Одни поступки оцениваются как хорошие или плохие, правильные или неправильные, другие целиком представляются индивидуальному усмотрению, причём размер и содержание таких «допусков» существенно варьируют в разных обществах и сферах бытия.

Моральная
автономия
отразилась
на сексуальной
морали

Крушение тоталитарных режимов, движение от этического патернализма к моральной автономии во второй половине XX века отразилось и на сексуальной морали. Этическое регулирование при этом не исчезло, а стало более реалистичным и гибким. Во-первых, уменьшился разрыв между принятой нормативной и бытовой моралью и, следовательно, стало меньше лицемерия. Во-вторых, сузился круг морально оцениваемых явлений. Благодаря чему человек получил возможность выбора из небывалого многообразия морально одобряемых форм сексуального самовыражения. Число и тип сексуальных партнёров, конкретные сексуальные техники и даже сексуальная идентичность постепенно становятся исключительно делом личного усмотрения.

Как на это указывал И.С. Кон, важный элемент современной сексуальной культуры – нормативизация гомосексуальности [10]. Генеральная ассамблея Всемирной организации здравоохранения в 1990 г. исключила гомосексуализм из перечня заболеваний и расстройств. Таким образом, гомосексуальность перестала считаться болезнью, хотя и к сексологической норме ее не относят. Анализируя отношение современного общества к людям с нарушением психосексуальных ориентаций, Г. Келли констатировал: «Слишком часто общую идентичность личность сводят к описанию сексуальной ориентации, ... не отдавая себе отчёта в том, что подобная ориентация и поведение являются лишь незначительными элементами личности индивида... Такое злоупотребление терминологией наносит вред личности» [16, С. 292]. Постепенно в обществе исчезает страх перед лицами с сексуальными девиациями.

Принципы
гуманистической
сексуальной этики

В демократических обществах нормативная мораль формируется большинством. В поликультурном социуме (базирующемся на плюрализме мнений, многокон-

Принципы
регуляции
сексуального
поведения

фессиональности, признании ценности каждого отдельного человека) трудно найти общепринятые нравственные регуляторы поведения. Ведь главное направление эволюции сексуальной культуры – индивидуализация и плюрализация сексуальности. Но всё же такие регуляторы неизбежно создаются в обществе. В Нобелевской лекции А.И. Солженицын писал: «...Для целого человечества, стиснутого в единый ком, ... взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью» [17]. Таким образом, безусловное признание индивидуальных различий не исключает необходимости общих представлений о добре и зле применительно к сексуальности.

На основании данных исследования И. Рейсс (I.L. Reiss) [18], я попытался выделить несколько наиболее распространенных принципов регуляции сексуального поведения, которые *уместно назвать принципами гуманистической сексуальной этики*.

1. Добровольность (отсутствие принуждения в сексуальных отношениях).

2. Искренность, то есть отсутствие обмана при вовлечении в сексуальные отношения.

3. Уважение личности: человек не может быть средством для сексуального удовлетворения. Необходимо уважать чужие убеждения и сексуальные ценности, это не означает, что человек не может помочь партнёру избавиться от предрассудков и заблуждений.

4. Безопасность: отсутствие вреда физическому и психическому здоровью в процессе сексуальных отношений.

Полагаю, что эти принципы могут стать основой для формирования индивидуальной сексуальной этики.

Стратегия
психосексуального
развития

Состояние общественного морального регулирования может варьировать от морального диктата до нормативной неопределённости. Попытка приспособиться к общественным нормам вопреки индивидуальной этике и психосексуальным особенностям (как и нормативная неопределённость) могут привести к сексуальным неврозам. Чем меньше внешних регуляторов поведения, тем больше ответственность личности за свои действия и самоконтроль. Вот почему я *считаю основной стратегией психосексуального развития формирование у человека внутреннего локуса контроля*, при котором место внешних ограничений и запретов занимают индивидуально выстроенные этические нормы. Они – та основа, которая дает человеку ориентиры для собственной активности в использовании и моделировании биологических и социальных детерминант психосексуального развития.

Формирование
социально
адаптивной
сексуальности

В современном обществе индивидуальные и парные нормативы поведения всё более преобладают над социальными. Однако это не должно маскировать важную для сопровождения психосексуального развития аксиому: *максимальную адаптацию обеспечивает сексуальность, приближённая к действующим социокультурным стандартам и ориентированная на параметры партнёра*. И наоборот: чем больше сексуальное поведение индивида отличается от социокультурных стандартов, чем сильнее предпочтения в отношении партнёра отличаются от типичных параметров, тем сложнее встретить сексуально комплиментарного партнёра и тем меньше шансов на парную сексуальную адаптацию. Так, мало адаптивными являются установки на многожёнство, брак без секса, свободную любовь, промискуитет*. Особенно дезадаптивно формирование ритуализированных сексуальных сценариев [12].

Психолого-педагогическое и медицинское сопровождение психосексуального развития – ювелирное искусство, требующее формирования адаптивной сексуальности, учёта индивидуальных биологических психосексуальных особенностей человека и формирования внутреннего локуса контроля, при котором поведение оценивается и регулируется самим человеком на основе зрелых индивидуальных этических установок. Чем в большей степени развит внутренний локус контроля, тем меньше человек зависит от образцов поведения, не свойственные индивидуальной этике.

Формирование
стереотипа
полоролевого
поведения

В формировании стереотипа полоролевого поведения возрастает влияние как социума (образцы поведения, художественная литература, кино, воспитательные влияния старших, социализация в коллективе сверстников), так и собственной внутренней позиции. На данном этапе у детей с краевыми (не затрагивающими ядра личности) формами нарушения полового самосознания вполне возможно формировать стереотип полоролевого поведения, соответствующий паспортному полу. Впрочем, он не устраняет психологического дискомфорта. Человек, совершая усилия над собой, которые необходимы для ассимиляции с социумом, продолжает испытывать внутренний конфликт.

Внутренняя позиция
личности –
решающий фактор
в формировании
психосексуальных
ориентаций

В формировании психосексуальных ориентаций внутренняя позиция личности проявляется во всей полноте.

* *Промискуитет* [лат. promiscuous смешанный] – неупорядоченные половые отношения, присущие первобытному обществу и сексуально незрелым субъектам.

Репродуктивное
поведение
формируется
в социуме

Типичный пример – кризис пубертатного периода у юношей. Под действием половых гормонов, особенно у лиц с сильной половой конституцией, начинается экспериментирование с сексуальным поведением, появляется избирательное любопытство к любой сексуальной тематике, возникают специфические сексологические феномены, не поддающиеся контролю, эмоции низшего порядка, сметаются и подавляются все проявления платонического и эротического либидо. Это противоречит внутренним этическим установкам, сформировавшимся у личности. Начиная борьбу с биологическими явлениями, юноша (как и миллионы людей до него) терпит поражение. Биологические детерминанты настойчиво продолжают выполнять свою задачу – формировать репродуктивно эффективное поведение человека. Юношу одолевают сомнения в ценности своей личности (особенно волевых качеств), снижается самоуважение. Трудности и неудачи в учёбе и общении он воспринимает как следствие своего «порока».

Социально приемлемое репродуктивно эффективное поведение формируется благодаря помощи социума (не только воспитательной системы, но и той его части, которую принято называть «улицей»), а также собственной активности личности. Именно собственная активность и психическая ауторегуляция позволяют большинству людей на протяжении веков формировать адаптивную сексуальность.

Теоретический анализ детерминант психосексуального развития позволил мне сформулировать *следующие выводы*.

Психосексуальный онтогенез происходит асинхронно: сексуальное развитие опережает развитие личности. Однако в процессе психосексуального развития на фоне ослабления влияния биологических детерминант усиливается влияние детерминант социальных. Такова типичная тенденция психического развития.

Максимальную адаптацию к социальным ожиданиям обеспечивает сексуальность, приближённая к действующим социокультурным стандартам и ориентированная на типичные параметры партнёра.

1. Money J. Love and love sickness. The science of sex, gender difference and pair-bonding. – Baltimor – London, 1980.

2. Ehrhardt A. A., Meyer-Bahlburg H. F. L. Effect of prenatal sex hormones on gender-related behavior. // Science. – 1981. – V. 211. – P. 1312–1318.

3. Маслов В. М., Ботнева И. Л., Васильченко Г. С. Нарушения психосексуального развития. Основные этапы формирования сексуальности // Сексопатология: справочник / Под ред. Г. С. Васильченко. – М., 1990. – С. 388–437.
4. Кон И. С. Введение в сексологию. – М., 1989.
5. Бёрн Ш. Гендерная психология. – СПб., 2004.
6. Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 3-е изд. испр. и доп. – М., 2013.
7. Harlow H. F., Mears C. Human Model: Primate Perspective. – Washington – New-York, 1979.
8. Lippa R. A. The preferred traits of mates in a cross-national study of heterosexual and homosexual men and women: an examination of biological and cultural influences // Archives of Sexual Behavior. – 2007. – V. 36. – P. 193–208.
9. Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. B., Gebhard P. N. Sexual behavior in the human mail. – Philadelphia, 1948.
10. Кон И. С. Человеческие сексуальности на пороге XXI века // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 29–41.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-и т. – Т. 6. – М., 1987. – С. 105–243.
12. Екимов М. В. Оргазмические дисфункции у женщин: пособие для врачей. – СПб., 2011.
13. Eplöv L., Giralddi A., Davidsen M. et al. Sexual desire in a nationally representative Danish population // The Journal of Sexual Medicine. – 2007. – V. 4. – P. 47–56.
14. Кон И. С. Подростковая и юношеская сексуальность // Секс и мы. – М., 2006. – С. 4–13.
15. Холодный В. А. Психолого-педагогическое сопровождение психосексуального развития личности мужчины на этапе формирования психосексуальной ориентации // Вестник практической психологии образования. – 2012. – № 3 (32). – С. 115–126.
16. Келли Г. Основы современной сексологии. – СПб., 2000.
17. Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Рассказы. – М., 1989. – С. 286–301.
18. Reiss I. L. Sexual pluralism: Ending America's sexual crisis // SIECUS Report. – 1991 (February/March). – P. 5–9.

Реализация проекта программы психологического сопровождения подростков, лишенных родительского попечительства

Валерия Мухина, Виктор Басюк

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННЫХ И ДЕЛИНКВЕНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. Обсуждаются: типология отношений человека к миру, способы существования человека в мире и осознание ценностных ориентаций отдельным человеком в его индивидуальной истории. Показано, что условия развития могут представить возможность человеку развиваться в отношении принятия социальных ожиданий, но могут провоцировать негативное развитие личности в сторону социопатии, девиаций и делинквентного поведения. Направление развития в сторону аморализма определяет типологию формирования негативных ценностных ориентаций к другим людям и к себе.

Ключевые слова: Отношение человека к миру; социопаты; делинквенты; девиации; позитивные и негативные ценностные ориентации; аморализм; обращение к Богу; негативные и позитивные помыслы.

Abstract. Typology of man's attitude to world, ways of man's existence in the World and awareness of value orientations by certain person in his/her individual history are discussed. It is shown that conditions of development can offer to a person a possibility of development in respect to acceptance of social expectations, but at the same time, can provoke person's negative development towards sociopathy, deviations and delinquent behavior. Direction of development towards immorality determines typology of negative value orientations to other people and oneself formation.

Keywords: man's attitude to the World; sociopath, delinquents; deviations; positive and negative value orientations; immorality; conversation to Lord, negative and positive thoughts.

*Между тем бытие человеком и человек –
не одно и то же...*

Аристотель

*И сказал Господь Бог: вот,
Адам стал как один из Нас,
зная добро и зло...*

[Бытие 3:22]

*Плачь, как плачем мы в тюрьме, где день
предназначен для слез не меньше, чем ночь.*

Оскар Уайльд

1. Способы существования человека в мире

Структурообразующие основы самосознания человека

Ценностные ориентации – структурообразующие основы самосознания человека, складывающиеся в условиях обыденного бытия, формирующиеся в процессе развития внутренней позиции человека как личности. Ценностные ориентации человека осознаются им в процессе онтогенеза как значимые ориентиры в его индивидуальной жизни – они определяют отношение человека к миру и бытию.

Ценностные ориентации осознаются как значимые ориентиры каждого конкретного человека в сфере нравственности, убеждений, жизненной позиции. Внутренняя позиция по отношению к индивидуальным ценностным ориентациям человека определяется прежде всего социальными условиями его развития и бытия, а также некими конкретными образцами для подражания.

Нельзя не согласиться с мнением С.Л. Рубинштейна, который писал: «Анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и

Онтологический план отношений человека к миру

субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире. И только затем может быть осуществлен перевод этого онтологического плана в этический» [1, с. 337]. Солидаризируясь с другими мыслителями С.Л. Рубинштейн справедливо полагал, что «только из отношения человека к бытию может быть понята и вся диалектика человеческой жизни – ее конечность и вместе с тем бесконечность» [1, с. 341].

Философ и психолог обоснованно рассматривал человека как возможного субъекта жизни [1, с. 347]. Однако не всякий человек в сущности своей может выступать на протяжении своей жизни как субъект. Поведение человека на всех его возрастных этапах может проявлять человека как объект, зависимый от условий [1, с. 347–348]; как некую своеобразную социальную единицу и уникальную личность [2, с. 30, 242, 717, 729, 808–832].

Контексты
рассмотрения
человека подростком

В свою очередь И.С. Кон тщательно изучал становление личности в онтогенезе [3, с. 256–270]. Возрастные сдвиги в восприятии других людей, согласно И.С. Кону, выражаются в увеличении числа описательных категорий, в повышении уровня избирательности, последовательности, сложности и интегрированности этой информации, использовании всё более тонких оценок, в росте способности анализировать и объяснять поведение в целом и др. [3, с. 267–268]. Вместе с тем развивается «содержание “образа Я”, существенно меняется субъективная значимость отдельных его компонентов...» [3, с. 269]. Однако в этом случае речь могла идти лишь о благополучном развитии личности человека в благоприятных социальных условиях.

Феномен
аморализма

Здесь следует обратиться к А.А. Хвостову и его анализу феномена аморализма. Психолог писал о принципе всестороннего изучения индивидуальной нравственности, который предполагает исследование нравственно-отрицательных проявлений личности не в меньшей степени, чем положительных.

Когда специалисты приступают к обсуждению моральных ценностей, то обязательным элементом этой проблемы становится антипод морали – аморализм. А.А. Хвостов писал: «К сожалению, работ по этой проблеме, особенно психологических, гораздо меньше, чем посвященных “обычной морали”». Психолог совершенно справедливо полагал: «Аморализм» в “философском исполнении” разнообразен и предполагает на одно высказывание в пользу морального поведения несколь-

У народов мира
разные
представления
о «хорошо»
и «плохо»

Дети улиц,
подворотен
и затаенных мест
города

Критерии
привлекательности
криминального мира

ко обоснований против. При этом все схемы в принципе отличаются друг от друга, различными способами “дискредитируя” моральную ценность <...>

С позиции релятивизма* “у всех народов разные представления о том, что хорошо и плохо”,... в каждом обществе свои ожидания. Другой вид релятивизма (во временном измерении) опровергает этот довод тем, что “мораль самим обществом слишком часто меняется”. Релятивизм может выступать и как личностное утверждение, что каждый по-своему понимает ожидания общества. Другое направление, – агностицизм**, – может в данном контексте обозначаться как формула типа “никогда не знаешь, что от тебя ждут” [4, с. 30].

Обычно дети улиц, подворотен и затаенных мест города чаще всего имеют ориентиры аморализма. Они безусловно знают о принятой в обществе морали, но их ценностные ориентации тяготеют к аморализму. Они асоциальны по своему психическому складу: гневливы, яростны, необузданны [5]. Именно из большого числа таких подростков проявляются лица для которых становятся привлекательными ценности криминального мира.

Работая с осужденными к смертной казни, но с помилованными позднее (сейчас они осуждены к пожизненному заключению), В.С. Мухина обратилась к их суждениям о привлекательности криминального мира.

Из суждений пожизненно осужденных следуют основные критерии привлекательности криминального мира:

- 1 – «романтика» криминальной жизни;
- 2 – уверенность в безнаказанности;
- 3 – жажда легкой наживы.

Один из осужденных писал: «Молодое поколение особенно подвержено криминальной романтике. Сама жизнь кажется им розовой и беззаботной. Огромную роль играет фактор кажущейся безнаказанности...» [5, с. 256–257].

* *Релятивизм* [лат. *relativus* относительный] – учение об относительности, условности и субъективности человеческого познания, отрицающее объективное содержание знания; *этический релятивизм* – отрицание обязательных нравственных норм и объективного социального критерия нравственности; распространенной среди идеологов определенного мировоззрения метод обоснования *аморализма*.

** *Агностицизм* – [гр. *agn stos* непознаваемый] – философское учение, отрицающее познаваемость объективного мира и объективное значение истины, ограничивающее роль науки познанием лишь явлений, считая невозможным познание сущности предметов, природных и социальных процессов.

Идеализация разбоя и убийств связана с амбивалентной оценкой преступлений. В истории человеческой культуры можно найти множество сказок, мифов, повествований, в которых идеализируются преступления и протестная позиция к нормативно ориентированному обществу. Можно наблюдать тенденции отказа от норм и законов во имя индивидуализации и отчуждения.

Рожденные в истории человечества идеи привлекательности насилия живут в необъятном и потому Великом идеополе общественного самосознания [5, с. 258–259].

Многие из насильственных преступников идентифицировали себя с Каином. При этом они легко занимали позицию жертвы несправедливости со стороны Бога: ведь он не принял от Каина его жертвоприношения [5, с. 261–262].

Криминальный мир оправдывает себя. Грабители, убийцы, воры пишут о привлекательности личной власти над другим человеком, о привлекательности изощренной интриги ума, о сладости чувства превосходства, о могущественности воли без нравственности, о свободе без ответственности [5, с. 262–263].

В.С. Мухина специально писала о такой категории асоциальных типов: «Их причисляют к *социопатам*, к тем, кто исповедует свободу насилия над другим человеком, вседозволенность» [5, с. 63]. Это весьма опасная категория взрослых и подростков, по существу асоциальных элементов, готовых к немотивированной агрессии. Волна необузданного гнева и неприязни к человеку может подтолкнуть социопата, – взрослого, либо подростка, – к разрушению всех запретов, к преступанию за пределы социальных нормативов.

У определенной категории лиц, как писал об этом К.Г. Юнг, просматривается синкрет *единства* и *множественности* характерологических свойств. Личность человека может быть фрагментарна. В этом отношении: «Если ... множественность встречается у нормальных людей, тогда речь идет о репрезентации еще не осуществленного синтеза личности. Личность (соответственно “самость”) находится в этом случае только на ступени *множественности*...». Совершенно справедливо замечал К.Г. Юнг о репрезентации личности на ступени множественности, когда «имеется как бы одно “Я”, которое... свою целостность еще не может пережить в рамках собственной личности...» [6, с. 362–363]. В отношении с семьей, обществом, сверстниками «Я» человека «еще находится в состоянии бессознательной идентичности с

Единство
и множественность
мотивов и характерологических
свойств

Деградирующие
семьи – условие
развития
асоциальных
ценностных
ориентаций

множенностью группы. Особенно ярко подобная синкретичность обнаруживает себя в отношении асоциально ориентированных взрослых и подростков, лишенных родительского попечительства – будь то подростки, воспитывающиеся в учреждениях интернатного типа или в условиях деградирующей семьи.

Деградирующие семьи те, где родители позволяют себе крутые драки и ругань, принимают алкоголь или наркотики, ведут разнузданный образ жизни. Здесь асоциальны взрослые и их дети. Подростки в этих условиях заимствуют способы асоциального бытования. Эта позиция для них – субъективная норма. Собственно «улица» и подобная семья становятся условием формирования асоциальных ценностных ориентаций. Здесь можно вспомнить поучительную книгу Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» [7]. Герои этого произведения пугающе своевольны и асоциальны.

Именно такая категория подростков явилась вместе с совершившими тяжкие преступления взрослыми трудоемким контингентом, на который были направлены наши усилия.

Проблемы души
современного
человека

Совершенно справедливо К.Г. Юнг полагал: «Проблема души современного человека относится к тем вопросам, которые необозримы именно из-за своей современности. Современный человек – это человек только что образовавшийся...» [8, с. 293].

Следует, однако, не забывать о том, что «только что образовавшийся» человек – это или законопослушный, или асоциальный делинквент; это или глубоко верующий, или безверующий человек, атеист.

Атеист – это не обязательно человек, стоящий на позициях научно-материалистического мировоззрения; это может быть малообразованный, по существу «дикий» человек спонтанно (по неведению, случайно) занявший сию позицию.

Когда Бога нет,
стало быть, все
позволено

Ф.М. Достоевский, – писатель и философ, – взорвал сознание своих современников и потомков простыми по своей доходчивости мыслями: «Бога нет»; «Есть идея...»; «Стало быть, всё позволено» [10, с. 76]. Эти сущностные мысли писатель повторял не единожды не в одном своём произведении и в своих дневниках.

В посредственном,
оскопленном
обществе сын
природы
вырождается
в преступника

Удивительный Ф. Ницше не единожды обращался мыслью к идеям Ф.М. Достоевского, который родился на свет на 23 года раньше и успел открыть для людей многие образы и идеи о человеке.

Ф. Ницше представлял себе человека, который «постоянно пожинает от своих инстинктов лишь опас-

ность, преследование, роковые последствия», его чувство «к этим инстинктам» он воспринимал как фатальные. С человеком в прозорливом уме Ф. Ницше происходят закономерные катаклизмы: «Это в обществе, в нашем прирученном, посредственном, оскотиненном обществе, сын природы, пришедший с гор или из морских походов, необходимо вырождается в преступника. Или почти необходимо: ибо бывают случаи, когда такой человек оказывается сильнее общества, – корсиканец Наполеон самый знаменитый тому пример.

Для тяжких
преступников нет
возврата в общество

Для проблемы, являющейся перед нами здесь, важно свидетельство Достоевского – Достоевского, единственного психолога, у которого я мог кое- чему научиться: он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни, даже еще более, чем открытие Стендаля*. Этот *глубокий* человек, который был десять раз вправе презирать поверхностных немцев, нашел сибирских каторжников, в среде которых он долго жил, исключительно тяжких преступников, для которых уже не было возврата в общество, совершенно иными, чем сам ожидал, – как бы выточенными из самого лучшего, самого твердого и драгоценнейшего дерева, какое только растет на русской земле» [11, с. 620].

Преступные натуры
лишены
общественного
сочувствия

Ф. Ницше представил преступные натуры, которые лишены общественного сочувствия: «Мысли и поступки таких натур имеют окраску чего-то подземного...»*** [11, с. 620].

Большая часть
из них вырастала
из условий
сомнительной среды

Возвращаясь непосредственно к заявленной нами проблеме, – анализу психологических особенностей ценностных ориентаций пожизненно осужденных и делинквентных подростков, – следует указать на общность условий жизни выходцев из неблагополучной среды: большинство из них было детьми улиц, подворотен и ущербных семей. Большинство из них – девианты и делинквенты в своих проявлениях среди других людей.

Готовность
к общению
подростков
и осужденных

Работая над нашим проектом, В.С. Мухина предложила и обосновала идею переписки трудных подростков, склонных к девиации, с пожизненно осужденными преступниками. Мальчики услышав предложение с готовностью согласились: для них было лично зна-

* В 35 лет Ф. Ницше открыл для себя Стендаля («Красное и черное»); в 43 года он открыл Ф.М. Достоевского («Записки из подполья») – гениальный фокус психологии.

** Ф. Ницше открыл для себя Ф.М. Достоевского: «Инстинкт родства среагировал моментально, радость моя была чрезвычайной» [11, с. 798].

чимо иметь связь с теми, кто отбывает наказание за насильственные преступления.

Мы, авторы проекта, тщательно разрабатывали стратегию и тактику проведения этой части проекта*. В процессе проведения столь непростой части проекта, мы искали способы оказания психологической поддержки как осужденных, так и делинквентных подростков.

Что касается осужденных, то для них наше предложение оказалось весьма проблемным: а будут ли подростки готовы войти с ними (с преступниками) в переписку; как наставлять трудных подростков и какие советы они готовы услышать?

Девiantны
и делинквенты

Мы обсуждаем проблему готовности девиантных подростков общаться с пожизненно осужденными [12, с. 226–235; 13, с. 217–230]. Когда мы анализируем проблемы подростков, лишенных родительского попечительства, мы пользуемся двумя значимыми для этой проблемы понятиями: *девиация* [лат. *deviatio* отклонение] – отклонение от правильной линии поведения, от статистической нормы – от нормативно установленных, сложившихся форм обыденного проявления в окружении других людей; *делинквент* [лат. *delinquens* (*delinquentis*)] – *юр.* правонарушитель, преступник. В США этот термин начали применять к несовершеннолетним, виновным в уголовно-наказуемых преступлениях. Сегодня этот термин используют в психологии и педагогике в России.

Девиантное поведение у подростков из неблагополучных условий встречается достаточно часто. Это можно оценивать как типичное негативное проявление влияния условий.

Условия жизни
определяют
характер поведения

В свое время французский философ и социолог Э. Дюркгейм выразил уверенность в том, что условия жизни определяют характер поведения**. Он писал: «Преступления совершаются не только в большинстве обществ какого-либо одного определенного типа, но и во всех обществах всех типов. Не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности. Ее формы меняются; деяния, квалифицируемые в качестве преступных в одном месте, не являются таковыми везде; однако везде и повсюду есть люди, которые ведут себя таким образом, что это навлекает на них уголовное наказание. Если бы по мере того, как общество переходит от низших форм к высшим, уровень преступности, то есть

* Подобного опыта в мировой практике мы не нашли.

** Об этом в тысячелетиях писали многие мыслители.

Преступность как явление нормальной социологии

«Общество без преступности невозможно»

Для того чтобы исчезли убийства в обществе должно быть сильное отвращение к пролитию крови

соотношение между числом ежегодно совершаемых преступлений и количеством населения, обнаруживал тенденцию к снижению, можно было бы полагать, что преступность, оставаясь нормальным явлением, постепенно теряет этот характер. Однако у нас нет оснований считать, что такое снижение действительно происходит. Многие факты указывают скорее на наличие противоположной тенденции» [14, с. 39–40].

Э. Дюркгейм полагал, что само существование преступности является нормальным явлением. Он писал: «Здесь мы сталкиваемся с выводом, казалось бы, совершенно парадоксальным. Не будем впадать в ошибку. Относя преступность к явлениям нормальной социологии, мы вовсе не хотим сказать, что это неизбежное, хотя и вызывающее сожаление явление, обязанное своим существованием неискоренимому злонравию людей. Мы хотим подчеркнуть, что преступность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ. На первый взгляд такое заключение поражает, и мы сами долгое время были озадачены этим. Однако как только это первое чувство проходит, нетрудно найти доводы, объясняющие, почему преступность следует отнести к числу нормальных явлений, и в то же время подтверждающие эту мысль.

Прежде всего, преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно. Преступление заключается в совершении деяния, наносящего ущерб очень сильным коллективным чувствам. В обществе, в котором более не совершается преступлений, чувства, страдающие от преступлений, должны были бы обнаруживаться в индивидуальном сознании всех без исключения членов общества, и они должны были бы проявляться в той же степени, в какой проявляются противоположные им чувства. Если даже предположить, что такого рода условие может быть реализовано, то и в этом случае преступления не исчезнут; они только изменят свою форму, ибо та самая причина, которая устранит указанным образом источники преступности, немедленно создаст новые источники.

Действительно, для того чтобы коллективные чувства, охраняемые уголовными законами нации в определенный период ее истории, овладели общественным сознанием, или для того чтобы эти чувства приобрели большую силу там, где они недостаточны, они должны стать более интенсивными, чем это было раньше. Обще-

Преступность
связана с условиями
жизни

ство в целом должно испытывать эти чувства более напряженно, ибо ему неоткуда черпать большую силу, необходимую для контроля над лицами, которые раньше наименее поддавались их воздействию. Для того чтобы исчезли убийства, отвращение к пролитию крови должно стать большим в тех социальных слоях, из которых рекрутируются убийцы; однако прежде всего это отвращение должно с новой силой охватить все общество в целом» [14, с. 40–41].

Э. Дюркгейм указал на статистику Франции, которая показывает, что там преступность в XIX столетии выросла на 300%. Преступность связана с условиями жизни: преступность – есть социальная патология. Э. Дюркгейм полагал, что общество без преступности невозможно.

Судя по объективно открывающимся тенденциям к девиации и делинквентности наблюдаемых в наше время проявлений сегодняшних осужденных в молодые лета и асоциально ориентированных современных подростков, а также анализируя документы предшествующих эпох, мы должны признать: преступность будет сопутствовать человечеству и впредь – ведь преступность обратная сторона роста духовного акме и нормативных ценностей человечества. Девианты и делинквенты будут всегда присутствовать в обществе, но мы, люди, должны пытаться помогать конкретным людям обрести себя в иных сферах человеческих возможностей.

Девианты и делинквенты обычно склонны проявлять себя отчужденно по отношению к чужим и друг к другу. Эти несчастные неадаптивные жертвы условий развития, сами могут легко стать жертвами более страшных и агрессивных преступников.

Преступники
и их жертвы

Виктимология – наука, изучающая жертв преступления и взаимосвязь между преступником и жертвой. Наука виктимология начала развиваться в первой половине XX столетия. Согласно Фон Хентигу между жертвами и преступниками может существовать «отвратительный симбиоз», при котором жертва стимулирует преступника к совершению криминального действия в отношении к этой жертве. Исследователь описал виды таких жертв.

Другие исследователи обсуждали категории жертв и синдромы жертв ситуативной агрессии. Жертвы агрессии, согласно И.Л. Куташу могут обнаруживать расстройства, которые провоцируют их собственную агрессию. Такого рода расстройства могут быть трех типов:

Лишение родительского попечительства коррелирует с девиантным поведением

Человек в качестве жертвы социализации

Условия жизни современного человека

Распад морали в современном обществе

Ударный посыл Ф. Ницше «Бог умер»

импульсивные, компульсивные и характерологические [15, с. 76].

Когда речь идет о подростках, лишенных родительского попечительства, то это обстоятельство по большей части коррелирует с девиантным поведением и делинквентностью.

Совершенно обоснованно А.В. Мудрик рассматривал личность как жертву социализации [16, с. 47–58].

В контексте этой работы исследователь обсуждал *виктимологию* как область знания, которая на междисциплинарном уровне решает значимый круг задач: 1 – развитие детей, подростков и юношей с физическими, психическими и социальными отклонениями; 2 – виктимогенные факторы и опасности процесса социализации; 3 – выявление типов виктимных детей, подростков и юношей, их сензитивность к тем или иным виктимным факторам; 4 – выявление детерминант восприятия себя жертвой; 5 – возможности оказания помощи [16, с. 52–53].

Современный человек безусловно вовлечен в мир в большей мере, чем прежние поколения. Однако сегодняшнее сообщество людей существует в условиях так называемого наивысшего уровня проблематичности. Нельзя пройти мимо мысли итальянского философа Юлиуса Эвола о том, что «все ценности, возобладавшие в современном мире, представляют собой полную противоположность ценностям, которые господствовали в обществах традиционного типа» [17, с. 7].

Итальянский философ-эзотерик и культуролог Ю. Эвола, указывая на распад морали в современном обществе, вновь обратился к обсуждению мира, где умер Бог. Философ исходил из известного постулата Фридриха Ницше: «Бог умер!»

Ф. Ницше указал на безумного человека, который кричал толпе: «Я ищу Бога!». Безумец вбежал в толпу и воскликнул: «Где Бог!.. *мы его убили* – вы и я! Мы все убийцы! <...> Бог умер! Бог не воскреснет» [18, с. 592–593]. В другом своём труде Ф. Ницше взял эпиграфом слова Заратустры: «Бог мертв; из-за сострадания своего к людям умер Бог» [19, с. 170].

Завороженный знаковым образом Ю. Эвола отрефлексировал знаменитый посыл Ф. Ницше: «Бог умер». Он сказал: «Самой точной формулой для символического описания того общего процесса, который привел к нынешней кризисной ситуации в области морали и мировоззрения, можно считать слова Ницше: “Бог умер”» [17, с. 29].

Борьба за
современного
человека

Опора для
современной морали
– авторитет разума

В мире, где умер бог
распадается мораль

В России своя
история
общественного
развития

Ю. Эвола апеллировал к Роберту Рейнингеру, который подметил, что сама личность Ф. Ницше и его творчество имеют символический характер: «Это борьба за современного человека; человека, который отныне не имеет корней в священной почве традиций, и в поисках самого себя колеблется между вершинами культуры и пропастями варварства, пытается найти смысл, который позволил бы оправдать существование, отныне полностью предоставленное самому себе»* [17, с. 29].

Безусловно: Ф. Ницше удалось предугадать наступление «европейского нигилизма» как будущего. Мораль, лишившаяся своей санкции более «не в силах устоять». Ю. Эвола в этом процессе усмотрел несколько стадий, которые привели к тому, что «отныне единственной опорой для морали, утратившей свою прежнюю зависимость от богословия и метафизики, стал авторитет разума, что, в частности, привело к появлению так называемой автономной морали. Это можно считать первым явлением, при помощи которого факт «смерти Бога» попытались скрыть от сознания» [17, с. 31].

Ю. Эвола стремится показать, что в мире, где умер бог развивается нигилизм, распадается мораль. На смену «потерянного поколения» приходит «поколение протеста». Философ упорно обсуждал проблему «что, собственно, в современном мире было и остается объектом кризиса» [17, с. 105].

И он объяснял: с социальной точки зрения этим объектом является буржуазное общество и цивилизация. Настоящая ситуация в обществе исключительно разрушительна и регрессивна, она формирует особый человеческий тип.

Эта картина списана Ю. Эволой с общества живущего в условиях обыденной жизни Европы (в частности – Италии) второй половины XX столетия. Излюбленная тема Ю. Эволы – примат действия над созерцанием: чтобы сохранить своё духовное «я» человек должен пытаться идти навстречу опасностям.

Что касается России, то у нас еще не сложился общественный класс собственников, который в европейских странах сформировался в середине века, став «третьим сословием» – господствующим классом собственников. В России своя история и свои особые катаклизмы. Но в России, как и в Европе, был период, когда «Бог умер» –

* Цитировано по Ю. Эвола [17, с. 29] См.: Robert Reininger. Nietzsche e il senso della vita. Volpe, – Roma, 1971.

революция 1917 года была направлена на то, чтобы «*построить новый мир*». Но, когда в России был Бог во главе угла каждой избы и каждых дворцов, часовен, храмов, тяжкие преступления происходили с неизбежной повторяемостью.

Однако теперь, что бы ни происходило с государствами Европы и СССР, всех объединяет движение в сторону распада сложившихся прежде тенденций, подерживающих самосознание народов. Вслед за этой тенденцией очевидно ослабляются узы нравственного самоконтроля современного человека. Количество преступлений нарастает... В то же время люди вновь обращаются к Богу.

Движение от
безверия к вере

В нашем российском обществе нарастало число смертных казней, затем они заменились пожизненным осуждением для мужчин.

Что касается веры в Бога когда-то осужденных на смертную казнь, а ныне вот уже около двадцати лет находящихся в тюрьмах в условиях строгой изоляции, то здесь можно наблюдать движение их духа от безверия к вере и надежде.

Они начинали от цинизма и безверия. Однако в узлах в условиях длительного проживания в строгой изоляции они колеблются от надежды до черных провалов, от возникающей вдруг веры до безверия.

В начале тюремная философия была определена страшноватым слоганом: «*Не верь. Не бойся. Не проси*». Этот слоган – особое мифотворчество субъектов особой среды, истари сосуществующей с нормативным сообществом. Опасные преступники настаивают вначале на том, что они бесстрашны, круты, экспрессивно и интеллектуально превосходят *лохов**.

Позже сознание и помыслы тех, кто сохраняет свою психику, начинают пробуждаться к иным горизонтам.

Реально те, кто обречен на длительное или пожизненное пребывание в узлах пребывают в сокрушении, неверии и вере... Они боятся... Провалы в духовное небытие, неверие и... надежда.

Надежда приходит и испаряется... Но вновь возникает надежда.

В.С. Мухина писала: «Надежда поддерживает жизнь души. Надежда перебрасывает мосты в будущее.

* *Лох, лах* – наивный, доверчивый человек, который предрасположен стать жертвой преступления [См.: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – М., 1992].

Сидящие в узах надеются на будущее, при этом они постоянно начинают обращаться к вере. Пословицы русского народа учат верить:

Вера спасает.

Вера животворит.

Вера и гору с места сдвинет» [5, с. 220]. Они демонстративно пафосны.

Они печальны и задумчивы. Они в помыслах тяготеют к изменению своего существования.

Пребывание под
прессингом
наказания

В.С. Мухина писала о том, что психические состояния находящихся в узах и позиция по отношению к настоящей и будущей жизни находятся под прессингом наказания – осуждения на пожизненное заключение. Динамика их состояний зависит от условий пребывания в строгом содержании: от надзирающих, от сокамерников, от содержания и задержки писем родителей, женщин, детей. Их состояния зависят от внутреннего течения душевной жизни. Они сензитивны к слову, к взгляду, к вниманию и к отсутствию внимания. Они тревожны.

Амбивалентные
состояния

Они то добры, великодушны и готовы действовать, то усталы и еле движутся. Они то впадают в состояние эйфории и готовы радоваться бытию, пребывая в хорошем состоянии духа, то впадают в состояние тревоги и уныния [5, с. 220–221].

В.С. Мухина писала о тех, кто плохо рефлексировал на себя и впадает в ханжество и фарисейство в «праведном» гневе указывая на преступника и стигматизируя его категоричными заявлениями: «Не человек!», «Хуже зверя!» [5, с. 472]. Эти персоны не видят себя: мы все не без греха, не без лицедейства, не без лукавства. Мы все несем в себе пути негативных личностных образований.

Самооценка
преступающих черты

Совершившие преступления говорили о себе спустя около десяти лет отбывания заключения на участке строгого режима:

«Я человек, который совершил тягчайшее преступление перед Богом и людьми».

«Я человек, но страшно грешный».

«Я человек».

«Я человек с живой душой».

Один сказал о себе: «Я не человек. Какой же я человек?» [5, с. 472].

Преступники
сохраняют в себе
чувство личности

Знаменательно, что большинство сохраняет в себе так называемое чувство личности – они чрезвычайно сензитивны к тому как к ним относятся в условиях общения за пределами нормативно-предписанного стиля общения охранников и социальных работников.

Вспомним, что Н.А. Бердяев писал о себе: «Слишком сильно у меня было чувство личности и чувство свободы» [20, с. 99]. Он делал акценты на пафосе личности. При этом философ тонко отразил состояние человека, когда он приходит к осознанию того, что он смертен. Н.А. Бердяев писал: «Человек с трудом выносит, что он в этом мире есть смертное существо и смертно всё, что в нём и с ним происходит <...> Трагическое чувство смерти связано с острым чувством личности, личной судьбы» (курсив наш, Авт.) [21, с. 433]. В тоже время философ писал, что с острым чувством личности связано и острое чувство зла.

Здесь следует указать, что после прожитых в узак многих тяжких лет, осужденные еще более настойчиво утверждают своё чувство личности, если только возникает возможность к подобным проявлениям. Работающая с пожизненно осужденными около 14 лет В.С. Мухина поддерживает стремление своих подопечных к самоуважению. Ведь чувство личности побуждает человека к развитию и укреплению *внутренней позиции*.

Чувство личности определяется внутренней позицией человека, его способностью к самостоянию, способностью быть личностью [2, с. 14]. Можно говорить о том, что в истории человечества развивалась идея такого значимого для всех нас, человеков, качества как «быть личностью» и идея такого значимого чувства как «чувство личности».

Мы исходим из того, что человек предстает перед другими и перед самим собой как личность, когда он включен в ситуацию, в которой он должен активно и свободно отстоять свою позицию [2, с. 498]. Однако в условиях пребывания строгого режима осужденные не имеют такой возможности. Они могут лишь мечтать о возвращении потерянной возможности утверждать себя в мире в качестве свободной и ответственной личности.

И хотя неопределенность перспективы жизни*, как полагают мыслители, разрушает внутренний статус и чувство личности, те осужденные пожизненно, которых поддерживают психологи и священники, и, которые сами поддерживают себя своими надеждами и упованием на Бога (в Которого они *начинают искренне верить*),

* Хотя люди осуждены на пожизненное заключение, они надеются на лучший исход – на освобождение и возможность жить в обычном мире обычных человеков.

Человек предстает как личность перед другими и собой

Когда приходит вера

Смирение
и послушание
укрепляют волю

находят в себе силы противостоять условиям существования, на которые они сами обрекли себя.

Смирение и послушание, необходимые для жизнеобеспечения в условиях строгой изоляции, укрепляют волю [5, с. 848].

Значение воли как качества личности высоко оценивали многие мыслители и практики. Так, К.Д. Ушинский придавал особое значение понятию «своя воля» [22, с. 68], различая его от понятия «своеволие» как имеющее «дурное нравственное значение» [22, с. 237].

Отбывающий наказание в тюрьме блестящий английский писатель, поэт и драматург, знаменитость своего и нашего времени – Оскар Уайльд создал своё знаменитое письмо-исповедь, адресованное лорду Альфреду Дугласу. Он писал своему возлюбленному: «Больше всего я виню себя за то, что из-за тебя я дошел до полного нравственного падения. Основа личности – сила воли, а моя воля целиком подчинилась твоей. Как бы нелепо это не звучало, все же это правда» [23, с. 16].

Сущностные
позитивные свойства
личности

Действительно: человек может оставаться личностью, если он открыл для себя свое представление о себе идеальном в этом мире, о себе среди других людей, о своих ценностных ориентациях. В этом отношении для позитивного развития личностных качеств чрезвычайно важно для человека быть ориентированным на добродетели, которые сформировались в процессе долгой истории человечества.

Добродетель – значимое для душевного бытия нравственное качество человека, которое имеет множество позитивных проявлений. Добродетель относят к высокой нравственности.

В русском языке существует достаточно большой перечень качеств человека с корнем «добро»: добродетельный, добродушный, доброжелательный, доброкачественный, добронравный, добропорядочный, добросердечный, добросовестный, доброхотный (проявляющий расположение) и мн. др.

В то же время человек в качестве личности должен обладать силой духа, что может проявляться в способности осуществлять свою волю к следованию своим ценностным ориентациям.

Добродетели
сосуществуют
наряду с пороками

Человечество в своей истории в отношении личностных качеств развивалось и продолжает развиваться в двух противоположных направлениях – в направлении движения к акме *добродетелей* и в направлении к бездне *порока*.

Добродетельные качества поднимают человека к высотам нравственности, ответственности за себя и других, развивают в нем тонкую рефлексию на сопереживание другому и идентификацию с ним.

Порочные качества опускают человека в бездну аморализма, удовольствия от своей порочности, самоутверждения через свои злодеяния, развития рефлексии для соблазнения другого и сокрушения его в ад порока, насилия и даже убийства.

Вариации значений
связанных
со словами «добро»
и «добродетель»

В русском языке существует множество вариантов значений связанных со словами «добро», «добродетель» и «пороки». Обратимся к интерпретации значений понятий «добро» и «добродетель» В. Далем.

Добродетель – доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла (отвлеченно: добро, доблесть, противоположное: зло лихо, худо, порок), благодеяние, благотворение.

Сопряженные со словом «добродетель» слова: *доброват*, жить в добре; *доброта* – добродушие, доброжелательство, склонность к добру, как качество человека; *добрость* – доброта и доброты; *добротность* – качество добротного, достоинство; *добряк*, *добрячка* – добрый человек, прямой, нехитрый, нескритый и доброжелательный; *добровольный* – произвольный, соизвольный, невынужденный, неизнужденный, по своей воле; *доброволить* – делать что по своей воле, давать на что вольное согласие; *доброевние* – благовоение, благовоновый; *доброевный* – приветливый, доброжелательный; *доброегласие* – благогласие, благозвучие (чистота и приятность голоса, напева или музыки); *доброедствие*, *доброедствие* – благоедствие, красная жизнь, *доброедствовать* – благоедствовать; *доброта* – благодетель, благодетель; *добротный*, *добротный* – добротный, добротный, кто помышляет о благе, о добре, у кого добрые помыслы; *добротный* – добротный, добротный, душевное расположение к добру, доброжелательство, готовность сочувствовать, жалостливость, мягкосердие; *доброта* – непорочная девица; *добротать* – добротать, удобрять или улучшать; *доброты* – доброты и полезные дела на общую пользу; *добротный* – доброты свойственный, с него согласный; *добротство* – делание добра, благотворение и еще бесконечное множество сопряженных слов с подобными, уточняющими и многообразными значениями и смыслами [24, с. 443–446].

Множественные значения и смыслы высоких проявлений человека

В Симфонии к синоидальному изданию Библии находятся указания на слова: добродетель, добродетельный, доброта, доброхотный, доброхотно и добрый [25]. Эти слова-понятия отражают множественные значения и смыслы высоких проявлений человека как во времена Ветхого, так и Нового Заветов. Так, второе соборное послание святого апостола Петра посвящено проблеме добродетели. Симон Петр обратился к братьям по вере: *«Благодать и мир вам да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего»*.

Как от Божественной силы Его даровано нам потребное для жизни и благочестия, через познание призвавшего нас славою и благостию,

Которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божественного естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью, –

То вы, прилагая к сему все старание, покажете в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность,

В рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие,

В благочестии братолюбие, братолюбии любовь» [2 Пет. 1:2–7].

Святой Апостол Павел в послании к филиппийцам обратился к братьям: *«Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том и помышляйте»* [Флп. 4:8].

Русскому словнику с его понятием добродетели предшествовали древние философы.

Русскому словнику, словарю живого великорусского языка, как и библейским текстам, во всяком случае текстам Нового Завета, предшествовали языки эллинов или сущностные понятия, которые вводились в философиями.

Проблема понимания сущности добродетели обсуждалась в лоне духовных поисков всех религий, была в центре размышлений древних философов и продолжает развиваться во все последующие эпохи по сей день.

(Продолжение следует)

1. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии: Изд. 2-е. – М., 1976. – С. 253–381.

2. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты.): 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.
3. Кон И.С. Открытие «Я». – М., 1978.
4. Хвостов А.А. Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты. – М., 2005.
5. Мухина В.С. Отчужденные: Абсолют отчуждения: 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
6. Юнг К.Г. Божественный ребенок: апокалиптическая психология и воспитание: Пер. с нем. – СПб.; М., 1997.
7. Бёрджесс Э. Заводной апельсин. Роман: Пер. с англ. – М., 1992. – С. 3–149.
8. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени: Пер. с нем. – М., 1993.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (Книги XI – XII. Эпilog): Полн. собр. соч. в 30-и т. – Т.15. – Л., 1976.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (Книги I – X): Полн. собр. соч. в 30-и т. – Т.14. – Л., 1976.
11. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философы стучат молотом: Соч. в 2-х т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 556–630.
12. Басюк В.С. О готовности девиантных подростков общаться с пожизненно осужденными // Развитие личности. 2012. – № 1. – С. 226–235.
13. Басюк В.С. Попытка к диалогу: девиантные подростки общаются с пожизненно осужденными // Развитие личности. 2012. – № 3. – С. 217–230.
14. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). – М., 1966. – С. 39–44.
15. Кутапш И.Л. Виктимология (victimology) // Психологическая энциклопедия: 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. – М.; СПб. И др. 2003. – С. 76.
16. Мудрик А.В. Личность как жертва социализации // Общение в процессе воспитания. Учебное пособие. – М., 2001 – С. 47–58.
17. Эвола Ю. Оседлать тигра. – СПб., 2005.
18. Ницше Ф. Веселая наука // Соч. в 2-х т. – Т.1. – М., 1990. – С. 491–719.
19. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2-х т. – Т. 2 – М., 1990. – С. 5–237.
20. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М., 1990.
21. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М., 2011.

22. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. – Ч. 2. – М., 2002.

23. Уайльд О. De profundis (Тюремная исповедь): Пер. с англ. – СПб., 2007.

24. Даль В. Добро, доброжелательство, добродетель // Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. А – З. – М., 1981.

25. Симфония к синодальному изданию Библии. – Корнталь; Стокгольм, 1995.

Рефлексия на себя и других

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

СИНДРОМ СИЗИФА

*Но не духовное прежде, а душевное,
потом духовное.*

1 Кор. 15:46

*Только внимательность ума
может укротить страсти.*

Св. Ефрем Сирианин

Человеку свойственно обособляться и отчуждаться не только от природы и рукотворного предметного мира, не только от культурных реалий образно-знаковых систем и реалий социально-нормативного пространства, но и от других людей – далеких и близких.

Отчуждение может выступать как позитивный механизм самоопределения и формирования внутренней позиции. Отчуждение может выступать и как механизм, продуцирующий не только негативные свойства – ярость, цинизм и хамство, мошенничество и плутовство, насилие, ложь, предательство, но и мотивацию деструктивных целей, рождающуюся от прилогов и навязчивых помыслов и приводящую подчас к преступлению.

Проблема отчуждения – одна из центральных в философии, психологии и других отраслях знаний, заинтересованных в познании личностной сущности человека. Но проблема отчуждения – это также насущная проблема бытийных человеков в их обыденной жизни. Безусловно, каждый отдельный человек остается замкнутым на самом себе. Мы полагаем, что замкнутость человека на обособленности своих чувств может нести в себе не только позитивный потенциал душевно-духовной жизни, но и потенциал темных, низких страстей, ведущих к крайнему отчуждению.

Отчуждение – механизм производства особых качеств человека в социальных условиях его бытия, объясняющих присвоение отдельным индивидом неких присущих ему свойств, заимствованных из недр сложившихся в истории человечества потенциалов всесторонней человеческой сущности.

Отчуждение отдельного человека от других в своих асоциальных проявлениях может иметь бесконечное разнообразие вероятных негативных, опасных для окружающих и агрессивных по своей сути выпадов одного человека против другого.

Мы обсуждали такие проявления тяжелых асоциальных форм отчуждения, как ярость, цинизм, хамство, мошенничество, плутовство, насилие, убийство, ложь, предательство и др.

У нас не было задачи обсудить как можно больше из реально существующих в человеческой культуре пороков – нам было важно указать на безусловные корреляционные связи между ними.

Корреляция человеческих личностных качеств имеет сущностно проявляющиеся взаимосвязи: одни позитивные личностные качества в высоком своем выражении тяготеют к другим позитивным личностным качествам; одни негативные личностные качества в крайнем своем выражении тяготеют к другим негативным личностным качествам. Однако не все так однозначно: существует общечеловеческий феномен синкретической корреляции позитивных и негативных личностных качеств. При недостаточной способности к рефлексии на себя отдельный человек не всегда в состоянии различить в себе негативные проявления. Если же эти его особенности были обнаружены и осуждены (общественным мнением или статьей закона), то человек обычно пытается найти себе оправдание.

Мы делали акценты на застревании человека на аффектах своих агрессивных проявлений: на формирующейся у яростных зверской бесчувственности; на цинизме и хамстве, соединенных с наглостью и беззастенчивостью; на лени и холодном равнодушии, которые блокируют нравственный потенциал человека; на мошенничестве, плутовстве, насилии и убийствах, которые обольщают своих носителей обманном чувством свободы воли и зловещим очарованием насилия; на предательстве лежцов и завистников; на нравственном уродстве всех тех, кто привычно проявляет свою готовность к крайнему отчуждению от других.

Все обсуждаемые нами негативные качества суть результаты исторического развития человеческого рода. Мы их назвали пороком культуры и пороком каждого конкретного человека. Повторимся в утверждении идеи, значимой для понимания феномена человеческой сущности: *нельзя игнорировать перипетию истории развития диапазона человеческих сущностных качеств.* Цивилизация поглощает человека своими значимыми достижениями и своими закономерными сдвоями.

Ретроспективный взгляд на человеческую историю дает нам основание считать, что негативные личностные качества, так же как и позитивные личностные качества, будут неизменно сопутствовать каждому новому поколению из рода в род, во все последующие времена.

На уровне индивидуального сознания и внутренней позиции личности отдельный человек в состоянии вести духовную брань со своими сущностными общечеловеческими недостатками – то поддаваясь их натиску, то ситуативно побеждая их проявления.

Вспомним притчу из первых веков христианства, изложенную Святителем Игнатием (Брянчаниновым): «Брат сказал авве Сисюю: авва! что делать мне? я пал. Старец отвечал: встань. Брат сказал: я встал, и опять пал. Старец отвечал: снова встань. Брат: доколе же вставать и падать? Старец: до кончины твоей». Весьма значительный, проникновенный совет.

И еще: «Авва Иосиф спросил авву Сисюю: в какое пространство времени человек может искоренить свои страсти? Старец сказал: ты хочешь знать о времени (о годах)? Да, отвечал Иосиф. Старец сказал ему: в то время, в которое восстанет какая-либо страсть, искореняй ее».

Вначале мы открыли для себя, что каждый человек может вести в себе духовную брань со своими негативными страстями – другого пути восхождения к духовному акме нет. Постигая значение многих притч древних христиан долговременной мученической работой ума и сердца, мы открыли для себя их сущностный смысл и приняли их сущностную мудрость и справедливость...

В мифологии древних есть отнюдь не абсурдный герой. Его имя – Сизиф, царь Коринфа. Согласно мифологии древних греков, он был рабом своих страстей и разнузданных похотей. Сизиф был рабом своих страстей и разнузданных похотений. Никто в Древней Греции не мог сравниться с ним по коварству, хитрости и изворотливости ума. Мифология рисует Сизифа хитрым стяжателем, попирающим законы богов и людей. Он совершал незаконные набеги на Аттику, нападал на путников и убивал их, придавливая огромным камнем.

За свои преступления Сизиф был наказан богами в Аиде: он должен был вкатывать в гору тяжелый камень, который, достигая вершины, срывался вниз. Сизиф был вынужден пытаться вновь возвращаться и вкатывать камень в гору.

Мы можем говорить о синдроме Сизифа и об архетипическом образе человека, вынужденного постоянно преодолевать себя.

А. Камю в своем «Мифе о Сизифе» сотворил образ этого мифического персонажа: «Сизиф, возвращаясь к своему камню, созерцает череду бессвязных действий, которая и стала его судьбой, сотворенной им самим...» Через этот образ философ утверждал идею судьбы и свободы...

Сизиф предстает в нашем восприятии как архетип узника, принужденного жить в условиях вечного заключения. Подобно Сизифу, каждый человек в критические для него моменты жизни может тащить мраморную глыбу своих негативных проявлений из года в год... до самого конца.

Человек, вынужденно возвращаясь к своим темным личностным качествам, имеет возможность рефлексировать на самого себя, ужасаться черной составляющей своей душевной сути и пытаться восходить к духовному потенциалу своей личности.

Вопреки всему человек подчас вынужден жить в заданных условиях. Несвобода от условий может обернуться в самосознании человека в свободу выбора в существующих обстоятельствах. Несмотря на сущностную обреченность, человек как личность может – и должен – субъек-

тивно свободно восходить к вершинам своего духа во веки веков. Человек обречен падать – и, вставая, снова и снова восходить символически к вершинам духовного акме.

Если Сизиф во веки веков остается во мраке адской зависимости, то каждый обыденный человек имеет шансы разорвать путы страстей и других пороков и свободно прорываться сквозь шлейфы негативных образований, сложившихся в истории человечества, преодолевая в себе общечеловеческие слабости.

Правда и ложь Великого идеополя общественного самосознания

Валерия Мухина

НАУКА: УЧЕНЫЕ, ФАЛЬСИФИКАТОРЫ И ПЛАГИАТОРЫ*

Аннотация. Обсуждаются: обязательные личностные качества, которые содействуют успеху ученого в познании; значение воссоединения научного творчества и моральных ценностей. Рассматриваются: глубинные позиции мыслителей относительно теории; проблемы поиска истины и невольные фальсификации; преемственность идей и их заимствования; сознательные фальсификации и плагиат.

Ключевые слова: научная теория; научное мировоззрение; Великое идеополе общественного самосознания; творчество; социально-этические проблемы науки; научное творчество и моральные ценности; преемственность; заимствования; квазиученые: фальсификаторы; плагиаторы; компиляторы.

Abstract. Obligatory personal qualities contributed to scientist's success in cognition and the meaning of reunification of scientific activity and moral values are discussed. Profound attitudes of thinkers in regard to theory, search for truth's problem and unintentional falsifications are considered. Continuity of ideas and its borrowing, conscious falsification and plagiarism are argued.

Keywords: scientific theory, scientific world outlook, Great ideofield of social self-consciousness, creativity, socio-ethical problems of science, scientific activity and moral values, continuity, borrowing, quasi-scientists falsifiers, plagiarists, compilers.

* Окончание. Начало см.: Мухина В.С. Наука: Ученые, фальсификаторы и плагиаторы // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 162–183.

3. Преемственность и заимствования в их позитивном продвижении

*Человек есть мыслящее существо
и есть всеобщее...*

Г.В.Ф. Гегель

Любая научная
работа исходит
из убеждения
в познаваемости
мира

Наука как составная часть духовной культуры человечества предъявляет особые требования к предмету исследования и к ученым – высококвалифицированным специалистам, преследующим духовные цели. Размышляя о значении науки, А. Эйнштейн писал: «Нет сомнения в том, что любая научная работа, за исключением работы, совершенно не требующей вмешательства разума, исходит из твердого убеждения... в рациональности и познаваемости мира» [1, с. 173]. Ученые в поисках истины могут идти напролом, работать дено и ношно, забывая о своих естественных потребностях. Однако число истинно преданных науке ученых не столь уж значительно, как это может представиться обыденному сознанию.

Храм науки –
строение
многосложное

А. Эйнштейн выражал уверенность: «Храм науки – строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворения честолюбия. Можно найти в храме и других: плоды своих мыслей они приносят в жертву исключительно в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел в храм и изгнал тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм бы катастрофически опустел. Но все-таки кое-кто из людей как прошлого, так и нашего времени в нем бы остался» [1, с. 167]. Безусловно солидаризируясь с мнением А. Эйнштейна относительно различных категорий людей, пребывающих в науке, следует согласиться и с тем, что значительная часть (возможно даже наибольшая) этих людей в истории человечества принимала и продолжает принимать участие в построении храма науки. Справедливо писал А.Эйнштейн о том, что реально этих людей удовлетворяет любая арена человеческой деятельности: «станут ли они инженерами, офицерами, коммерсантами или учеными – это зависит от внешних обстоятельств» [1, с. 167].

Феноменология
научной теории

Следующая проблема науки – подлинная феноменология научной теории. Согласно выдающемуся философу и логике XX века Карлу Попперу, «научные теории представляют собой *подлинные предположения* – высокоинформативные догадки относительно мира, которые хотя и не верифицируемы (то есть нельзя показать, что они истинны), но могут быть подвергнуты строгим критическим проверкам. Они являются серьезными попытками обнаружить истину» [2, с. 194].

Сущность
предположений,
истины и реальности

В своих исследованиях К. Поппер неизменно обращался к обсуждению сущности предположений, истины и реальности. При этом философ истово погружался в обсуждение проблем теории научного знания. Он считал, что «если теория проверяема, то отсюда следует, что события определенного рода не могут происходить, поэтому она нечто утверждает относительно реальности <...>».

Теории – это наши собственные изобретения, наши собственные идеи. Они не навязываются нам извне, а представляют собой созданные нами инструменты нашего мышления» [2, с. 197–198]. При этом философ выражал уверенность в том, что в открытии новых миров наш интеллект торжествует над нашим чувственным опытом.

К. Поппер полагал, «что мы живем в мире, в котором нам надо постоянно проверять и постоянно взвешивать не только наши научные утверждения, но и наши моральные позиции» [3, с. 78]. Обсуждая идеи научных проблем и псевдопроблем (псевдоутверждений), ученый многократно обращался к проблеме *верификации** [3, с. 119].

Истина и
фальсификация

К. Поппер в своей классической работе по философии, посвященной объективному знанию, подвел итоги всех предшествующих исследований. Он обсуждал роль понятия «истина» в философии, идеи критического рационализма и правдоподобности научных теорий, а также особенности фальсификационизма.

Согласно К. Попперу, фальсификационизм является проявлением эмпиризма, сводящего научное познание к фиксации эмпирически данного, что способно снимать противоречия в процессе сложного и многоступенчатого совершенствования и развития гипотез и теорий. Фальсифицировать – значит возможность осуществления фальсификации как нормативной методологической процедуры. Речь идет об интеллектуальном действе – проверке заявленной идеи эмпирическим путем.

* *Верификация* [лат. *verus* истинный + *facere* делать] – проверка истинности теоретических положений, установление достоверности опытным путем.

Возможность
изменения
устоявшихся
мнений

Философ ратовал за поиск истины, за новые научные проблемы и теории. Он писал, что «для теоретика такая новая теория будет ценна не только из-за её успеха и из-за того, что она, возможно, истинна, а еще и из-за того, что она, возможно, ложна: она интересна как объект для дальнейших испытаний, то есть новых попыток опровержения, которые в случае успеха не только установят новое отрицание теории, но и поставят новую теоретическую проблему для следующей теории» [4, с. 24]. Цель науки – «наткнуться на истинную теорию» [4, с. 25].

К. Поппер настаивал на том, что даже сформированные утверждения могут и (должны!) быть доступны критике: «Так, даже “устоявшееся” мнение изменяется, когда его формулируют, и снова изменяется после того, как его сформулируют... здесь имеется целый спектр возможностей – от фанатического принятия, стремящегося подавить все сомнения и колебания, до пробного принятия, с готовностью в любой момент пересмотреть и переменить свои взгляды и даже, может быть, с активным поиском опровержений» [4, с. 35].

К. Поппер постоянно повторял: «В науке мы ищем истину» [4, с. 74]. При этом он предупреждал о возможных фальсификациях, которые нуждаются в научно обоснованных опровержениях. Нефальсифицируемыми, согласно К. Попперу, являются такие положения, которые компетентными специалистами признаются настолько обоснованными, что в дальнейшем проверка не требуется.

Поиск объективного
знания

Путь К. Поппера к пониманию значения поиска объективного знания – путь истинного мыслителя, заинтересованного в теории познания, основанной на здравом смысле [4, с. 81]. Философ совершенно справедливо полагал, что теория познания по своей сути всегда остается субъективистской. Однако, следует заметить, что постепенно эта теория может стать объективным научным постулатом или раствориться в анналах текущего времени: многое зависит от интереса последователей.

Фальсификации, созданные фанатическими устремлениями к истине, затмевающими способность к научной рефлексии и опровержениям выстроенных теорий, – следствие ошибок искренних исследователей и увлеченных квазиидеями так называемых теоретиков. Но страстные исследователи и теоретики, если они действительно ищут истину, в состоянии прийти к ней и начать активно искать опровержения своим субъективным положениям, выдвинутому в качестве истинных.

В науку
устремляются
и фальсификаторы
её идей

Другое дело фальсификация с корыстью.

К сожалению, в науку устремляются не только искренне заблуждающиеся, но и такие люди, которые готовы подрывать её цели и устои, фальсифицируя идеи и понятия, похищая их у других. В этом случае приходится говорить о *фальсификациях* в науке.

Фальсификация [лат. falsificare – подделывать] в обыденном сознании – подделывание, искажение, сознательная подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым; изменение с корыстной целью содержания (смысла) текста или его интерпретации. Фальсификация требует опровержений.

Фальсификация довольно распространенное явление, связанное с искажением значений и смыслов первоисточника с целью придать веса своим авторским огусам.

Я неоднократно обращала внимание на фальсифицирование идей и мыслей, которые преподносились аудитории вполне образованными преподавателями на лекциях. К примеру, они ссылались на известных ученых, приводили «их мысли», которых реально те никогда не высказывали. Ничем как демонстрацией своей квазиосведомленности и тщеславием я не могла объяснить такие поступки коллег.

Условия,
провоцирующие
фальсификацию
в науке

В моем опыте работы с начинающими исследователями в сфере психологии я нередко наблюдаю, когда фальсификация проявляется в условиях попытки интерпретации ключевых идей из сферы философии и психологии. Философам и ученым подчас приписываются те идеи и те понятия, которые реально отсутствуют в их трудах. Происходит ли это из-за слабой способности к научной рефлексии или по мотивам создания впечатления о наполненности предтечами темы избранного исследования – сказать сложно. Но у меня нет сомнений относительно того, что сам горе-исследователь знает, что он специально фальсифицирует чужие тексты.

Фальсификация
как способ
опровержения
научного
утверждения

В философии фальсификация может выступать как способ опровержения (установлении ложности) научного утверждения посредством его эмпирической проверки. Возможность выявления условий осуществления фальсификации как нормативной методологической процедуры названа *фальсифицируемостью*. Это понятие ввел в философию науки К. Поппер в связи с формулировкой так называемого *принципа фальсифицируемости*.

В методологии науки процедура фальсификации рассматривается в рамках гипотетико-дедуктивного метода, когда логический вывод непосредственно эмпирически проверяемых следствий из предполагаемой

гипотезы, выходящей за пределы эмпирически данного, служит основанием для определения или опровержения этой гипотезы [5, с. 159].

Согласно В.С. Швыреву, примитивный фальсификационизм (как и конкурирующий с ним в философии науки неопозитивизма верификационизм) является проявлением эмпиризма, сводящего научное познание к фиксации чувственно, эмпирически данного и игнорирующего своеобразие концептуально-теоретического мышления [5, с. 159].

Указывать здесь имена и фамилии тех, кто проявлял слабость и прибегал к фальсификации, не буду: иных уж нет, иные еще желтороты; надеюсь, что, набравшись жизненного и научного опыта, они не станут подменять подлинное ложным.

Займствовани

В контексте обсуждаемых значимых проблем важно обсудить значение еще одного понятия – заимствование. *Займствование* – то, что заимствовано, перенято.

Можно говорить о таких разных формах заимствования, как постыдные и достойные заимствования.

Постыдные
займствования

Л.Н. Толстой, обсуждая вопрос о том, «что такое искусство?», писал о том, что «художники, для того чтоб удовлетворить требованиям людей высших классов, должны были выработать такие приемы, посредством которых они могли бы производить предметы, подобные искусству. И приемы эти выработались.

Приемы эти следующие: 1 – заимствование, 2 – подражательность, 3 – паразитичность и 4 – занимательность» [6, с. 139].

Выражу свою солидарность с Л.Н. Толстым. Действительно, для того, чтобы удовлетворить требованиям общества, те, кто приписывает себя к кругу художников, писателей или ученых, нередко готовы использовать приемы, описанные проницательным писателем.

Л.Н. Толстой писал о своевольных, недостойных заимствованиях из известных произведений искусства или даже о заимствовании целых сюжетов, которые переделывают, чтобы они выглядели чем-то новым. Если это делают глупые и неталантливые люди, то сразу видно в чем дело. Но *«когда за такие заимствования берутся люди начитанные и талантливые»*, то те заимствования «принимаются публикой за произведения искусства...» [6, с. 140–141]. То же можно сказать и о бездарных и талантливых заимствованиях в науке*.

* О других, поучительных для людей, приемах уподобления искусству или науке мы здесь говорить не будем.

Достойные
заимствования

В контексте нашего обсуждения, речь идет о постыдном заимствовании.

Однако, следует специально указать, что заимствование – дело амбивалентное.

Известно, что Н.В. Гоголь заимствовал сюжет «Мертвых душ», предложенный А.С. Пушкиным. И.С. Тургенев и Ги де Мопассан по взаимному согласию и интересу заимствовали сюжеты своих произведений друг у друга, но у каждого из них был собственный художественный стиль и свои вариации единого сюжета. Упомянутые мной заимствования – открытые способы присвоения, перенятия лежащих в Великом идеополе общественного сознания идей и образов, сформулированных и искренне предложенных авторитетными и щедрыми гениями другим гениям.

По поводу заимствования (преемственности) И.П. Эккерман в «Разговорах Гете в последние годы его жизни» привел следующую мысль И. Гете: «В искусстве едва ли не главенствующую роль играет преемственность. Когда видишь большого мастера, обнаруживаешь, что он использовал лучшие черты своих предшественников и что именно это сделало его великим. Такой художник, как Рафаэль, из земли не растет. Его искусство зиждилось на античности, на лучших творениях прошлого. Ежели бы он не использовал преимуществ своего времени, о нем не стоило бы и говорить» [7, (от 4 января 1827)].

Нельзя не согласиться с мнением И. Гете относительно значения предтеч прошлого. О значении опыта прошлого писали многие художники, поэты, писатели, философы и ученые.

Авторское
творчество
и предшественники

Л.С. Выготский также писал о значении преемственности: «писатель, закрепляющий письменный продукт своего творчества, отнюдь не является индивидуальным творцом своего произведения. Пушкин отнюдь не единоличный автор своей поэмы. Он, как и всякий писатель, не изобрел сам способа писать стихами, рифмовать, строить сюжет определенным образом и т.п., но, как и сказитель былины, оказался только распорядителем огромного наследства литературной традиции, в громадной степени зависимым от развития языка, стихотворной техники, традиционных сюжетов, тем, образов, приёмов, композиции и т.п.

Если бы мы захотели расцесть, что в каждом литературном произведении создано самим автором и что получено им в готовом виде от литературной традиции, мы очень часто, почти всегда, нашли бы, что на долю личного авторского творчества следует отнести только

выбор тех или иных элементов, их комбинацию, варьирование в известных пределах общепринятых шаблонов, перенесение одних традиционных элементов в другие системы т.п.» [8, с. 18].

Возможность
ошибок в суждениях
о значении предтеч

Я полагаю, что здесь Л.С. Выготский, высказавшийся в столь категорической форме о гении Александра Сергеевича Пушкина, исходя из значимости идеи преемственности опыта человечества, явно погорячился. Значение опыта поколений и богатства обретенных знаний безусловно. Безусловный потенциал знаний, образов и идей, сформировавших сферы Великого идеополя общественного сознания, дается людям не только образованным и мыслящим, но и *талантливым*, готовым продуцировать принципиально новые образы и идеи [9]. Творческая личность самоактуализируется через погружение в избранную сферу деятельности. Она обладает многими качествами делающими человека гением: выраженной цельностью, внутренней свободой, готовностью к поиску новых образов и идей, к риску, и, конечно, чувством ответственности за избранный путь.

Александр Сергеевич Пушкин был безусловным гением... Великий А.С. Пушкин исходил из предшествующих и индивидуально рожденных образов, но имел талант особенного созерцания, видения и мышления. Он одарил Россию высоким вдохновенным чувством языка. Он одарил нас новым звучанием слов и их глубинными значениями и смыслами.

Всякое новое
откровение имеет
предтечи

Безусловно, не только художники и поэты вырастают из преемственности образов и идей заполняющих сферы Великого идеополя общественного самосознания. Всякое откровение в искусствах, философии и науках имеет предтечи. Всякое откровение по сути своей несет в себе шлейфы образов и идей, рожденных великими предшественниками.

Так, Платон писал о *многозначности человека*, о двойственности его натуры: звероподобной и человеческой (вернее божественной) [10, с. 385]. В то же время Аристотель настойчиво повторял: «Человек по природе существо общественное» [11, с. 63]; «Человек – общественное существо и жизнь сообща прирождена ему» [11, с. 259]. Идеи о многозначности человека и о его общественной сущности не ушли в анналы истории, а сохранились на все последующие времена и стали развиваться мыслителями, обретая всё новые обоснования и интерпретации. Однако можно допустить, что у Платона и Аристотеля могли быть предшественники – философы, которые наставляли их в юные лета.

Возможность
проследить
преемственность
идей

Безусловно, можно проследить преемственность идеи о двойственности природы человека и о его общественной сущности от Платона и Аристотеля по сей день. Я остановлюсь лишь на некоторых идеях, получивших сущностное развитие в философии и социальных науках.

Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом последующие мыслители развивали и продолжают развивать заимствованные и сформулированные ими заново идеи относительно общественной сущности человека, которые вошли в методологические основания социальных наук как значимые положения.

Исходя из положения Аристотеля об общественной сущности человека и из собственного видения феномена человека, К. Маркс писал: «... сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [12, с. 3]. И далее речь шла о том, что каждое новое поколение «... застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически сложившееся отношение людей к природе и друг к другу <...>, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие...» [13, с. 37]. К. Маркс настаивал, что человеческие отношения включены в исторический контекст: «... история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, но определяется ею» [13, с. 440].

Чувства и мышление
общественного
человека

И далее К. Маркс продолжал обсуждать идеи преемственности человеческой сущности: «... *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, – короче говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы» [14, с. 122].

Что касается человеческого мышления, то Ф. Энгельс задавался вопросом: «Суверенно ли человеческое мышление?... Есть ли это мышление отдельного единичного человека?» И философ отвечал: «Нет. Но оно (мышление, В.М.) существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей.

Следовательно, если я говорю, что это обобщаемое в моём представлении мышление всех этих людей, включая и будущих, *суверенно*, то есть что оно в состоянии познать существующий мир, поскольку человечество будет существовать достаточно долго и поскольку в самих органах и объектах познания не представлены границы этому познанию, — то я высказываю нечто довольно банальное и к тому же довольно бесплодное. Ибо самым ценным результатом подобного высказывания было бы лишь то, что оно настроило бы нас крайне недоверчиво к нашему нынешнему познанию, так как мы, по всей вероятности, находимся еще почти в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять нас, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь, относясь к ним сплэш и рядом свысока» [15, с. 87].

В наше время мы можем обратиться к любому мыслителю, пришедшему к новому этапу откровений в науках. Так как мне ближе всего откровения, связанные с познанием феноменологии человека как личности, то я преданно обращаюсь к ближайшей истории открытий в психологии.

Исходя из положений предтеч философского видения феноменологической сущности человека, можно продолжить отслеживание развития идей об исторической природе человечества.

Так, отдавая должное чувству удивления и восхищения идеями Льва Семеновича Выготского относительно истории развития высших психических функций* человека, мы можем найти соответствующие его времени предтечи, которые сподвигли движение его научного гения к провидению феноменальных особенностей персоны современного человека как результата исторического развития человеческого рода.

Сам Л.С. Выготский весьма добросовестно изыскивал в трудах как философов (прежде всего К. Маркса и Ф. Энгельса), так и выдающегося мыслителя и физиолога, лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова, те идеи, которые побуждали его мышление к проникновению в сущностную феноменологию высших психических функций.

Л.С. Выготский исходил из социальной природы человека и обращался в этой связи к суждениям К. Маркса [16, с. 112] и Ф. Энгельса [16, с. 114].

* Выготский Л.С. (1896–1934) завершил свой труд «История развития высших психических функций» в 1931 г. Работа была опубликована в 1960 г.

Иден об
исторической
природе человека

Необходимость
поиска
продуктивных идей
в арсеналах
предшественников

Изменение
человеком в своей
истории своей
собственной
природы

К. Маркс писал о том, что для человеческого приспособления значимо активное изменение *природы человеком*. Согласно К. Марксу, воздействуя на природу и изменяя её, человек «в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [17, с. 188]*.

Ф. Энгельс, поддерживая мнение своего единомышленника, полагал: «Как естествознание, так и философия, до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение *природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу» [18, с. 545]**.

В своем капитальном труде «Развитие высших психических функций» Л.С. Выготский тщательным образом анализировал философов, идеи которых легли в основу отечественной психологии.

Выделение человека
из ряда животных

Л.С. Выготский обращался также и к идеям И.П. Павлова [16, с. 110–111], который писал о том, что «основная и самая общая деятельность больших полушарий есть сигнальная, с бесчисленным количеством сигналов и с переменной сигнализацией» [19, с. 30].

И.П. Павлов размышлял о том, что высшая нервная деятельность «поражающе резко выделяет человека из ряда животных» и «неизмеримо высоко ставит человека над всем животным миром» [19, с. 414].

Грандиозная
сигналистика речи

И.П. Павлов отводит особое значение слову. Он писал: «Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обуславливают эти раздражения» [19, с. 429]. Аппелируя к этому положению И.П. Павлова, Л.С. Выготский продолжил размышления о том, что человек создал «сигнализационный аппарат, систему искусственных условных стимулов, с помощью которых он создает любые искусствен-

* Цитировано по работе Л.С. Выготского «Развитие высших психических функций» – М., 1960. См.: – С. 112 [Маркс К., Капитал, Т.1. – М.: Госполитиздат, 1950, – С. 184];

** Там же. – С. 114 [Энгельс Ф., Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1955. – С.183].

ные связи... Если вслед за Павловым сравнивать кору больших полушарий с грандиозной сигнализационной доской, то можно сказать, что человек создал *ключ* к этой доске – грандиозную сигналистику речи, – с помощью которого он извне овладевает деятельностью коры и господствует над поведением» [16, с. 115].

Далее Л.С. Выготский писал, что «психологическое развитие человека шло в филогенезе и идет в онтогенезе не только по линии совершенствования и усложнения самой грандиозной сигнализационной доски, то есть структуры и функций нервного аппарата, но и по линии выработки и приобретения соответствующей грандиозной сигналистики речи, являющейся ключом к этой доске» [16, с. 115].

Согласно пониманию Л.С. Выготского, здесь «возникают психологические связи нового типа внутри одной и той же системы поведения». Этот переход от социального воздействия вне личности, к социальному воздействию внутри личности Л.С. Выготский поставил в центр своего исследования и попытался «выяснить важнейшие моменты, из которых складывается процесс подобного перехода» [16, с. 116]. Таким образом, психолог последовательно подходил к идее о социальном воздействии на других с помощью знаков.

В этой связи нельзя опустить глубокую включенность Л.С. Выготского в идею Люсьена Леви-Брюля о социальной реальности, базирующейся на совокупности коллективных представлений*. Психолог тщательно изучал идеи Л. Леви-Брюля и обсуждал их в своих работах о развитии высших психических функций.

Известно, что Л. Леви-Брюль писал о коллективных представлениях, что они «могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов, они не зависят в своём бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от индивидов, составляющих социальную группу, а потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного

* *Леви-Брюль Л.* (1857–1939) – французский философ-позитивист, социолог и этнограф, автор работ «Первобытное мышление» (1922); «Первобытная душа» (1928); «Сверхъестественное и природа первобытного мышления» (1931) и др.

Психологические
связи нового типа

Социальная
реальность,
базирующаяся на
коллективных
представлениях

Человека следует определять исходя из человечества

только рассмотрения индивида как такового. Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, – тем не менее несомненная социальная реальность, базирующаяся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждому из этих личностей, он предшествует ей и переживает её» [20, с. 9].

Далее Л. Леви-Брюль обратил наше внимание на знаменитую формулу Огюста Конта, которую тот ясно выразил в своём «Курсе позитивной философии»*: «Его знаменитая формула, согласно которой “не человечество следует определять, исходя из человека, а напротив, человека – исходя из человечества”, означает, что *высшие умственные функции* остаются непонятыми, если ограничиться изучением отдельной личности» (курсив мой, В.М.) [20, с. 11].

Здесь значимо для понимания поступательного развития научного постижения сущности феномена человека выделение понятия *высшие умственные функции*. Это понятие, возможно, стало предтечей понятия Л.С. Выготского *высшие психические функции*. В рассматриваемой нами ретроспективе можно увидеть глубинную преемственность и значимость последовательно развивающейся идеи.

Продуктивные заимствования – предтечи новых идей

В своей работе «Этюды по истории поведения» Л.С. Выготский и А.Р. Лурия подтвердили готовность признать идеи Л. Леви-Брюля о значении коллективных представлений, возникающих в результате социальной жизни какого-нибудь народа. Ученые писали: «Они являются общими для всех членов данной группы. Здесь они передаются из поколения в поколение. Они передаются индивиду часто уже в сложившемся виде, а не вырабатываются в нем. Они ему предшествуют и переживают его, подобно тому, как и язык имеет такое социальное, независящее от отдельного индивида существование.

Таким образом, меняется основная точка зрения на самый вопрос. Говоря словами Конта, Леви-Брюль пытается не человечество определить по человеку, но, напротив, человека по человечеству <...> самую психологию индивида он пытается объяснить из характера коллективных представлений, возникающих в этих группах, и из типа или структуры того общества, в котором эти люди живут» [21, с. 61–62].

* *Конт Огюст* (1798–1857) – французский философ, основатель позитивизма и социологии. Основной труд – «Курс позитивной философии» в 6 томах. На русский язык работа переведена под названием «Курс положительной философии» с 5-го французского издания, – Т.1–2 1900–1901.

«Кто имеет уши
слышать,
да слышит»

Последующие мыслители, заимствуя ключевые идеи своих предшественников, свободно и достоверно развивали их через своё внутреннее видение. Конечно, можно было бы еще более скрупулезно исследовать истоки идей, питающих колоссальные прорывы гения Льва Семеновича Выготского.

Прорастание заимствований идей предтеч сущностно сопряжено с притчей о сеятеле и семени [Лк. 8:5–15]. Здесь нельзя не сказать: «Кто имеет уши слышать, да слышит»!

Можно было бы и далее рассматривать известные философии и наукам случаи преемственности и заимствования, которые стали кристаллом, продуцирующим развитие новых идей. Однако мы преследуем иные цели. Обратимся к проблеме фальсификации и плагиата в науке.

4. Фальсификаторы и плагиаторы – квазиученые и квазиличности*

*Учителям неприлично преподавать
наставления, выписанные из сочинений
других.*

Преподобный Иоанн Лествичник

*Тщеславие должно испариться
и превратиться в ничто...*

Г.В.Ф. Гегель

*Совесть – чувство духа человеческого,
тонкое, светлое, различающее добро
от зла.*

Святитель Игнатий Брянчанинов

Эта часть моего труда требует иной тональности...

Фальсификация, плагиат и компиляция занимают особое место в сфере науки.

Фальсификации, как мы об этом уже писали выше, – это подмена чего-либо подлинного ложным, изменение подлинного с корыстной целью, чаще всего под влиянием мотивов гордыни и тщеславия**.

Плагиат [лат. plagio – похищаю] – присвоение, воспроизведение чужого текста или его части под своим

Согласно значениям
русского языка,
фальсификации,
плагиат
и компиляции, –
просто воровство

* В этой части моего труда я использовала рефлексии моих коллег на факты плагиата, опубликованные ранее, а так же материалы, специально предоставленные мне для иллюстрации столь распространенной ныне проблемы нарушения авторских прав.

** В контексте данного обсуждения мы уходим от введенного в науку К. Поппером понимания фальсификации как интеллектуального действия в поисках истины.

именем или псевдонимом, а также изложение чужих трудов без ссылки на них. Плагиат чаще всего осуществляется под влиянием мотивов притязания на признание и затаенного тщеславия.

В науке и литературе используют еще одно понятие, отражающее собой тот же смысл происходящего, что и плагиат, – компиляция.

Компиляция [лат. *compilatio* – ограбление] – это составление текста путем присвоения чужих результатов умственного труда или фрагментов чужих произведений без самостоятельной интеллектуальной проработки чужих идей и их обсуждения, без ссылок на авторов.

Принципы
вхождения в науку

На нашем факультете педагогики и психологии МПГУ я обсуждаю со студентами и магистрантами принципы вхождения в науку всех тех, кто избрал для себя деятельность ученого-исследователя, а также преподавателя вуза.

В лекционном курсе «Феноменология развития и бытия личности» и на методологическом семинаре «Методология проблемы развития и бытия личности» я обсуждаю с обучающимися такие принципы, как Fair Play (игра по правилам); антифальсификация; антиплагиат; антикоррупция.

Законы этики
профессионала
ученого

Мы обсуждаем со студентами и магистрантами законы этики профессионала ученого. Профессионал не позволяет себе воровство чужого труда ни в каком виде. Начиная вступать в науку не должны допускать фальсификации и плагиата. Они не имеют права беззастенчиво использовать чужие работы, скачивая научные тексты из интернета и презентуя их как результаты своих интеллектуальных усилий.

Поскольку российские университеты должны занимать значимые места в рейтингах мировых университетов, мы обсуждаем закон об образовании и государственную программу «Развитие образования на период с 2013 по 2020 год»; права обучающихся на самостоятельный путь в науке; фальсификации как подмену утвердившейся идеи или теории ложными постулатами, положения о сущности плагиата и компиляции.

Суетность тщеславия
и необходимость
значения
содержания

Здесь следует вспомнить мысль Георга Вильгельма Фридриха Гегеля относительно суетности тщеславия. Он писал: «Тщеславие должно испариться и превратиться в ничто, когда для человека становится необходимостью существенное содержание, когда он дошел до того, что лишь такое содержание имеет для него значение» [22, с. 80].

Мышление как
всеобщая субстанция
духовного

Отречение от возможного присутствия в себе тщеславия фиксирует внимание ученого на абсолюте мышления. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, «Мышление составляет не только субстанцию внешних вещей, но также и всеобщую субстанцию духовного. Во всяком человеческом созерцании имеется мышление. Мышление есть также всеобщее во всех представлениях, воспоминаниях и вообще в каждой духовной деятельности... Все они представляют собой дальнейшие спецификации мышления» [22, с. 122]. И далее философ заключил: «Человек есть мыслящее существо... лишь постольку, поскольку для него *существует* всеобщее» [22, с. 122].

Истинный ученый стремится к познанию сущности всеобщего и ему не приходит на ум порочное компилирование чужих текстов.

Не тот вор, кто
ворует, а тот кто...

В.И. Даль собрал пословицы, посвященные мошенничеству, воровству и грабежу [23, с. 222–229]. Приведу некоторые из них, пригодные к нашему случаю: «Легко воровать, да тяжело отвечать»; «И вор богу молится, да черт молитву его перехватывает»; «Раз украл, а всё вором стал (или: а на век вором стал)».

Меня пронзила пословица: «*Не тот вор, кто ворует, а тот, кто ворами потакает*» [23, с. 228]. Именно эта пословица, записанная замечательным В.И. Далем, укрепила меня в решении писать о проблемах фальсификации, плагиата и компиляции. Я – человек склонный к прощению, в том числе и неблагоприятных поступков: мол Бог им судья... Опыт народной мудрости должен укрепить мой сердце.

Осторожно: плагиат

О плагиате пишут в нашем отечестве давно. Похищение чужих текстов практикуется повсеместно.

Начну с конца XX столетия.

Михаил Юрьевич Кондратьев (ученик Артура Владимировича Петровского) в 1995 году написал в журнале «Вопросы психологии» о поразившем его сознание и нравственное чувство открытии безнравственного плагиата из текстов многих известных психологов.

Обращаю внимание читателя на историю похищения текстов внутри единого сообщества. М.Ю. Кондратьев писал: «...С каким нетерпением я, узнав о готовящемся в Ростове-на-Дону выходе нового учебника по общей психологии (см.: *Рогов Е.И., Скрипкина Т.П. Общая психология: Курс лекций для первой ступени педагогического образования. Ремонтное: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1995. 464 с.*), ожидал появления этой книги. Не знаю, многим ли уже удалось ознакомиться с ней и какие чувства испытали те, кто имел возможность хотя бы просмо-

треть это объемное издание. Что касается меня, то, прочитав указанный курс лекций, я понял, что не отреагировать на прочитанное, и именно письменно, не могу. Причин тому по меньшей мере две.

Прежде всего я, мягко говоря, с удивлением обнаружил, что являюсь рецензентом этой книги – именно так указано на ее титульном листе. В то же время я не только не писал какой бы то ни было рецензии на рукопись «Общей психологии», авторами которой являются Е.И. Рогов и Т.П. Скрипкина, но и не читал и даже не видел этой работы до выхода ее в свет. Но, наверное, если бы дело ограничилось только этим, я бы не стал обращаться в «Вопросы психологии», и инцидент был бы исчерпан частным разговором с авторами, с которыми мы уже долгие годы лично знакомы. Но, к сожалению, на фоне второго обстоятельства, в конечном счете и заставившего меня написать этот материал, приписывание мне авторства несуществующей рецензии выглядело невинной вольностью, малозначительным отступлением от моральных норм.

Научное воровство
в особо крупных
размерах

Речь идет об откровенном, потрясающем своей беззастенчивостью плагиате, по сути дела, о научном воровстве «в особо крупных размерах». Конечно, принципиальной разницы между списанной одной единственной фразой и присвоением многостраничной главы нет. И в том, и в другом случае «состав преступления» один и тот же – факт плагиата налицо. И все же размах впечатляет! При самом поверхностном, по существу «диагональном» прочтении текста рассматриваемого курса лекций мною обнаружено более 60 случаев прямого списывания из учебника для педвузов «Общая психология» (см.: Общая психология: Учеб. для студентов пед. ин-тов / Под ред. А.В. Петровского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 464 с.). При этом авторы «нового» лекционного курса осуществили «сквозное» использование текста учебника, а проще говоря, списали практически у всех задействованных в нем ученых – у В.П. Зинченко, П.И. Зинченко, Т.П. Зинченко, Л.Б. Ительсона, А.В. Петровского, Г.С. Середы, М.Г. Ярошевского.

К сожалению, я, не будучи специалистом по проблеме темперамента, воображения, мышления, развития психики, не смог определить, какие именно труды и каких конкретно авторов использовали Е.И. Рогов и Т.П. Скрипкина при написании соответствующих разделов «своей» книги. В то же время на то, что и в данном случае возможен плагиат, указывает, во-первых, явная стилистическая разнородность посвященных

этим вопросам лекций, а во-вторых, тот факт, что помимо учебника под редакцией А.В. Петровского источником прямого заимствования оказался и учебник для университетов "Социальная психология" Г.М. Андреевой, вышедший в 1981 г.

Фальсификация
как дезинформация

И еще на одном моменте хотелось бы остановиться. Понятно, что сделанною мною "открытие" заставило меня более пристально, чем раньше, присмотреться к научному творчеству авторов курса лекций "Общая психология". Возможно, в сегодняшней неразберихе и полном развале библиотечного дела мои поиски и не увенчались бы успехом, если бы не "посыпавшиеся" на меня претензии целого ряда коллег, сетовавших на то, что я являюсь консультантом книги Е.И. Рогова "Настольная книга практического психолога в образовании" (М.: ВЛАДОС, 1995. 529 с.), в которой десятки методик опубликованы без согласия их создателей.

Спешу сообщить, что и к этой книге я не имею ни малейшего отношения, и хочу предупредить своих коллег: проверьте, не стали ли вы жертвой научной нечистоплотности.

М.Ю. Кондратьев

23 октября 1995 г., Москва» [24, с. 154].

Без труда и усилий

В том же журнале «Вопросы психологии» через некоторое время находим рефлексии другого достойного психолога на беззастенчивые кражи и фальсификации.

Борис Сергеевич Братусь взял на себя труд проанализировать некое учебное пособие (см. Столяренко Л.Д. Основы психологии: Учебн. пособие: Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996). Анализируя сей опус, Б.С. Братусь писал: «Книга распадается на две, почти равные по объему части – научную и практическую. Последняя обозначена как приложения, но это вполне самостоятельная и даже во многом преобладающая по смыслу часть. Так, автор отнюдь не настаивает на том, чтобы читатель начал свое знакомство с научного, теоретического раздела, но при этом выражает надежду, что путь изучения предлагаемых психологических тестов и упражнений «приведет вдумчивого человека к осознанию необходимости знакомства с теоретической частью книги» (с. 4). Автор как бы извиняется перед читателем за науку, пытаясь заранее оправдать всю скуку и ограниченность ее теорий и типологий <...> Предисловие заканчивается словами: «И тем не менее без научных типологий не обойтись. Они нужны потому, что все-таки помогают как-то прогнозировать человека,

Беззастенчивые
фальсификация и
плагиат

помогают мыслить, пока мы помним об их искусственности и условности» (с. 5).

Далее следуют главы, кратко излагающие историю возникновения психологии, психологию познавательных процессов, сознания, формирования и развития мышления, памяти, воображения, личности, то есть то, что традиционно относится к общей психологии. К этому добавляются главы по социальной психологии, по психологии труда и по педагогической психологии. Надо отдать должное бойкому перу автора. Он излагает материал легко и свободно. Последнее заключается и в произвольности выбора тем, и в отсутствии сквозной теоретической позиции, и в свободе обращения с чужими идеями, доходящей до прямого плагиата, причем часто какого-то безлопастного, искажающего, уплощающего подлинный источник. Так, в разделе о воле приводится упрощенная схема типологии переживаний, соотношения внутреннего и внешних миров, принадлежащая Ф.Е. Василюку (с. 72), однако без упоминания его фамилии и без соответствующего указания источника в списке литературы в конце главы. На с. 88–90 легко узнать определение личности, принадлежащее А.Г. Асмолову, но опять же – ни фамилии, ни литературы. На с. 181 дан вариант самооценки по С.Я. Рубинштейн без упоминания автора методики и т.п. В этом славном ряду нашлось место и мне грешному: на с. 108–109 излагается моя типология личности, также упрощенная, не к месту приткнутая (в параграф о психологии юношеского возраста), небрежно списанная: эсхатологический слой* обозначен бессмысленным наименованием "эстохалический", смысловые уровни – "уровни отношений" и т.п. И опять – ни намека на автора типологии, отсутствие соответствующего литературного источника в конце главы.

Неряшливый
и торопливый
плагиат

Думаю, что этот неряшливый, торопливый плагиат отнюдь не случаен, он вытекает из общего отношения к науке как к чему-то скучному и серому, но пока что остающемуся все же необходимым, поэтому изложим как можно быстрее и веселее, а где что-то непонятно, запутано, трудно выговаривается, – спрямим, упростим, чтобы не утомить читателя. И не так важно поэтому, кто и что в этой науке придумал, кто и над чем бился и старался, – смело бери и черпай, что

* Эсхатология [гр. – eschatos] – религиозное учение о «конце света», входящее сущностной частью во многие религии.

на потребу, пусть будут довольны, что хоть чем-то смогли пригодиться. Главное – побыстрее к практике, к применению, к пользе, к тому, что поможет в «карьере, бизнесе, вопросах здоровья» <...>.

Далее рецензент сего квазитруда анализировал квазинаучные представления беззастенчивого автора второй части учебного пособия, которая посвящена практическому овладению психологией. Было бы очень смешно исследовать этот недобросовестный текст, если бы не было так оскорбительно стыдно за те советы, которые предлагал горе-психолог.

Б.С. Братусь, владея слогом, умно и смешно осветил те моменты рассуждений и советов Столяренко Л.Д., которые вызвали у профессионального психолога обиду «за психологию, представленную в столь балаганном виде».

Резюмируя свое изложение содержания торопливого текста пособия, Б.С. Братусь завершает свою отповедь следующим образом: «Но я бы не стал писать эту рецензию на случайно попавшуюся в руки книгу, если бы не одно обстоятельство. Действительно – мало ли какая нынче литература выходит, почему бы и не потешить обывателя, не дать ему ощущения, что вот так, запросто можно овладеть психологией. Но дело в том, что на титуле сего творения черным по белому стоит: «Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений». И это второе издание, а впереди, наверное, грядет третье и четвертое. А вот это уже не смешно и даже не забавно. Официально, с согласия и ведома весьма почтенных рецензентов издания (профессоров А.И. Галактионова, Б.Б. Косова, П.Н. Ермакова) предлагается знакомить студентов высших учебных заведений с психологией по такому пособию, прививать им такое отношение к науке, к трудам ученых, да и к практике, которая в реальности вовсе не столь проста и плоска.

Прошу поэтому рассматривать данную публикацию как открытое обращение с требованием пересмотра решения Госкомитета и снятия грифа учебного пособия с книги Столяренко Л.Д. как не соответствующей уровню, содержанию и смыслу вузовского образования в России. Дело здесь, конечно, не в самих по себе санкциях, дело в принципе, в том, уважаем ли мы науку, которой призваны служить, и прививаем ли это отношение тем людям, которые впервые входят в ее область. Кстати, если ныне принято так уж во всем огляды-

Обидно за психологию, представленную в столь балаганном виде

Если бы на титуле сего творения не стояло «Рекомендовано Государственным комитетом РФ»

Уважаем ли мы науку, которой призваны служить?

ваться на Америку, то укажем, что в последнее время «американские авторы избегают называть свои работы учебником и предназначают их для широкого круга читателей» (Вопросы психологии 1998. № 1. С. 63). Вот и книге Столяренко Л.Д. пусть дадут подзаголовок «психология без труда и усилий» – «как стать психологом, мастером психодиагностики и психотерапии за две недели» и т.п. Тогда и оснований для подобного рода рецензий в серьезном психологическом журнале просто не будет» [25, с. 117–119].

Единожды укравший – вор навек

Прозорливо и честно обсуждая беззастенчивые плагиаты иных «соратников по цеху», профессиональные психологи тем самым дали не только отповедь конкретным плагиаторам и фальсификаторам, но безусловно имели намерение предупредить других представителей сообщества, что красть и искажать тексты предшественников – дело постыдное.

Единожды укравший – вор на века. Немцы в этом случае говорят: «Ни разу значит ни разу – один раз, все равно, что много раз». Мне в моем детстве сказала эту пословицу одна женщина-полиглот, образованный и умный человек (японист Ирина Львовна Иоффе). Я поняла смысл и усвоила его навсегда.

Я испытываю чувство глубокой признательности моим коллегам, взявшим на себя столь непростую миссию – уличить воров в воровстве. Здесь можно было бы и успокоиться: в сообществе задан бой плагиаторам и фальсификаторам.

Но закончился XX век, начался XXI век... Плагиат и фальсификация продолжают своё существование. Как инфекция или плесень, эти пороки проникают в сознание и поступки тех, кто стремится утвердить свои амбиции.

Соблазн похищения из сферы смежных дисциплин

В Пятигорском государственном лингвистическом университете в 2005 году проходили «Университетские чтения», где Николаенко И.Н. должна была сделать доклад на тему «Традиционные игры – элемент культурной традиции казаков». Текст этого доклада во многих своих частях напомнил мне что-то когда-то читанное и когда-то слышанное... И я все-таки вспомнила тексты автореферата кандидатской диссертации по психологии Анны Викторовны Черной «Универсальное и этническое в психологическом содержании традиционных игр Дона» (1999г., Москва).

Я была оппонентом у этого соискателя, так как давно и глубоко интересуюсь ментальными особенностями этносов мира и групп, которые стремятся к выде-

Из психологии –
в философию

лению себя в качестве этносов. Большие фрагменты из автореферата А.В. Черной оказались заимствованными слово в слово в означенной статье Николаенко И.Н.

Спустя два года этот квазиавтор – Николаенко И.Н. защитила диссертацию «Культурные традиции казачества в поликультурном пространстве» (Место защиты: Ставропольский гос. университет, г. Пятигорск, 2007), с чем сообщество философов, очевидно, должно было бы поздравить сего ученого.

Как вы чувствуете себя, ученый, кандидат философских наук? Как Вам можется? Как величают Вас Ваши коллеги?

Другое беспардонное заимствование по горячим следам было совершено Басенковой Л.В. из автореферата теперь уже докторской диссертации по психологии А.В. Черной «Развитие личности в контексте традиций игровой культуры». Я была научным консультантом этой работы. Защита состоялась в Москве, в 2007 г.

Из психологии –
в культурологию

Басенкова Л.В. в своем автореферате на соискание ученой степени кандидата культурологи «Детские игры в современном социокультурном пространстве России (к вопросу развития и сохранения традиций)» списала (согласно А.В. Черной) дословно около одной пятой текста ее работы. Количество списанного текста нивелируется качеством искаженных смыслов источника. А.В. Черная анализировала в своей работе сущностные реалии (как условие развития человека) в контексте разрабатываемой ею проблемы.

Дубль два:
неряшливый,
торопливый
и искажающий
сущностные идеи
плагиат

Прав был Б.С. Братусь, который определил рецензируемую им работу как «неряшливый и торопливый плагиат». Меня раздосадовало бездумное заимствование отдельных словосочетаний, которые утерали под влиянием невежественного списывания инициативным автором исходные теоретические позиции одного психолога и их последующего развития в контексте направления исследования другого психолога – А.В. Черной, которая, указывая на методологические основы исследования, обращалась к концепции феноменологии бытия и развития личности «согласно которой истина о человеке как личности может быть объективно раскрыта через выявление взаимосвязи культурных условий (реальностей предметного, природного, образно-знакового, социально-нормативного миров)…» [26, с. 4–5]. Автор указала, что в теоретическом аспекте исследования она исходила из всех внешних реалий «в качестве формата, задающего логику теоретической реконструкции условий развития личности в контексте тра-

дий игровой культуры» [26, с. 5]. Плагиатор Николенко И.Н. искажала смыслы *бездумно и торопливо* переписываемых ею текстов.

Ученым нельзя стать тому, кто лишен нравственного стержня

Я постоянно убеждаю учащуюся молодежь в том, что психологом нельзя стать без хорошего образования. Следует изучать не только психологию как область знания, но и другие науки, заинтересованные в понимании феномена человека. Следует также постигать поэзию, литературу, изобразительные искусства и музыку. Чем более нам даются образы, идеи и системные знания из сфер Великого идеополя общественного самосознания, тем выше мы поднимаемся в своем духовном развитии. Однако я обнаружила, что смежные науки дают повод некоторым людям, притязаящим на ученые степени, надежды, что они в этом случае не будут уличены в краже.

Психологом (как и ученым вообще) нельзя стать, если человек лишен нравственного стержня.

Бесконечный поток украденных текстов

О краже своих материалов мне говорили многие коллеги. Они предлагали мне тексты гореплагиаторов.

В 1997 году кафедрой методологии методики преподавания музыки МПГУ был выпущен комплект программ. В этом наборе была опубликована и авторская программа ныне доктора педагогических наук – Аллы Владимировны Тороповой «Музыкальная психология и психология музыкального образования».

Спустя восемь лет А.В. Торопова обнаружила прямой плагиат, совершенный Овсянниковой О.А., в содержании программы «Рабочая учебная программа». (Эта программа была утверждена на заседании кафедры, протоколом №3 от 22.11.2007). Программа была заявлена на сайте Тюменского гос. университета.

Оказалось, что названный «труд» на 70–80% содержит текст авторской программы А.В. Тороповой, в которой обсуждались принципиально новые идеи. Сама А.В. Торопова рассказала: «Госпожа Овсянникова включила в («свою») программу все подряд, в том числе и список литературы». При этом сея госпожа после её разоблачения звонила А.В. Тороповой и беззастенчиво уверяла, что «это совпадение». Вот так дела творятся в сообществе преподавателей.

Частный случай на фоне общего «копипаста»

Другая моя коллега – Наталия Георгиевна Осухова подготовила специально для этой статьи свой материал под названием «Частный случай на фоне общего копипаста».

Привожу ее авторский текст полностью: «*Бурное распространение интернета привело к тому, что появилось множество способов почти автоматически*

скопировать и в течении одной-двух минут без изменений вставить в собственный текст чужих материалов. Не потому ли психологический и психотерапевтический плагиат стал явлением чрезвычайно распространенным.

Помню, как в уже далеком 2003 г. забрела на достаточно известный питерский психолого-педагогический сайт, наткнулась на статью по своей проблеме, открыла и с первых же строк узнала этот текст. Это было дословное воспроизведение фрагмента моей статьи, двумя годами раньше опубликованной на многостраничной вкладке популярной газеты-“толстушки” “Школьный психолог” [27].

По наивности я отправила мейл “хозяйке” сайта Хоменко Н. И даже ответ получила. Ответ, смысл которого лучше всего выразит просторечное: “Какие мелочи! Не берите себе в голову...”. Странно, но мне стало ... стыдно. По-видимому, именно из-за этого жгучего стыда я хорошо усвоила урок: обращаться к “хозяевам” различных изданий с аргументированным свидетельством о плагиате и просьбой, если не восстановить имя подлинного автора, то хотя бы снять “украденный текст” со страниц сайта – это “неприлично”. Кстати, недавно открыла сайт “Inter-pedagogika.ru” и убедилась: минуло десять лет, а текст и поныне там. Мой текст, но по-прежнему под фамилией “Зайцева”* <...>

Увы, я не одинока. Многие из коллег, горячо осуждая в кулуарах похитителей интеллектуальной собственности, предпочитают не высказываться в печати. По-видимому, исходят из принципа, что научное сообщество – это своего рода республика ученых, которая выше публичного осуждения людей, использующих плагиат. Или – закрытая организация, которая молчаливо решает свои внутренние вопросы (борется против нарушения норм науки, используя внутренние инструменты сдерживания, наказания и поощрения), но не посвящает в свою борьбу посторонних.

Может ли научное сообщество бороться с плагиатом? В 2004 г. на портале Auditorium.ru состоялась виртуальная дискуссия “Плагиат: оборотная сторона модернизации или вечная проблема науки?” Дискуссия

* Зайцева Е.С. Психологическое сопровождение // Формирование профессиональной культуры будущего специалиста. Материалы X студенческой научной конференции и V международных педагогических чтений. – Архангельск, 2003. URL www.inter-pedagogika.ru

Обсуждение
в кулуарах
похитителей
интеллектуальной
собственности

началась с письма д.ист.н., ведущего н.с. Института российской истории РАН, лауреата Государственной премии РФ, действительного члена Академии военных наук Елены Сенявской в редакцию журнала "Отечественная история", посвященного проблеме интеллектуального воровства. Она рассказала о конкретном случае плагиата, когда преподаватели различных вузов разобрали на "запчасти" её статьи [28].

Научное сообщество
должно знать своих
героев

Научная общественность должна знать своих "героев": доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной истории России Челябинского государственного университета Игорь Нарский, продолжая тему, начатую Е. Сенявской, заметил: хотя "искусство компиляции – одна из профессиональных добродетелей представителей интеллектуальных профессий", уважающие себя члены научного цеха должны ясно осознавать и публично демонстрировать источники происхождения заимствованных плодов чужого труда: "Иначе научный рынок теряет прозрачность, приобретая черты барахолки, специализирующейся на скупке краденого" [29].

Инициатор плагиата

Материалы этой дискуссии стали для меня своего рода разрешением на рассказ о частном случае плагиата. Инициатор плагиата – неплохой московский практический психолог Шадур А.* (выделяю его фамилию жирным курсивом, ибо он заслужил того, чтобы получить широкую известность). Заслужил тем, что в одной статье "скопипастил"*** тексты не одного, а трех авторов, с каждым из которых он знаком лично и связан человеческими отношениями.

Из моих текстов Шадур А.Ф. выбрал статью, в которой я рассказала о собственной работе с родителями детей, переживших трагический опыт заложничества***. Этот текст так понравился Шадуре А.Ф., что он умудрился скопировать его практически полностью (включая все приводимые мной цитаты и сно-

* Шадур А. Требования к специалистам, оказывающим экспресс-психологическую помощь людям, пережившим трагедию// Помощь детям, подросткам и молодежи, переживающим кризисные жизненные ситуации: методический сборник. – Ижевск, 2007. – С. 17–30. URL www.nn.ru/.../10457531-pomos-detjm_podrostkam_i_molodezi_pere

** Копи́на́ст (от англ. *copy* – из многих значений – снимать копию, копировать; *paste* – множественное число значений, в том числе – вклеивать, вставлять) – словечко, возникшее в интернете. Обозначает любую информацию, которая была скопирована.

*** Осухова Н. Частный случай на фоне общей трагедии// Школьный психолог. – 2005. – № 17.

ски), что заняло шесть с половиной страниц его тринадцатистраничной статьи. Редактированием он себя не утруждал: мой текст сокращен всего на 60 строчек, кое-где исчезли признаки "женского рода" да имя мамы подростка-заложника бесланской школы заменено безлично-терапевтическим "клиентка". Однако в неприкосновенности сохранены все названия подразделов статьи <...>

Шадура Александр
вполне достоин
места в Книге
рекордов Гиннеса

Думаю, Шадура А.Ф. вполне достоин места в Книге рекордов Гиннеса, как персона, сумевшая на 13 страницах дословно (или близко к этому) списать тексты как минимум трех представителей одной научной школы (я имею в виду научную школу академика В.С. Мухиной). Принадлежит именно к этой научной школе, я свободно смогла определить, какие именно идеи самой В.С. Мухиной и какую статью А.С. Обухова конкретно использовал автор). Правда, тексты самой главы школы Шадура А.Ф. не потрудился прочитать в подлиннике (сложновато, наверное, оказалось?) ...».

На этом рефлексии пострадавшей от плагиата Н.Г. Осуховой прерываются.

Требования к
специалистам
оказывающим
помощь
пережившим
трагедию... когда
мир раскалывается

Некоторое время тому назад мои коллеги передали мне отпечаток статьи Шадуры Александра* (есть еще Андрей Шадура – брат сего gentlemana).

Взяв в руки сей текст, я обнаружила, что его первые 7–8 страниц списаны в большей своей части из статьи моего ученика (со студенческой скамьи) и коллеги – кандидата психологических наук, докторанта Алексея Обухова. На всех этапах поступательного развития Алексея я была его научным руководителем.

Статья «Когда мир раскалывается на жизнь и смерть»** в 2004 вызвала у меня несказанно сложные чувства... Вынуждена рассказать все по порядку.

Предыстория

1 сентября 2004 и в последующие дни Россия и остальной мир следили с тревогой за тем, что происходило в школе №1 в городе Беслане в Северной Осетии. Я в тот день с ужасом увидела по TV репортаж из Беслана.

Первая мысль: «Надо срочно ехать туда!». Через короткое время уже в ночи позвонил председатель Рос-

* См.: Шадура А. «Требования к специалистам, оказывающим экспресс-психологическую помощь людям, пережившим трагедию». Помощь детям, подросткам и молодежи, пережившим кризисные жизненные ситуации: методический сборник. – Ижевск, 2007. – С. 17–30.

** Обухов А. Когда мир раскалывается на жизнь и смерть... Психологическая экспресс-помощь детям Беслана. Народное образование, – №9, 2004. – С. 183–201.

сийского детского фонда Альберт Анатольевич Лиханов: «Едете?» «Да!» «Завтра!» «Нет послезавтра. Надо предупредить и собрать команду и закупить стимульный материал, необходимый к этому случаю. Я уже продумала, что нам нужно. Кто от фонда поедет со мной в детский мир?» <...> Мы обо всем договорились.

Через два дня команда психологов прибыла во Владикавказ, где мы тотчас же начали работать с малыми детьми и школьниками всех возрастов, которых доставили в больницу из Беслана. Врачи, медсестры и массажисты с готовностью помогали нам – психологам.

Вечерами, когда мы покидали больницу, по моей инициативе я читала лекции, проводила беседы, консультировала психологов Владикавказа и общалась с родителями, дети которых пострадали на территории школы №1 Беслана.

Ежевечерне собиралась довольно большая группа заинтересованных в обретении опыта работы оказания экспресс-помощи жертвам экстремальных событий. Психологи моей команды всегда могли присутствовать на лекциях (мероприятие было для них делом добровольным). Никто из них никогда не избегал этой вечерней работы. Реально вечерние сборы имели своей целью: преподнести систематизированный материал работы в экстремальных ситуациях; осмыслить события прожитого дня (наши успехи, откровения и огорчения); обсудить стратегии (общий план проведения нашей работы) и тактики (способы, приемы и средства) как способы построения единой линии организации нашей деятельности.

Я должна была здесь сказать о стиле работы моей группы психологов для того, чтобы было ясно то, о чем я вынуждена говорить в контексте задуманной мной статьи о фальсификаторах и плагиаторах.

В нашей рабочей группе был и мой ученик Алеша. Я всегда говорю о нем как о способном человеке. (Некоторые его способности неизменно восхищают меня). Алеша прилежно посещал вечерние лекции.

По возвращению в Москву Алексей весьма оперативно (он вообще быстрый!) опубликовал материалы моих лекций и бесед под своей фамилией в журнале «Народное образование», главный редактор которого Алексей Кушнир – тоже мой ученик, кандидат психологических наук. Когда я прочла статью, то испытала чувство смятения: он достаточно точно изложил содержание моих лекций. Я испытала шок от поступка моего Алеши... В опубликованной статье Алексей, правда, ссылаясь на В.С. Мухину, но о многом говорил и от своего лица.

Вечерние бдения
психологов
Владикавказа

У всякого плута свои
расчеты

«Но, Алеша! Ведь подобный опыт ты получал первый раз в своей жизни. И некоторые знания, как откровения, ты захотел присвоить! Ты писал: «Зная о ситуации, актуализирующей до предела проблему воды, мы взяли с собой куклу, которую можно было поить, а потом сажать на горшок». Но это я знала о ситуации в Беслане. Ты, мой дорогой, не знал ситуации, а если бы знал, то так быстро не сообразил бы что в этой связи можно было бы предпринять... Кукол было две, но этого ты тоже не знал, так как с этими куклами ты не работал. Ты занимался совсем другими делами.

Умный человек
не обязан плутовать

«Я не могу понять тебя, Алеша, ведь ты способный человек. И я к тебе отношусь сердечно. Разве что, спросить у Вл. Даля отчего он написал: «Умный человек не может не плутовать»? Но ведь плут – ловкий обманщик, мошенник, нечестный человек [30, с. 130] Не верю, что если умный, то обязательно плут».

Через некоторое время Алеша несколько смущаясь вручил мне экземпляр того злополучного журнала. Позже я нашла случай, чтобы сказать Алеше лично, что я об этом обо всем думаю. Когда-то я сделала нам подарок – мы с Алексеем стали членами союза журналистов.

Испытывая чувство неловкости, я все-таки сказала Алексею, что огорчена его поступком. Во-первых, я его неизменно люблю и мне больно быть свидетелем его недостойных проявлений. Во-вторых, если он действует как журналист, то он должен был бы просить моего согласия дать интервью. В-третьих, если он выступил как психолог, то он просто плут: опубликовал результаты долговременно обретаемого мной в экстремальных ситуациях опыт. На этот счет у меня есть свои планы.

Я испытываю
чувство неловкости

Я говорила, испытывая неловкость за Алешу и за себя (Что я делаю не так? Что позволило моему ученику так поступать?). На моих суждениях и переживаниях все как-будто и закончилось... Меня смущало предчувствие: а что, если кто-то перепишет и провозгласит теперь уже от своего имени страницы из статьи подписанной Алексеем?

И вот не прошло и трех лет как объявился новый плут – Шадура Александр. Он списал слово в слово из опуса Алексея многие страницы... Шадура Александр родной брат еще одного моего ученика – Андрея Шадуры, кандидата психологических наук. Если бы не произошло столь непристойного события, я бы воздержалась поднимать эту муть со дна житейской реки под невыносимо стыдным названием «плагиат».

«Алеша! Видишь как неприлично вышло: меня благодаря тебе так постыдно дважды обокрали (или обобрали?)».

Я полагаюсь на Бога, который все видит... Но тогда как же народная поговорка: «Не тот вор, кто ворует, а тот кто ворам потакает»?

Отчего так погано на душе?

Что касается моего Алеша, то здесь следует сказать: мы не единожды обсуждали сей инцидент. Алексей понял мои переживания и раскаялся в своем бездумном, спонтанном и поспешном поступке.

Для нас обоих случившееся – теперь важный опыт, который должен быть ориентиром в дальнейшей жизни и профессии.

«Алеша! Я люблю тебя неизменно».

Воровство – феномен нашей человеческой истории

Вообще же, если говорить о воровстве, то это феномен нашей человеческой истории. Воровство, как таковое, осуждается и карается, но неизменно сопровождает человека во все времена.

Воровство вещей (даже мусорных!), идей, просто чужих пустых текстов – нередкий человеческий нравственный недуг. Пойманные воры вещей и денежных купюр обычно подвергаются суду и, осужденные, отсидивают свой срок в зонах.

Уличенные плагиаторы и фальсификаторы – осуждаются изобличающим словом, чаще заочно, реже напрямую. Многие авторы, обнаружив плагиат, не знают как выразить своё возмущение и оскорбленное чувство самоуважения. Нередко эти униженные и оскорбленные стараются отодвинуть подальше от себя сие происшествие.

А те плагиаторы, кто крал? Какие чувства они испытывают совершив столь высоконравственный подвиг? Есть, конечно, природно безнравственные субъекты. Их не поправить. Но есть те, кто знает о порочности своего поступка. Возможно им даже неловко и стыдно. Вот для таких стыдящихся хочу привести притчу приведенную епископом Игнатием Брянчаниновым:

«Брат сказал авве Сисою: авва! Что делать мне? Я пал. Старец отвечал: встань. Брат сказал: я встал, и опять пал. Старец отвечал: снова встань. Брат: доколе же мне вставать и падать? Старец: до кончины твоей» [31, с. 324].

Главное, чтобы покаяние было искренним, а мышление в сфере науки – безусловной потребностью тех, кто притязает на глубокое погружение в познание. Полагаю, что входящие в сферы науки должны с благо-

говением пámятовать о значительной мысли Г.В.Ф. Гегеля: «Мышление составляет не только субстанцию внешних вещей, но так же и всеобщую субстанцию духовного» [22, с. 122].

В контексте обсуждаемой проблемы можно сказать: воровство составляет не только субстанцию поступков человека в мире вещей и в мире идей, но также и всеобщую субстанцию аморализма.

1. Альберт Эйнштейн о науке // Развитие личности. – №2. – 2011. – С. 167–181.
2. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. – М., 2004.
3. *Поппер К.Р.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия: Пер. с англ. – М., 2008.
4. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход: Пер. с англ. – М., 2002.
5. *Швырев В.С.* Фальсификация // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. – Т. 4. – М., 2010. – С. 159.
6. *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Статьи об искусстве и литературе: Собр. соч. в 20-ти т. – Т. 15. – М., 1964. – С. 44–231.
7. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни: Пер. с нем. – М., 1986.
8. *Выготский Л.С.* Психология искусства. – М., 1987.
9. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 3-е изд., исправл. и доп. – М., 2013.
10. *Платон.* Государство: Собр. соч. в 4-х т. – Т.3. – М., 1994. – С. 79–420.
11. *Аристотель.* Никомахова этика: Соч. в 4-х т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 53–293.
12. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т.3. – М., 1955. – С. 1–4.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 7–544.
14. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т. 42 – М., 1955. – С. 41–174.
15. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Марк К., Энгельс Ф.: Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т. 20. – М., 1961. – С.1–338.
16. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – М., 1960.

17. *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.*: Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т. 23., Кн. 1 (Гл.5). – М., 1961.
 18. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.*: Соч.: Изд. 2-е, в 50-и т. – Т.20. – М., 1961. – С. 343–626.
 19. *Павлов И.П.* Полное собрание сочинений. – Т. IV. – М., Л., 1951.
 20. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994.
 21. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М., Л., 1930.
 22. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. – Т. I. Наука логики. – М., 1974.
 23. *Даль В.И.* Мошенничество – воровство. Воровство – грабеж // *Пословицы русского народа*: В 3-х т. – Т.1. – СПб., 1996. – С. 222–229.
 24. *Кондратьев М.Ю.* Осторожно: плагиат. Вопросы психологии, 1996. – №4. – С. 154.
 25. *Братусь Б.С.* Психология без труда и усилий. // *Вопросы психологии*. – 1999. – №1. – С. 117–119.
 26. *Черная А.В.* Развитие личности в контексте традиций игровой культуры: Автореф. дисс. доктора психол. наук. – М., 2007.
 27. *Осухова Н.* Психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации // *Школьный психолог*. – 2001. – № 31.
 28. *Сенявская Е.С.* Письмо в редакцию // *Отечественная история*. – 2006. – № 6. – С. 183–184.
 29. *Нарский И.В.* Пара слов о профессиональных добродетелях ученого и их изнанке // *Auditorium.ru*
 30. *Даль В.И.* Плут // *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4-х т. – Т.III. – М., 1982. – С. 130–131.
 31. *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Сисой Великий // *Отчник*. – VI. – М., 1993. – С. 322–325.
-

ПРИЛОЖЕНИЯ К СТАТЬЕ ВАЛЕРИИ МУХИНОЙ «НАУКА: УЧЕНЫЕ, ФАЛЬСИФИКАТОРЫ И ПЛАГИАТОРЫ»

**Юридический комментарий законодательства РФ
в контексте обсуждения проблемы плагиата (2011 г.)**

Департамент научных и научно-педагогических кадров рассмотрел Ваше обращение и сообщает, что в соответствии с частью 1 пункта 1 статьи 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования цитирование в оригинале и в переводе в научных, полемических, критических или информационных целях правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования, включая воспроизведение отрывков из газетных и журнальных статей в форме обзоров печати.

Использование произведения (текста или элементов публикации в виде рисунков, таблиц, схем) без разрешения автора или без соблюдения правил цитирования, то есть без указания автора, произведение которого используется, и источника заимствования, *является присвоением авторства, или плагиатом.*

Законодательство Российской Федерации предусматривает за нарушение авторских прав гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

Авторские права Вы можете защитить в данном случае следующими способами:

1) в соответствии со статьями 12 и 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации предъявить нарушителю требование:

- о признании права,
- о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения,
- о возмещении убытков,
- о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя.

2) в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда;

в двукратном размере стоимости экземпляров произведения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения.

3) в соответствии со статьей 146 Уголовного кодекса Российской Федерации возбудить уголовное судопроизводство в отношении нарушителя авторских прав, в рамках которого нарушитель может быть наказан штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев;

4) в соответствии с частью 2 статьи 7.12. КоАП Российской Федерации привлечь нарушителя авторских прав к административной ответственности, предусматривающей наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей.

Из сути второго вопроса не вполне ясно, о каких чужих результатах, присваиваемых автором статьи как новых, Вы имеете в виду.

Если речь идет об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах, обладающих новизной и удостоверяемых патентами, то защита патентных прав может быть осуществлена следующим образом.

В соответствии со статьей 1407 Гражданского кодекса Российской Федерации патентообладатель вправе в соответствии с подпунктом 5 пункта 1 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации потребовать публикации в официальном бюллетене федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности решения суда о неправомерном использовании изобретения, полезной модели, промышленного образца или об ином нарушении его прав.

Кроме того, в соответствии со статьей 1406 Гражданского кодекса Российской Федерации Вы вправе обратиться в суд с иском:

- об авторстве изобретения, полезной модели, промышленного образца;
- о нарушении исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец;
- о размере, сроке и порядке выплаты компенсаций, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации.

При рассмотрении таких споров необходимо принимать во внимание, что согласно статье 1353 Гражданского кодекса Российской Федерации исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец признается и охраняется при условии государственной регистрации соответствующего изобретения, полезной модели или промышленного образца, на основании которой Роспатент выдает патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец.

Советник отдела методического
и нормативно-правового регулирования

Н.В. Майорова

Утверждено
приказом Министра образования
и науки Российской Федерации
от 12 декабря 2011 г. N 2817

**ПОЛОЖЕНИЕ О СОВЕТЕ ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК**

46. Если диссертационным советом установлено, что соискателем использован чужой материал без ссылок на автора и источник заимствования, то диссертационный совет открытым голосованием простым большинством голосов принимает решение о снятии диссертации с рассмотрения без права ее повторной защиты. В этом случае заявление соискателя о снятии диссертации с рассмотрения не принимается, а в Минобрнауки России направляется решение диссертационного совета вместе с авторефератом диссертации, стенограммой и аудиовидеозаписью заседания диссертационного совета.

УТВЕРЖДЕНО
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 30 января 2002 г. № 74
(в редакции постановления
Правительства Российской Федерации
от 20 июня 2011 г. № 475)

**ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ПРИСУЖДЕНИЯ
УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ**

11. При написании диссертации соискатель обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов.

При использовании в диссертации идей или разработок, принадлежащих соавторам, коллективно с которыми были написаны научные работы, соискатель обязан отметить это обстоятельство в диссертации.

Указанные ссылки должны делаться также в отношении научных работ соискателя, выполненных им как единолично, так и в соавторстве.

В случае использования заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования диссертация снимается с рассмотрения диссертационным советом без права повторной защиты указанной диссертации.

Милтон Даймонд

ПОЛ И ГЕНДЕР – ЭТО НЕ ОДНО И ТО ЖЕ* (перевод с английского Алены Кудриной)

Аннотация. Автор предпринимает попытку уточнить понимание проблемы пола. В статье предложены и рассмотрены следующие понятия: пол, гендер, гендерная идентичность и половая идентичность. Представлены альтернативные способы обсуждения полового влечения.

Ключевые слова: половая идентичность; гендерная идентичность; интерсексуальность; сексуальные ориентации; трансгендер; транссексуальность; транссвестит

Abstract. This author attempts to enhance understanding about different sexual issues. The definitions to common terms such as sex, gender, gender identity and sexual identity are offered in the article. Alternate ways to discuss one's sexual attractions are also presented.

Keywords: sexual identity; gender identity; intersexuality; sexual orientation, transgender, transsexuality, transvestite

Введение

Прочтение понятий
пол и гендер

В последние десятилетия понятие «гендер» вошло в общепринятое употребление, особенно как синоним слову пол. Это понятие, действительно, оказался полезным в различных ситуациях, хотя разграничения между двумя словами, «пол» и «гендер» (sex and gender) до сих пор не были четко определены. В большинстве случаев (особенно в повседневном разговоре) понятия гендер и пол используются как взаимозаменяемые. Значение каждого понятия можно понять из контекста. Тем не менее, в научном, медицинском, юридическом, политическом и в религиозном дискурсе противоречивое использование этих понятий в может привести к непониманию.

* Diamond Milton. Sex and Gender are Different: Sexual Identity and Gender Identity are Different // Clinical Child Psychology and Psychiatry, 2002, № 7, – P. 320–335. (Клиническая детская психология и психиатрия, 2002, №7, С.320–335.)

Сравнительно недавно Е.Шмидт [E.Schmidt, 2001] писал: «Обнаружение [второго гена, связанного с определением пола (sex)] предлагает новую надежду родителям младенцев, которые родились с этим состоянием [наружные половые органы промежуточного типа], а также представляет собой ценную информацию в помощь терапевтам в более точном и быстром определении пола (gender) новорожденного» [1].

Знание генетики пола ребенка с половыми органами промежуточного типа не всегда может быть полезно для понимания, как бы выглядели гениталии ребенка, уж точно редко поможет в предсказании гендера ребенка.

Понятие «пол» относится к анатомической структуре, понятие «гендер» относится к навязанному или принятому социальному и психологическому состоянию. Объяснение разницы, испытывающим душевную боль родителям и находящимся в замешательстве врачам, занимает большую часть моего времени. И родители, и многие профессионалы полагают, что знание пола подразумевает гендер, но это не всегда так. Установление четких концептуальных различий между двумя этими понятиями «пол» и «гендер» и связанными с ними концепциями полезно для психологического понимания идентичности.

В этой статье автор предпринял попытку показать, что в определенных контекстах – особенно в тех, в которые включены транссексуальность и интерсексуальность, – бывает чрезмерно важным признать и поддерживать наличие разницы.

Понятие пол с классических времен использовалось в биологии и медицине для обозначения особей мужской, женской или двуполой. Так, животные, включая человека, подразделяются на категории в зависимости от того производят ли они гаметы (половые клетки), такие как сперматозоид (мужская особь) или яйцеклетку (женская особь), или имеют части репродуктивной системы, пригодные для развития и передачи или принятия таких гамет. Среди нечеловеческих животных двуполость (бисексуальность) покрывает те случаи, в которых присутствуют репродуктивные компоненты мужского и женского типа^{[1]*}. Среди животных понятие бисексуальность обычно относится к анатомии, а не к сексуальному поведению.

* Далее в тексте подобным образом мелким шрифтом вверху над текстом обозначены примечания автора, которые приводятся в конце статьи.

Знание генетики пола не означает знание гендера ребенка

Понятия пол и гендер в исторической перспективе

Исторически для людских особей для тех индивидов, что имеют и женские, и мужские характеристики, существовало название гермафродиты. В настоящее время предпочтительным является понятие «интерсекс» [С. Дж. Кесслер (S.J.Kessler), 1998]^[2].

Понятие гендер в основном использовалось и используется в социальном и культурном контекстах, в отличие от биологических. Особенно это ассоциировалось с языком. Первое известное использование слова «гендер» относится к 1387 н.э., когда Т.Уск (T. Usk) написал: *'No mo genders been there but masculine and femynyne, all the remnaunte been no genders but of grace, in faculte of grammar'*^{*} [Дж.А.Симпсон и Е.С.К. Вайнер (J.A.Simpson & E.S.C.Weiner), 1989]^[3] [2]. Этот контекст использования понятия «гендер» был расширен, так что с 1960-х или 1970-х слово часто используется как эвфемизм для пола человека, когда есть намерение подчеркнуть социальное и культурное в противопоставление биологическому.

Пример
использования
понятий гендер
и пол в Верховном
суде США

Судья Верховного суда США Антони Скалия (Anthony Scalia) в попытке прояснить использование понятий гендер и пол писал: «Слово гендер приобрело новое и полезное дополнительное значение культурных или оценочных характеристик в противопоставление физическим характеристикам, в отличие от полов. Другими словами гендер по отношению к полу это то же самое как женский, женственный по отношению в женскому полу и мужской, мужественный по отношению к мужскому полу» [J.E.B., 1994] [3]. Однако согласно судье Верховного суда США Руфь Бейдер Гинсбург (Ruth Bader Ginsburg), слова являются взаимозаменяемыми. Она ссылается на то, что использовала эти слова в подготовке судебных материалов по делам, имеющим отношение к полу/гендеру для того, чтобы слово пол не появлялось бы на каждой странице. Предположительно, ее секретарь сказала следующее: «Разве Вы не знаете, что эти девять мужчин [в составе Верховного суда], когда они слышат это слово, их первая ассоциация совсем не та, что Вы хотели бы, чтобы они думали» [M.A. Кейс (M.A. Case), 1995] [4].

Контекстуальные
различия пола
и гендера

Держа в уме описанные различия, современное использование обсуждаемых понятий может сохранять эту дифференциацию. Многое зависит от близости автора к опыту или компетенции, относящейся к биологии,

* «Не существует другого рода, кроме мужского и женского, все остальное не является родом в области грамматики».

медицине или к философским, социологическим и антропологическим исследованиям. Для большинства профессионалов, настроенных на биологию или медицину, пол кажется чем-то фиксированным. Гонады определяют пол, или он диагностируется по гаметам, которыми обладает индивид, или предположительно будет обладать на основании других биологических черт, таких как хромосомы^[4]. Человеческие мужские и женские особи, как биологические существа (организмы), также подразделяются на категории женщин, мужчин или интерсекс (имеющие биологические черты типичные и для мужчин, и для женщин).

Как социальные сущности, тем не менее, *мужчины* и *женщины*, на основании многообразия различных ролей, которые они исполняют в многообразных обществах, и на основании множества индивидуальных решений, которые они принимают в своей жизни, не так легко поддаются различению. Мужчины могут, конечно, работать или играть, как девочки или женщины, что может быть приемлемо или неприемлемо в их обществе, а женщины могут равноценно жить, работать или играть как мальчики или мужчины. Этот изменчивый аспект жизни и есть их *гендер*^[5].

Роли и идентичность

Наиболее часто роли, которые играет человек, связаны с полом. Термин «роль» используется для того, чтобы показать, что демонстрируемые паттерны поведения являются усвоенными или проявляются как бы в соответствии с определенным рода социальным сценарием [Дж.Х.Гагнон и У.Симон (J.H.Gagnon & W.Simon), 1973]. Мужчины и мужские роли типично ассоциируются с силой, опасными занятиями, тогда как женщины и женские роли более часто ассоциируются с выращиванием детей и занятиями, связанными с воспитанием и заботой. Но даже эти различия все с возрастающей скоростью размываются. То, что считалось когда-то мужской работой, стало восприниматься как женская, а теперь как приемлемая для обоих полов (например, телефонный оператор). Из-за того, что эти аспекты жизни, очевидно, изменчивы в разных культурах и меняются с разной скоростью, признается социальная и усвоенная природа культуры.

Текущее понятие
гендер

Многие из культурных и социальных различий в образцах поведения, ассоциируемые с двумя полами, мужским и женским, приняты и признаны в качестве социальных конструкторов – понятий и абстракций, которые несут с собой определенные ожидания и категоризации. Быть *мужчиной* в технологическом западном обще-

стве означает совершенно иные вещи, чем быть мужчиной в нетехнологическом африканском обществе. Быть женщиной в обществах обоего типа также означает разное. И именно эта культурная пластичность является центральным аргументом для таких авторов, как Мишель Фуко [1980]. Для М.Фуко гендер, в отличие от пола, следует признать и принять как поток изменчивой жидкости, которая изменяется и подвержена переходам в различных контекстах и временах^[6].

Для транссексуальных и интерсексуальных лиц это различие между полом и гендером, как показано здесь, может стать центральным для их существования. Ценности, которые каждая группа индивидуальных транссексуальных или интерсексуальных лиц приписывает полу и гендеру, могут быть различными. Также предполагается, что для психологов, философов и других полезно прояснить различия между двумя этими концепциями. Для лучшего понимания этих различий следует дать вначале определение еще одного набора понятий. Эти понятия относятся к концепции *идентичности*.

Определение
понятия
идентичность

Идентичность – это понятие, которое используется в психологии и в повседневной жизни. Обычно люди «идентифицируют» себя как гомосексуалы или видят свою «идентичность» как гетеросексуалы. Индивиды могут идентифицировать, признавать себя, в качестве транссексуалов или интерсексуалов без уточнения, что значат эти слова. Это аффилиативное использование данных понятий. Также можно идентифицировать себя в качестве консерватора, унитариста или механика.

Различия между
половой и гендерной
идентичностью

Понятие «*половая идентичность*»^[7] описывает оценку, благодаря которой человек видит себя мужчиной или женщиной. Это внутреннее убеждение в отождествлении обычно отражает внешний физический вид и типичные связанные с полом роли, которые развиваются у человека и которые он предпочитает (или которые общество пытается навязать ему).

Понятие «*гендерная идентичность*» – есть указание на признание воспринимаемого социального гендера, приписываемого человеку. Типично особь мужского пола воспринимается как мальчик или мужчина, где *мальчик* и *мужчина* – социальные термины, несущие установки культурных ожиданий. Точно также особь женского пола воспринимается как девочка или женщина. Различия, проводимые между мальчиком и девочкой, мужчиной и женщиной не только

возрастные, но также обычно представляют собой различия в социальных ожиданиях, которые сопровождают взросление.

Гендер и гендерная роль относится к идее общества о том, как должны вести себя девочки или мальчики, мужчины или женщины. Выражение гендера, а также гендерной роли, представляет собой публичное проявление гендерной идентичности. Можно сказать: пол есть, а гендер проявляется в деятельности; пол типично (но не всегда) представляет собой то, что у нас между ног, тогда как гендер представляет собой то, что у нас между ушей.

Различия между половой и гендерной ролью

Половая роль обычно включает в себя претворение в жизнь биологической предрасположенности. У молодых мужчин это обычно ассоциируется с их большей агрессивностью, их драчливостью (воинственностью) и соревновательной природой, чем это обычно проявляется у молодых женщин. У молодых женщин их половые роли обычно проявляются в их воспитывающем поведении и стремлении к компромиссу, что реже встречается у мальчиков. Это может быть точнее названо *типично-половыми* (*типично мужским; типично женским*) поведением. *Гендерные роли* – это то поведение, которое явно или скрыто навязывается обществом.

Определения гендерных ролей, даваемые другими авторами

Как описывают Дж.Х. Гагнон и У. Симон [J.H. Gagnon & W. Simon, 1973], гендерные роли – это поведение, которое представляет собой сценарий, навязанный обществом. Пример этого – то, как девочки учатся держать свои колени вместе или поправлять свои платья и применять косметику, тогда как мальчики активно запоминают правила спорта и игр. Гендер полностью имеет отношение к обществу, в котором живет человек, и может или может не иметь ничего общего с биологией [Дж.Х. Гагнон и У. Симон (J.H. Gagnon & W. Simon), 1973].

Это использование и терминология немного отличается от той, что используют Дж. Мани и А. Эрхардт (1972). Эти исследователи не пользуются термином *половая идентичность*, но имеют сплавленные с гендером значения, которые были приведены ранее в терминах *гендерная идентичность/роль*, и предлагают, кроме того, их собственные определения: «Гендерная идентичность – это личный опыт гендерной роли; а гендерная роль – это публичное проявление гендерной идентичности» ... «гендерная идентичность» может быть прочтена в значении *гендерная идентичность/роль*» [5]. Но здесь

Интерсексуальный
ребенок

История воспитания
интерсексуального
ребенка

опять же терминология не согласуется с той, что используется другими авторами. Р.Дж.Столлер (R.J.Stoller, 1968), например, называет это внутренней реализацией само-идентичности как мужской или женской «ядерной гендерной идентичности»^[8].

Рассмотрим, как обсуждаемые понятия и концепции могут объяснять развивающегося ребенка^[9]. Мама восьмилетнего ребенка с неопределенными внешними половыми органами, по хромосомам являющегося мальчиком ХУ, сказала мне: «У моего ребенка возникают вопросы о его поле (гендере)*. Странно, но мы воспитывали своего ребенка полностью как девочку. До сих пор она не знает о своем состоянии. Мы считали, что будет лучше подождать, пока она сможет понять. Но с годами и все чаще она говорила такие вещи, как «я не девочка... я мальчик»... она стремится одеваться в нейтральную одежду... учителя жалуются (они не знают...), что она сорванец и ведет себя как мальчик... все ее друзья мальчики. Дома она проводит время с братьями. А какая она сильная!»

В момент рождения по совету врача мама решила воспитывать ребенка как девочку из-за того, что у ребенка не было пениса. Это было стандартной рекомендацией до совсем недавнего времени (М.Даймонд, 1998, 1999; М. Даймонд и Х.К. Сигмундсон (M. Diamond & H.K. Sigmundson), 1997a, 1997b; К. Кипнис и М. Даймонд (K. Kipnis & M. Diamond), 1998). Реально биологический пол ребенка – мужской, но он имел навязанный женский гендер и воспитывался с рождения как девочка. Очевидно это случай, когда пол и гендер не согласуются друг с другом.

Ребенок** знает, что его воспитывают как девочку, и его поощряют как родители, так и врачи, чтобы он жил как девочка. Ребенок сам признает, что его воспринимают и реагируют на него как на девочку. Таким образом, он осознает свою гендерную идентичность. И все же, несмотря на то, что он воспитывается девочкой, ребенок проявляет гендерные роли более типичные для мальчиков. Более того, несмотря на воспитание и незнание своей биологии, ребенок развил внутреннюю половую идентичность мальчика, то есть внутри себя ребенок чувствует, что он мальчик и должен быть мальчиком. Это понимание приходит в результате сравне-

* Использован термин gender (прим. пер.).

** В оригинале используется местоимение среднего рода it (прим. пер.).

Прогнозы
относительно
будущего ребенка

ния своих чувств, интересов, отношений и предпочтений со своими сверстниками – мальчиками и девочками. В результате решения, что быть мальчиком лучше «стыкуется» с той реальностью, которую ему предлагают (М. Даймонд, 1999).

У этого ребенка мужские хромосомы (он интерсексуальный мужской псевдогермафродит) с навязанным гендером девочки. Когда ребенок повзрослеет и узнает свою историю, я предсказываю, что, скорее всего, он станет жить как мужчина или как можно ближе к нейтральному гендеру (мужеподобная женщина или женоподобный мужчина). Он придет к пониманию того, что он интерсексуал; он может идентифицировать себя открыто как таковой или не делать этого.

Мать ребенка спросила мое мнение о том, что было бы лучше позволить ребенку переключиться на жизнь в качестве мальчика или продолжить терапию препубертатным феминизирующим гормоном, как рекомендовали врачи. Мой совет: позволить ребенку жить в качестве мальчика и поощрять типично мужское развитие. Несмотря на неопределенность гениталий, такое обращение позволило бы гендеру и полу сочетаться лучше, чем это есть сейчас. По желанию позже можно произвести реконструкцию гениталий.

Потенциальная
транссексуальность

При обсуждении и описании транссексуалов различия в определениях также очень полезны. В реальном мире потенциальный *транссексуал*, ничем не отличаясь от других людей, воспитывается в соответствии с традицией, мальчиком или девочкой, в соответствии с тем, как общество видит его или ее гениталии. В отличие от многих интерсексуальных индивидов, нет никакого способа определить тех, кто разовьется как транссексуал.

Термин *транссексуальный* правильно применять только к тем взрослым индивидам, которые проявляют диагностические критерии для гендерной дисфории или расстройства гендерной идентичности (РГИ), и не использовать его для детей. В DSM-IV существуют отдельные критерии для РГИ для детей (302.6), для подростков и взрослых (302.85) [Американская психиатрическая ассоциация, 1994]. Ребенок или подросток с РГИ как правило не считается транссексуалом до достижения им взрослого возраста. В некоторых кругах принято различать у транссексуалов до и после операции.

Конфликт гендерной
идентичности
у детей

Некоторые врачи-клиницисты, такие как Р. Иссей [R.Issay, 1997] и Е. Дж. Менвилль [E.J. Menvielle, 1998], выступали против включения детского РГИ в DSM, так

как представляется, что такой ребенок несет в себе симптом гомосексуальной ориентации. П.Т.Козн-Кеттенис [P.T.Cohen-Kettenis, 2001] и К.Дж.Зукер [K.J.Zucker, 2001] считают ценным рассмотрение каждого ребенка как отдельного случая, чтобы его лечение могло проводиться надлежащим образом.

У ребенка может иметься конфликт гендерной идентичности, но такие конфликты, чаще «да», чем «нет», о чем сообщалось такими авторами, как Р.Грин [R.Green, 1987], К.Дж.Зукер и С.Дж.Брэдли [K.J.Zucker & S.J.Bradley, 1995], и К.Дж.Зукер [K.J.Zucker, 2001], разрешаются сами собой в гомосексуальное или типичное состояние. П.Т.Козн-Кеттенис [P.T.Cohen-Kettenis, 2001] обнаружила то же самое. Тем не менее, она установила, что большой процент тех детей, которые проявляют РГИ, будучи детьми (17 из 74), уже подростками продолжают демонстрировать гендерно дисфоричное поведение и в дальнейшем настояли на операции по изменению пола^[10].

Определение
транссексуальности

Если все же необходимо получить определение транссексуальности, то это можно сделать следующим образом: по мере взросления само-представление (половая идентичность), которое есть у человека, отвердевает в пол, противоположный его/ее анатомическому полу. Образ в зеркале вступает в конфликт с образом разума [Бенджамин (H.Benjamin), 1966; А.Болин (A.Bolin), 1987; Р.Ф.Доктер (R.F.Docter), 1990; Р.Грин и Дж.Мани (R.Green and J.Money), 1969]. Развивающееся лицо мужского пола, например, знает, что его воспитывают как мальчика, но полагает, что было бы более уместно, чтобы воспитание и отношение было бы как к девочке. Транссексуальное лицо мужского пола думает, что он на самом деле женщина, должен был бы быть женщиной или стремиться быть женщиной.

Конфликт гендерной
идентичности
у ребенка четырех
лет

Конфликт гендерной идентичности может начаться очень рано, и может быть проиллюстрирован следующей выдержкой из записанного диалога между психотерапевтом (Берущий интервью = И) и четырехлетним мальчиком (К.Дж.Зукер, С.Дж.Брэдли и С.Б.Лаури Салливан [K.J.Zucker, S.J.Bradley, & C.B.Lowry Sullivan, 1992]):

Интервью
с ребенком

И: Ты девочка?

С: Да.

И: Когда ты вырастешь, ты будешь мамой или папой?

С: Мамой.

И: А ты бы мог вырасти и стать папой?

С: Нет.

И: Есть ли что-то хорошее в том, чтобы быть мальчиком?

С: Нет.

И: Есть ли что-то, что тебе не нравится в том, чтобы быть мальчиком?

С: Да.

И: Расскажите мне что-нибудь из того, что тебе не нравится в том, чтобы быть мальчиком?

С: Потому что это ненавижу. Потому что нас заставляют делать эти дурацкие приседания.

И: Ты думаешь лучше быть мальчиком или девочкой?

С: Девочкой.

И: Почему?

С: Потому что мне это нравится – они просто сидят и болтают.

И: В своих мыслях ты когда-нибудь думаешь о том, что ты хотел бы быть девочкой?

С: Да.

Обсуждение половой
и гендерной
идентичности
ребенка

Этот ребенок осознает, что его воспитывают как мальчика, но думает о себе как о девочке. Это понимание того, как он живет и как он должен жить в обществе, что общество ждет от него, и есть его гендерная идентичность. «Ядерный» внутренний образ себя у этого ребенка – это «ее» половая идентичность. Это несоответствие между гендерной идентичностью и половой идентичностью диагностируется как расстройство гендерной идентичности и может, а может и не перейти во взрослый возраст. Если оно сохранится, то этот ребенок может быть впоследствии диагностирован как транссексуал. Если его случай типичен, то он затем в конечном итоге попытается организовать эндокринную терапию, или операцию, или оба варианта вместе для того, чтобы изменить свои черты настолько, чтобы его воспринимали как женщину. Изменение его анатомии на напоминающую женскую облегчит его социальное принятие и жизнь в качестве женщины. Его гендерная идентичность и половая идентичность будут, таким образом, приведены в согласие^[11].

Процесс эволюции
транссексуала

Преобразования и процессы, через которые проходит транссексуал в достижении своей физической трансформации могут быть мучительными и наполненными конфликтами. Они могут включать длительный процесс самоанализа, психотерапию и консультирование. Многие проходят интенсивный набор самотестирования в попытке доказать самим себе, кто они – мужчина или

женщина, как они должны жить – как мужчина или как женщина [М.Даймонд, 1996]. Тогда как для других внутренние процессы довольно однозначны и они мало сомневаются относительно правильности их решения изменить гендер. В целом, тем не менее, последней мантрой транссексуала становится: *«измените мое тело, но не мой разум»*. Социально «он» становится «ею», а «она» становится «им». Половая идентичность транссексуала неизменна.

Интерсекс
(гермафродиты)

Интерсексуальный индивид рождается с мужскими, и с женскими физическими характеристиками. Например, индивид может быть ХХ по хромосомам, но иметь пенис, похожий на мужской; другой индивид может быть ХУ по хромосомному набору, но не иметь пениса, а вместо него иметь влагалище. У интерсексуального лица могут быть гениталии неопределенного характера или они могут казаться типичными.

Интерсексуальные мужчины и женщины могут идентифицировать себя как мужской, женский или интерсексуальный пол, и они могут жить как будто бы они женщины или мужчины, создавая такую видимость, или в некоторой нейтральной манере [М.Даймонд, 1999]. Интерсексуальные дети, хотя могут и не знать о своем состоянии, могут, тем не менее, проявлять этот нейтральный статус в выборе одежды, прически и манеры поведения. Многообразие состояний интерсекса настолько велико, что можно провести только очень широкое обобщение относительно того, как можно сравнивать половую идентичность и гендерную идентичность каждого отдельного индивида.

Ребенок сам должен
иметь решающее
слово

В то время как некоторые интерсексуальные индивиды могут легко подстроить свое биологические несоответствия к образу своего воспитания и той жизни, которую они ведут, другие находят чрезвычайно трудным примирить те несоответствия, которые они видят и чувствуют с той социальной информацией, которая обрушивается на них. Даже внутри одной категории интерсекса есть многочисленные вариации. Именно по этой причине я считаю наилучшим вариантом, чтобы ребенок сам, особенно после периода полового созревания, имел возможность сказать свое решающее слово в том, как «он» или «она» должен жить дальше [М.Даймонд и Х.К.Сигмундсон (Diamond & H.K.Sigmundson), 1997b].

У обычных людей
нет сомнений
относительно своей
половой
идентичности

Прежде чем оставить эту тему, разрешите мне еще раз подчеркнуть, что здесь вопрос не в том, например, что мужчина думает, что он выглядит «достаточно» по-мужски или ведет себя как «настоящий» мацо для

Сексуальная
ориентация

того, чтобы удовлетворить свое эго или некий социальный стереотип. Большинство мужчин желали бы усилить некоторые аспекты своих мужских «я». И то же самое можно сказать о женщинах. Большинство женщин получили бы удовольствие от усиления некоторых аспектов своей женской внешности или изменения некоторых аспектов своего поведения. Но для типичного человека существует мало сомнений относительно его или ее базисного мужского или женского себя и половой идентичности, несмотря на недостаток социально предпочтительных гендерных черт.

Половая идентичность, гендерная идентичность и гендерные роли – это аспекты жизни, косвенно относящиеся к *сексуальной ориентации* человека. *Сексуальная ориентация* имеет отношение к полу эротического/любовного партнера, которого предпочитает человек. Ищет ли индивид пару, который был бы мужчиной или женщиной; человек, которого он желает, мужчина или женщина? Наиболее часто для описания ориентации используются термины гетеросексуальная, гомосексуальная или бисексуальная. С научной точки зрения было бы лучше, если бы эти термины использовались как прилагательные, не существительные, и описывали бы поведение, а не людей. В повседневной же речи, тем не менее, часто говорят о человеке как о гетеросексуале или гомосексуале*. И на самом деле, люди часто так говорят сами о себе. К сожалению, такое причинно-обусловленное использование часто связывает вместе тех, чьи регулярные сексуальные партнеры одного пола с теми, чьи сексуальные связи с партнерами своего пола являются случайными по сравнению с гетеросексуальными контактами.

Предпочтительное
использование
понятий

Понятие *гомосексуальный* лучше всего использовать только для тех, чья сексуальная активность полностью или почти полностью направлена на представителей того же пола, а термин *гетеросексуальный* – только

* *гетеросексуализм* [греч. heteros другой; лат. sexualis половой] – половое влечение к особи другого пола

гомосексуализм [греч. homos равный; лат. sexualis половой] – половое извращение, состоящее в противоестественном половом влечении к особям своего пола

транссексуалы [лат. trans сквозь, через; лат. sexualis половой] – лицо, стремящееся изменить свой пол

интерсексуал [лат. inter вместе, между; лат. sexualis половой] – человек, имеющий от рождения частично или полностью развитые и мужские, и женские половые органы и вторичные признаки пола, гермафродит

Альтернативные термины, предлагаемые автором

Для большинства людей их идентичность, ориентация и гендер находятся в согласии

для тех, чьи эротические партнеры всегда или почти всегда противоположного пола, тогда как термин *бисексуальный* – для тех, кто имеет более или менее сексуальные контакты с представителями обоих полов [М.Даймонд, 1993].

В последнее время пропагандируется использование терминов *androphilic* (андрофилический), *gynephilic* (гинекофилический) и *ambiphilic* (амбифилический) для описания сексуальных/эротических партнеров, которых предпочитает человек (от *andro* = мужчина; *gyneco* = женщина; *ambi* = оба; *philic* = любить) [М.Даймонд, 1997]. Использование таких терминов избавляет от необходимости специально определять пол упоминаемого человека и сфокусируется исключительно на поле желаемого партнера. Опять же такая ясность использования особенно удобна и благоприятна при обсуждении транссексуалов или интерсексуальных лиц. Например, что будет значить гомосексуальный или гетеросексуальный для интерсексуального индивида? А при обсуждении транссексуалов всегда существует замешательство относительно того, относится ли обозначение «гомосексуальный» к ситуации до или после операции. Эти последние понятия также не несут социальной нагрузки или табу в отличие от вышеупомянутых^[12].

Прежде чем оставить обсуждаемую проблему, следует упомянуть, что лица, вовлеченные во взаимоотношения со своим полом, не обязательно демонстрируют какую-то особенную сопутствующую половую идентичность или гендерную идентичность. Мужчины, вовлеченные в гомосексуальные отношения, например, могут вполне комфортно чувствовать себя в своих мужских телах и не иметь никаких гендерно атипичных паттернов поведения. То же самое касается и лесбиянок; они вполне могут быть удовлетворены своим полом и гендерными ролями. Для большинства людей их идентичность, ориентация и гендер находятся в согласии.

Типичный мужчина видит себя таковым, ведет себя в мужской манере – комбинация биологически и социально обусловленных гендерных паттернов поведения – общество относится к нему как к мужчине, и он предпочитает сексуальные контакты с женщинами. Типичная женщина видит себя таковой, ведет себя в женской манере – что также является комбинацией биологически и социально обусловленного поведения – общество относится к ней как к женщине, и она предпочитает

сексуальные отношения с мужчинами. Для обычного человека не существует конфликта между половой и гендерной идентичностью, и нет никакой разницы, что обсуждаемые термины обозначают разные вещи.

Пример нетипичного человека

Теперь рассмотрим пример нетипичного в обсуждаемом контексте человека. Когда случаются отклонения, такие как, когда люди хотят жить в гендере, противоположном тому, в котором они были воспитаны, по любой из некоторых причин, точное значение понятий и их практическая польза становятся очевидными. Кроме того отдельные понятия придают ясность в тех случаях, когда индивид выбирает быть нетипично гибким в проявлениях гендера.

Предлагаемая автором модель PRIMO для составления сексуального профиля человека

Полезно также заметить, что наша дискуссия охватывает три из пяти центральных аспекта жизни, которые я использую для составления сексуального профиля человека. Помимо трех, упомянутых выше, а именно паттерны гендерной роли, половая идентичность и сексуальная ориентация, я также нахожу удобным и полезным уточнить аспекты сексуальных механизмов и репродукции. *Механизмы* обозначают те процессы, что обычно ассоциируются с сексуальной активностью. Они включают, например, эрекцию, ночные поллюции и акт

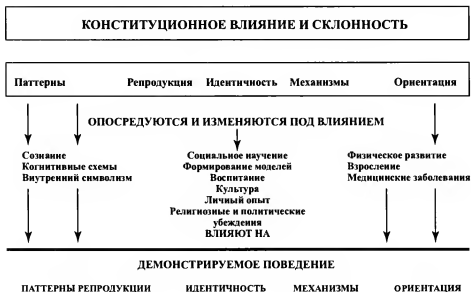

Рис 1. PRIMO: Факторы сексуального профиля. Компоненты PRIMO имеют свои истоки в пренатальном развитии и дают человеку определенные пренатальные (конституционные) склонности, которые опосредуются и изменяются силами социального и природного окружения. Это взаимодействие ведет к демонстрируемому поведению.

семяизвержения у мужчин, процесс появления смазки во влагалище, беременность и лактацию у женщин. Репродуктивная история, функционирование и отношения также важны. Относительно репродукции нас интересуют беременности, рождение живых детей, выкидыши, аборт, способность к зачатию или бесплодие, случались ли они или нет, а также отношение человека к этим процессам. Используемые вместе, по моему мнению, эти пять параметров предлагают довольно широкую, но в то же время полную картину. Акроним PRIMO помогает запомнить эти пять характеристик [М.Даймонд, 1995]. Графическая репрезентация сексуального развития с использованием компонентов модели PRIMO показана (Рис.1.)

(окончание следует)

1. *Schmidt E.* UCLA geneticists identify cause of malformed genitalia, finding will improve sex assignments in ambiguous newborns. // Press release. – Los Angeles, 2001. – May.

2. *Simpson J.A. & Weiner E.S.C. (Eds.).* Oxford English dictionary. – Oxford, 1989.

3. *J.E.B. v. Alabama*, 114 S. Ct. 1419, 1994.

4. *Case M.A.* Disaggregating gender from sex and sexual orientation: The effeminate man in the law and feminist jurisprudence. // *Yale Law Journal*. – 1995. – V.1. – No. 9.

5. *Money J. & Ehrhardt A.* Man and woman, boy and girl. – Baltimore, 1972.

Новое поколение: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ВАЛЕРИЙ ШЕРГИН

Валерий Шергин – яркая звезда молодой русской драматургии, ученик Николая Коляды, уроженец г. Саранул. Автор пяти пьес, последние из которых – пьеса «Концлагеристы», поставленная в Коляда-театре (Екатеринбург) – победитель престижных драматургических конкурсов «Евразия – 2012», «Текстура» и «Любимовка». Валерий Шергин о «Концлагеристах»: «Пьеса была закончена 5 октября 2011 года, до всех этих событий на Болотной... Я и не писал о политике. Я писал о свободе, об иллюзии этой свободы. Есть ли она вообще? Главный герой Федот не прогибался, всю свою жизнь мечтая о свободе. Но он стал свободным, только тогда когда прогнулся. Приспособился к той системе, в которой живет... И я завидую ему».

Валерий Шергин о себе:

Родился в городе Саранул. Сейчас учусь в Екатеринбурге, на пятом курсе у Николая Коляды. Собствен-

но, поэтому пьесы и пишу. Форма обучения у нас очно-заочная, поэтому к концу каждой сессии, всегда стараюсь что-то новое написать. И, на самом деле, я не стараюсь кому-то что-то доказать. Пишу так, как пишется, и не парюсь. У меня есть отмазка: «Я не писатель пока, я только учусь».

Конечно, это не правильная мотивация. Драматург это вообще тот человек, чьи пьесы ставят в театре. И вроде как, к этому надо стремиться. Но, ничего не могу с собой поделать. Пишу лишь то, что мне самому интересно...

До того как приехать в Екатеринбург, я работал актером в Саратовском драматическом театре. Маленький, провинциальный, репертуарный театр. Прекрасно помню, весь наш репертуар. Самый современный автор, которого у нас ставили, это был (кто бы вы думали?) Вампилов! Про остальных я даже не слышал тогда. Может где-то что-то и есть, но... Не тот уровень уже был. Ну так, конечно... Это же – Саратовский театр! Старейший театр в Удмуртии!

Сейчас в этом театре, меня называют, не иначе как – «Дерьмотургом». Даже не читав моих текстов, они обвиняют меня в том, что в моих пьесах много мата, насилия, наркотиков... А главное, нет героя в пьесах! Нет душевного порыва! Просвета нет!

Всегда, дико угаю от такой критики. Ни в одной моей пьесе, нет ни одного матерного слова. Но, разве могу я спорить, с народными артистами Удмуртской Республики? Кто я вообще такой? В общем, о том, что мои пьесы окажутся в репертуаре Саратовского театра, я даже не мечтаю.

Так зачем же я пишу?

Наверно, потому что, я и правда никто. Я не могу поменять что-то в головах своих бывших коллег по театру. Я не могу сейчас создать и построить собственный театр. Я никогда не смогу написать книгу «Моя жизнь в искусстве». Я много чего не могу. Но, я знаю, что мне точно не нравится то, что происходит в большинстве театров России. По моему мнению, они всё больше превращаются в музеи, в которые можно придти и посмотреть, как жили раньше люди, в каких костюмах ходили, как разговаривали. Либо приходят посмеяться над нелепой комедией положений, главными героями которой, будут мужчины переодетые в женщин. А еще, как вариант, можно сходить на юбилейный вечер народной, но никому не известной, артистки театра... и всё только потому, что девочки из администрации театра, продали штук сто билетов, организации, в которой ты работаешь.

И вот единственное, что я могу, это только писать свои пьесы. Писать такие пьесы, по которым поставят интересные мне спектакли. Писать такие пьесы, в которых обязательно будет та роль, что я захочу сам сыграть. Писать такие пьесы, которые смогут хоть кому-то из Саратовского театра взорвать мозг, чтоб хоть что-то поменять в его сознание... Не знаю, получается у меня это или нет... Если да, то хорошо, я рад и счастлив. А если нет, то... Я не писатель пока, я только учусь.

Валерий Шергин, спектакли:

«Чудо, а не дети» (2008), шорт-лист фестиваля «Володинский конкурс» – 2009

«Ромео&Джюльетта&Москва&Петушки» (2009)

«Очень нетеатральные пьесы» (2009), гран-при Международного конкурса драматургов «Свободный театр» (Минск, Беларусь).

«Колбаса» (2010), шорт-лист конкурса «Действующие лица» (2011).

«Концлагеристы» (2012), гран-при фестиваля «Текстура», Международного конкурса драматургов «Евразия – 2012», финалист конкурса «Любимовка – 2012».

КОНЦЛАГЕРИСТЫ

Добрая пьеса в двух действиях,
содержащая сцены насилия.

Intro

На стуле, в луче яркого света прожектора, сидит человек.

Голос из громкоговорителя. Вы можете рассказать историю нашей республики?

Мужчина 1. Что?

Голос из громкоговорителя. Историю хорошо знаете?

Мужчина 1. Что?!

Голос из громкоговорителя. Историю республики рассказать сможете?

Мужчина 1. Что?

Луч света гаснет. Тут же загорается второй. На точно таком же стуле сидит ещё один человек...

Мужчина 2. Это после распада СССР? С этого вам начинать? Или, может, вам ещё про викингов рассказать? *(Пауза.)* Меня тут, в чём-то обвиняют что ли?

Голос из громкоговорителя. Не отвлекайтесь. Рассказывайте!

Луч света снова гаснет. Тут же зажигается третий луч и в нём, так же как и остальные, на стуле сидит...

Мужчина 3. У всех кандидатов на пост президента республики была тогда только одна программа развития... А у Крокодилова их было сразу две. На выбор... Первая у него была, это создать Соединённые штаты Удмуртии, по типу Американцев. Вот... Это, чтоб каждый жил как он хочет. Полная свобода чтоб. Но при этом, каждый обеспечивал бы себя сам. Во всём сам. Лечение, образование... Ну, вы знаете же сами... Вот... Или второй путь. Второй путь – это создание закрытой зоны, где государство обеспечивало бы всех само. То есть, никто бы ни за что не платил... вообще, чтоб денег не было... Собственно, у нас сейчас их и нет. В первый же тур выиграл Крокодилов. Народ выбрал – второй путь развития...

Мужчина 2. Все поверили ему! На халяву жить думали...

Мужчина 3. В общем-то, всё так и случилось, как обещал Крокодилов. Он предложил сделать всеобщее уравнение. Ну, знаете же... Чтоб не было ни бедных, ни богатых... Все равны...

Мужчина 2. Равенство, мать его... И тогда у нас не стало: мужчин, женщин, стариков, детей. Все. Все до единого стали – «концлагеристами». Теперь мы все не живём, мы все «концлагерим»... суки... Каждый

населённый пункт, не важно, будь это город или деревня, превратился в стационарный концлагерь...

Голос из громкоговорителя. Вы забываете, где находитесь?!

Мужчина 2. Нет... ничё я не забываю! Сами спрашиваете же... вот я и отвечаю. А чё, скажете что, чё-то не так я рассказываю что ли? Я, вообще-то, не понял, чё меня, в чём подозревают-то? За что вызвали-то?!

Луч света возвращается к первому...

Голос из громкоговорителя. Вы осуждаете наше нынешние правила?

Мужчина 1. Что? Я не знаю... я не понимаю... отпустите меня...

Голос из громкоговорителя. Он чё там, обоссался что ли? Посмотрите там...

Мужчина 1. Я всё скажу... скажите что сказать и я скажу... только отпустите...

Голос из громкоговорителя. Так, всё. Уведите этого... с этим бесполезно всё...

Из темноты выходят двое. Они подходят к мужчине, поднимают его. У того подкашиваются ноги и он не может стоять. Его берут под руки, и утаскивают... Больше луч света, освещающий его, никогда не загорится...

Голос из громкоговорителя. Так вы осуждаете наше нынешние правила?

Мужчина 2. Я ничё такого не говорил... Меня чё, из-за этого, что ли, взяли? Ну... было пару раз... Сказал может чего такого... сгоряча. Вы поймите, так ведь тоже нельзя...

Голос из громкоговорителя. Не отвлекайтесь от темы. Просто отвечайте.

Мужчина 2. А что отвечать-то? Всё равно пристрелите же... Так давайте сразу, чё! Стреляйте, чё! Стреляйте! Вот он я! Без суда и следствия, как мы любим все... Давайте! Ну! Всё равно ничё не скажу! Никого не продам! Суки! Суки!!! Да лучше уж смерть, чем под вашим тираном ходить! Идите вы все на х...

Он не успевает доматериться. Автоматная очередь заглушила его слова, а прошедшие навывлет пули тридцать девятого калибра вообще снесли его голову...

Мужчина 3. А я могу идти? У вас жарко тут. И свет очень яркий, глаза уже болят...

Голос из громкоговорителя. Да-да, вы скоро сможете уйти. Мы уже почти закончили. Вы прошли испытание, вы нам подходите. Только, можете ответить еще на один вопрос? Пусть он вас не смущает, ничего не бойтесь, просто ответьте и всё...

Мужчина3. Хорошо... спрашивайте.

Голос из громкоговорителя. Предыдущий кандидат считал, что республикой управляет тиран и диктатор...

Мужчина3. Что?

Голос из громкоговорителя. Нет, нет, не бойтесь... Вас, ни в чём не обвиняют. Просто скажите, пусть, допустим, у нас в республике диктатура. Это хорошо или плохо?

Мужчина 3. Э-э-э... как сказать...

Слышен щелчок затвора автомата.

Мужчина 3. Скажу так... Я думаю, если... Если, вот, диктатор хороший, то и диктатура – хорошая. А если нет, то, конечно, нет... Вот наш президент, он же не курит, не пьёт, и нам не велит этого делать... В общем, я в нём ничего плохого не вижу... Я ответил на ваш вопрос?

Голос из громкоговорителя. Да, да... Всё хорошо. Вы нам подходите, даже более чем. Сейчас вас отпустят, всё объяснят, и через неделю за вами приедут... Поздравляю вас... Федот?

Мужчина3. Да, я Федот...

Голос из громкоговорителя. Поздравляю, Федот! Думаю, мы еще будем вами гордиться.

Луч света гаснет...

Действующие лица:

Федот. Глава семейства, получивший орден «за скромность и верность», хотя всегда считал себя оппозиционером.

Педрос. Супружник Федота. Выполняет функцию жены. Полное его имя звучит как Педронасос. Но его так никто не называет, так что это, просто для справки.

Акчаруд. Их дочь. На самом деле, молодой парень. Но по бумагам, он – дочь...

Сталкер. Человек из свободного мира.

Томышев. Говно-человек, и этим всё сказано.

Степан. Начлагерь в поселение Чутожмон. Главный надзиратель.

Татьяна. Подлинно известно, что она женщина. Всё остальное, загадка... В женщине должна быть она.

Каратель.

Толстый мужчина.

Подчинённый Сачко.

Подчинённый Чалый.

Действие первое

Картина первая

Три стула, кровать, диван, стол, чайник, телевизор... Вот тот не хитрый набор мебели и вещей, которые есть в доме Федота. Собственно как и в тысячи других домов в поселениях. А не только в Чутожмоне.

Федот только что переступил порог дома, вернувшись из Можги, а тут уже сам начлагерь Степан со своими подчинёнными встречают его...

Степан (*сидит за столом на стуле*). Я знал. Знал что вернёшься... А вот кто-то думал иначе, да? (*Смотрит на своих подчинённых.*) Кто-то ведь думал, что Федот не вернётся!

Подчинённый Чалый. Да ладно, чё там... Три сосатки-то... по всего. (*Достаёт из кармана три конфеты карамели, кладёт перед начлагерем на стол.*)

Степан. Три сосатки на дороге у нас тоже не лежат обычно. Хе-хе... А ты, Сачко, чё ждёшь? Клади на стол...

Второй подчиненный тоже подходит к начлагерю и отдает ему свои три карамельки.

Степан. Три да три, шесть... (*Улыбается.*) А теперь, ещё по одной сверху кладите!

Подчинённый Сачко. За что это? По три, уговор был.

Степан. А орден? Федот орден «за скромность и верность» получил! Шутка ли?! Вот у тебя, Сачко, орден есть? Нету! А у Федота есть, мы обмы-вать его с ним будем! Так что, ещё по одной на стол!

Вот так ещё две карамельки оказались на столе...

Степан. Во-о-от... Совсем другое дело! Ну что, Федот, кипяти кипяток, теперь будет с чем чаю попить... Орден-то покажи, чего прячешь?

Федот. Да чего его показывать... (*Достаёт орден.*) Орден и орден... Своим хочу сюрприз сделать. Не сразу чтоб...

Степан (*разглядывая орден*). Красота-то какая, вот, это я понимаю... Ну, спрячь обратно, раз сюрприз... Я думал, ты его носить не хочешь?

Федот (*убирает орден*). Да почему же? Он мне нравится...

Степан. Так, а вы удальцы, прогуляйтесь пока... Может, ордена нагуляете? (*Смеётся.*) У тебя, Федот, супругник с дочерью когда приходят?

Федот. В седьмом, как обычно. Они у меня строго, по графику...

Степан. Так, а мы чё стоим-то тут ещё? Скоро машина приедет, не прокараульте, смотрите...

Подчинённые выходят.

Степан. А я знал всё таки, что ты, Федот, вернёшься... Не мог ты не вернуться. Я же давно за тобой приглядываю...

Федот. Так я воду поставлю?

Степан. А то нет? Ставь, конечно... Вот. Пригладываю я за тобой давно значит... И, ведь, ни разу ты мне не попадался... да и соседи доносов не пишут на вас. А если и пишут, то бред всякий... Федот, так ты расскажи, чё вас вызывали-то? Чё сказали вам там?

Федот. Да их не победишь ... Про историю, про политику спрашивали... Потом орден дали... Через неделю выступать где-то... Сказали, приедут за мной.

Степан. Понятно. Великая честь выпала тебе, Федот... я же тоже не случайно сижу здесь. Слышишь, нет?

Федот. Что?

Степан. Не случайно сижу тут, говорю. Дело у меня к тебе, Федот.

Федот. Надеюсь это не... Ты ж меня знаешь. Я стучать не буду...

Степан. Знаю, Федот, знаю... Поэтому и пришёл к тебе. Ладно, не буду тянуть резину, скажу сразу... Чё там, с кипятком-то? Вскипел? Посмотри, вскипел ведь... Давай попьём тогда, чаю с карамельками.

Федот наливает в кружки кипяток из чайника, кладёт заварку...

Степан. Так вот, Федот, такое дело, значит... хочу я тебя оставить, за место... А время сейчас сколько? Ох ты ж, уже полседьмого... Новости начнутся сейчас! Федот, включай телевизор!

Федот. Да там одно и тоже всегда.

Степан. Нет-нет, новости это... надо смотреть. Надо-надо, иначе как тут «чего», «что» знать будешь?

Федот включает телевизор, на котором большим готическим шрифтом красуется надпись: «Аллигатор». Красивая мелодия из лебединого озера тут же заполняет комнату. Балерины в пачках двигаются под музыку так завораживающе, что от них не возможно, не возможно оторваться...

Но тут, ровно в половину седьмого, звучит резкая перебивка программы новостей. На экране появляется диктор в очках, за спиной которого висит флаг удмуртской республики...

Диктор из телевизора. Здравствуйте, мои дорогие! В эфире выпуск самых свежих новостей нашей любимой родины. Итак, главная новость этого часа: «У нас в Удмуртии, всё хорошо!» И это — все новости на сегодня. До встречи в следующих выпусках. Мои дорогие.

И снова красивая мелодия из лебединого озера заполняет комнату...

Степан. Отлично, теперь можно и выпить спокойненько ...О, (смотрит в экран телевизора,) скоро появится черный лебедь... Так что, Федот? Как тебе моё предложение?

Федот. ??? Какое?

Степан. Я разве ещё не сказал?

Федот (выключает телевизор). Нет.

Степан. Ох ты ж, блин... Такую ошибку совершил! Как всегда, не правильно всё делаю. Я должен это был с самого начала сказать тебе! Вот чтоб ты, только, на пороге появился, а я сразу тебе сказал бы это: « У меня к тебе, Федот, важное предложение! Остаться, за место меня, уполномоченным.» Ровно на неделю! Нас, видишь ли, тоже в столицу вызывают. От каждого поселения по десятку человек – надзирателей. «Повышенная безопасность» называется. Будь не ладна эта конференция...

Федот. Конференция?

Степан. Перед этим в отряде внутренняя зачистка прошла. Пришлось пятерых предателей выжить. Зачистка, блин... а мне теперь оставить даже не кого! Ты моя надежда сейчас.

Федот. Я-то тут причём?

Степан. Контингент тебя уважает, Федот. Да и на конференцию кого попало не вызовут. Само государство доверяет тебе. Шутка ли... Орден дали... Вот скажи, разве тебе не приятно, что власть к тебе так, всей душой повернулась? Это ж... Сам понимаешь...

Федот. А я могу подумать? Чтоб не так сразу...

Степан. Конечно. Подумай – подумай, но... мой тебе совет – не дрони судьбу... Если не ты, то кто тогда? Томышев?

Федот. Томышев? (*Пауза.*) И что надо делать уполномоченному?

Степан. Оружие я тебе не оставлю, извини, не могу... Ключи от всех помещений, вот, держи. (*Кладёт на стол большую связку ключей.*) Но и это ещё не всё, смотри-ка что дам... (*Показывает ещё один ключ.*) Велосипед оставлю!

Федот. Ключи от велосипеда оставишь?

Степан. Оставлю... Как символ власти. Вот... (*Отдаёт ключ Федоту.*) Не разучился ездить-то ещё?

Федот. Да вроде нет.

Степан. Главное, смотри, чтоб никто не сбежал. Ни каких рецидивов чтоб. Своих информаторов я не сдам, извини. Так что сам смотри... Правда они тоже, блин, иногда такого понапишут... пару раз и на тебя писали... Подкоп, говорят, ты роешь, сбежать, вроде как, хочешь.

Федот. Кто? Я?!!

Степан. Будь спокоен. Я им так и сказал: «Федот – не идиот, чтоб подкопы рыть!». Какие подкопы-то? У нас за территорией даже «колючки» не осталось... Всю проволоку уже на новогодние ёлки скрутили. А про подземные мины каждый дурак знает... Ладно, чаёк попили, пора и честь знать. За нами машина должна придти. Пойду... а то мои и проворонить могут. (*Встаёт, идёт к выходу...*) Чувствую, что власть в тебе не опилбась. Не провожай меня...

Картина вторая

Ровно в семь порог дома Федота переступили Педрос и Акчаруд. Вернулись домой точно по графику. Оба они одеты в женское. В руках Акчаруд большой походный котелок.

Федот. О, вернулись...

Педрос. О... (*Увидев Федота, застыл на месте.*) Вернулся...

Федот. Вернулся. А мы и не ждали уже, да?

Педрос. Да нет. Почему же сразу... Ждали мы. Не думали просто...

Федот. А я вот он вот. Стою пред вами. Как дела-то хоть, семья? Что нового, пока меня не было, было у вас?

Педрос. Да так... Как сказать?.. Со столовки пришли. Вот, с собой взяли, сейчас как раз и поедим. Как чувствовали мы, что вернёшься-то ты.

Федот. А чё в доме такой беспорядок? И чем это пахнет таким?

Педрос. Да где? Убирались мы... Да и что ж мы стоим, как не родные?!

Федот, радость-то какая, живой! Вернулся! Акчаруд, а ну – обними папку!

Акчаруд бежит к Федоту, обнимает его.

По идее, Акчаруд бы сейчас самое время кричать: «Папка, Папка!» Да, только, немой он. Не может.

А так-то про себя, он, конечно, кричит, радуется!

Федот. Здравствуй, здравствуй, Акчаруд. Совсем большой стал... Всё, хватит, отстань. Ну, что вы там со столовой принесли? Давайте, накройте тогда. А то мне этот чай с начлагерем поперёк горла всегда...

Педрос. С начлагерем? У нас?! А он-то как? Что он здесь... искал чего-то?

Федот. Да встречать, встречать приходил... Он власть же, ему уж давно позвонили... Сообщили обо мне. Что там с едой-то?

Педрос. Сейчас-сейчас, конечно, это я мигом... Акчаруд, (*показывает руками*) накрой на стол, неси приборы.

Федот садится за стол. Педрос открывает котелок.

Федот. Ох, запах-то какой... м-м-м... Что там сегодня? Дай посмотрю... (*заглядывает в котелок.*) О-о, пюре с зелёным горошком!

Педрос. Ага, почти как ты любишь.

Федот. А что же это так много? Набрали-то зачем? Не доедаете что ли?

Педрос. Да как – много? Обычно...

Акчаруд приносит тарелки и ложки.

Педрос (*накладывает*). Что, Федот, расскажи хоть нам, где был? Интересно...

Федот. А вот всё тебе знать-то надо, да? Всё нос съёшь свой... (*Пауза.*) Спрашивай, чего рассказать-то тебе?

Педрос. Куда возили тебя на этот раз?

Федот. В Можгу!

Педрос. В Можгу? Нет, ну хотя на машине... Это серьёзно тогда.

Федот. Да... пару часов ехали всего.

Педрос. Говорят, там, в Можге, все дома бронированные. Это что, правда?

Федот. Враньё всё. Чего их бронировать-то? Это выдумки, народный фольклор всё, не верь... Вот Сарапул, тот да... весь бронированный.

Педрос. Тебя и в Сарапул возили?

Федот. В Сарапул? Нет.

Педрос. Откуда знаешь тогда?

Федот. Знаю, слышал ... Говорили люди...

Педрос. А-а... тогда, конечно... А за что хоть тебя? Ничего не говорили?

Федот. За хорошее поведение! Вот не поверишь. Сам не пойму... Чем это пахнет-то?!!

Педрос. Да вроде свежее всё. *(Нюхает содержимое тарелок.)* Показалось тебе.

Федот. Да нет же... *(Встает со стула.)* Чувствую я, чем-то другим пахнет. Как надушился будто кто! *(Пауза.)* Та-а-а-к! Педрос!

Педрос. Федот?!

Федот. Педрос-с... Чем воняет?! Ну-у-у?!!

Педрос. Начлагерь приходил, может им?

Федот. Да нет... Акчаруд, *(показывает,)* подойди-ка сюда...

Акчаруд подходит.

Федот *(принюхивается)*. Вот, вот, вот... Запашок какой-то... Чужим. Чем-то чужим пахнет... Свободы запах какой-то... Педрос...

Педрос. Федот, я тебя умоляю...

Федот. ...ты мне ничего рассказать не хочешь?

Педрос. Федот, только не по лицу. Только не по лицу...

Федот. А ну, как баба, ныть перестал! Перестал, я сказал!

Педрос. Да не виноваты мы! Он сам к нам ночью пришёл... Ночью, слышим стук в окно. Ну, встали... Так то ж, мы думали, что ты это... ты – домой вернулся. Ну и открыли сразу! А там... А он... Весь такой... Знаешь, он как ... Весь такой... другой он, другой. Весь такой... В общем это...

Федот. Чего?!!

Педрос. Так – чего! Деть-то куда его было? Зашел уж раз... Спрятали его, пока не видел никто.

Федот. Кого – его-то?!!

Педрос. Федя, умоляю....

Федот. Ах ты ж, блин... Блинский рот! Хуже бабы ты, Педрос. Не разумею ничё... Акчаруд! *(Показывает, как может.)* А ну, объясни мне, кого вы в дом привели?

Акчаруд *(начинает объяснять на языке жестов)*. Ночью пришел человек к нам. Назвался Сталкером. Сказал что он из свободного татарского города Агрыз. И что может вывести нас всех отсюда в их город...

Федот внимательно смотрит на Акчаруд.

Акчаруд (*продолжает объяснять*). Мы согласились. Думали, ты уже не вернёшься. Вообще тебя не ждали даже. Вот, еду ему и носили. Три дня он у нас, пока в кладовке живёт...

Федот. Ни хера не понимаю... Педрос, он действительно что-то рассказывает, или просто руками машет?

Педрос. Вот бы знать.

Федот. И, главное, его же кто-то этому научил... А вот интересно...

Акчаруд всё ещё пытается что-то объяснить, но Федот его останавливает.

Федот. Ладно-ладно, Акчаруд, спасибо дочка... Садись есть. Молодец....

Акчаруд (*без жестов, зато взглядом*). Да бли-и-и-и!!! (*Резко срывается с места, убегает.*)

Федот. Что это с ним? (*Садится на стул.*) Ну да ладно... Хотя, вот мне ещё интересно, а как глухонемые песни поют?

Педрос. Ты уж который раз это спрашиваешь?

Федот. А ты мне зубы-то не заговаривай. Понял? Я вот сейчас доем... Я из тебя всю правду вытрясу! Кто это – «другой, весь такой»... Сейчас-сейчас, только дай доем...

Вдруг на пороге появляется Акчаруд и вместе с ним незнакомый Федоту человек. Он и правда – «весь такой», «другой».

Акчаруд (*показывает*). Это – он!

Федот (*привстает с места*). Так, так, так... Стало быть...

Сталкер. Здравствуй, Федот. Я Сталкер. Я из свободного татарского города Агрыз. Я могу вас вывести отсюда.

Федот. Так это – он?

Акчаруд и Педрос кивают: «Да-да, это он».

Федот. Сталкер?

Сталкер кивает: «Да, это так...»

Федот (*идёт к Сталкеру*). Из свободного татарского города...

Сталкер, Педрос и Акчаруд кивают: «Да, да, да...»

Федот (*стоит перед Сталкером почти в плотную*). ...из города Агрыз?

Сталкер. Да.

Неожиданно для всех, Федот с криком: «Хайта»...

Федот. Хай-та-а!!! (*правда ведь, неожиданное слово?*)

... бьёт лбом со всей дури Сталкера в челюсть.

Картина третья

Два стула, кровать, диван, стол, чайник, телевизор похожий на микроволновку...

Именно это увидел очнувшийся после удара в челюсть Сталкер.

За три дня пребывания в этом доме обстановка была хорошо ему знакома. Впрочем...

Стоп! А где же третий стул?!!

Федот. Очнулся, Сталкер? Не пытайся даже вырваться, я крепко привязал тебя к стулу!

Сталкер. Так вот где он...

Федот. Хорошая у нас верёвка, правда? По себе знаю, не вырваться вовсе...

Педрос. Федот, зачем же так?!

Федот. Не скули, женщина! Я за тем это так, что Степан... Падла! ... проверку устроить решил мне! Не видно разве? А я-то уши развесил, поверил ему. Уполномоченный... конечно, как же... *(Подходит к Сталкеру.)* Ну, что? Где микрофон спрятан?! Здесь? Здесь? Или там? Алло! Стёпа-а?!! *(Кричит в тело Сталкера.)* Степан, слышишь меня?! Провокация не удалась! Никуда не собираюсь я! Слышишь, нет?!!

Сталкер. У меня нет микрофона!

Федот. Молчи, гад! *(Бьёт Сталкера по лицу.)* Не с тобой говорю. Со Стёпой, с начлагерем нашим.

Сталкер. Нет у меня ничего! Я, правда, из...

Федот. Заткнись! *(бьёт.)* Где микрофон у тебя? А ну говори! *(снова бьёт.)*

Сталкер. Нет его.

Федот. Рот заткни! *(И ещё раз бьёт.)* Признавайся лучше, где его спрятал?!! Не молчи!

Федот никогда не был надзирателем, поэтому метод допроса у него был слегка странноват.

Сталкер. Блин, да...

Федот. Хай-та-а!

После этого крика, не изменяя своим традициям, Федот нанёс Сталкеру свой коронный удар в челюсть.

Не изменяя и своим традициям, Сталкер снова отключился.

Педрос. Ты зачем его убил?

Федот. А затем, Педрос, что не надо вот в дом пускать каждого, кто ночью в окошко постучится...

Педрос. Так всё равно... Убивать-то зачем?

Федот. Да кто кого убил-то? Больно надо... Акчаруд, *(показывает,)*

воды принеси, пожалуйста... Сейчас мы его реанимируем... Он всё мне скажет.

Педрос. Он и так всё сказал.

Федот. И ты поверил? Провокатор это, провокатор, понимаешь? Не видишь что ли? Забыл, где живём-то мы? Только всё налаживаться стало... Только мне орден дали...

Педрос. Какой орден?

Федот. А вот... *(Достаёт орден, прицепляет его на грудь.)* «За скромность и верность».

Педрос. А чё не сказал нам?

Федот. Сюрприз хотел сделать. Да вы меня опередили, идиоты... Меня, как голос простого рядового контингента, пригласили речь сказать на конференцию, в Центр! А это ведь уважение, почёт, послабления какие ни какие...

Педрос. А начлагерь причём?

Федот. Да притом! За место себя на неделю, за порядком смотреть оставил. А сам к вам, этого вон, подослал... Чтoб с поличным взять. Ему же за это... ого-го... самому орден дать могут! Теперь понял, в какие игры мы тут играем?

С ведром воды возвращается Акчаруд.

Федот. О, вода! Сюда давай... *(Забирает ведро у Акчаруд.)* Сейчас я его, оклемаю...

Сталкер *(приходит в себя)*. Не... Не... Не надо... прошу вас...

Федот. Ох ты ж, блин... Ну, нет... Не для того я дочь за водой гонял. А ну-ка!.. *(Выливает всю воду на Сталкера.)* ...очнись, татарин, хватит спать!

Два стула, кровать, диван, стол, телефон...

От холодной колодезной воды Сталкер окончательно пришёл в себя. За три дня пребывания в этом доме... Стоп! Опять что-то не то. В этом доме не могло быть телефона!

Сталкер. Телефон... Телефон? Телефон... Телефон!

Федот. Что, заговорил?

Сталкер. Да-да... Телефон! У меня в кармане телефон, тут... *(Показывает взглядом.)* Скорее, вытащите его... Он намокнет.

К Сталкеру подбегает Акчаруд, лезет к нему в карман и достаёт из него пластиковую не понятную вещь...

Акчаруд *(показывает Федоту)*. Телефон. Это – телефон...

Федот. Я не понял. Микрофон или... Что это?

Сталкер. Это дорогая вещь. Его мочить нельзя, а то испортится, сломаётся...

Федот (смотрит на непонятную ему вещь). Это что же за телефон-то такой? Куда тут говорить-то? Где тут слушать?

Педрос. Да-да, Федот, он нам эту штуку уже показывал. Не наши это технологии... честно, Федот.

Сталкер. Включите его, как я показывал. Пусть увидит сам.

*Акчаруд нажимает на телефоне какую-то кнопочку, но...
...намок телефон. Засветился экран, да тут же и погас.*

Сталкер. Вот чёрт!

Федот. И что? Это – всё?! Не наши это технологии?

Педрос. Так ты же намочил его. От этого он... А раньше-то работал.

Федот. Ой, всё, хватит! Хватит мне...

Вдруг Акчаруд перевернул телефон и стал что-то показывать Федоту.

Федот. Что это? Что? Не понимаю я...

Акчаруд (показывает). Да вот же, вот же ... Смотри, читай...

Федот. Да, блин, что? Что там написано? По не нашему что-то... Не разберу я...

Акчаруд кивает головой: «правильно, не по-нашему, да-да...»

Федот. Постойте-ка... Это не марки «Аллигатор» что ли?

Акчаруд (кивает головой, показывает). Да-да, именно...

Федот. Так если не «Аллигатор»... это значит что он...

Сталкер. Я из свободного татарского города Агрыз.

Картина четвертая

За те пару минут, пока Сталкера отвязывали и дали ему умыться, обстановка в доме не изменилась... Три стула, кровать, диван... ну, вы знаете.

Федот. Так, стало быть – Сталкер...

Федот и Сталкер сидят за столом. Остальные на диване.

Федот. Допустим, ладно, я тебе поверил... Ты уж извини, что я так... погорячился я...

Сталкер. Бывает. Чего уж там...

Федот. Да нет, правда, извини. Не за себя же я... Семья у меня. Я сам, знаешь, власть не люблю. Порядки, законы эти – дикие... но тут, видишь чё, повернулось всё как. Орден «за скромность и верность» дали... подожди, ты же, кажется, не ел ещё сегодня? Педрос!

Педрос. Чего?

Федот. Со столовки приносили ужин, осталось там ещё?

Педрос. Да, полно... *(Показывает жестами Акчаруд.)* Иди, чайник поставь и еды принеси.

Акчаруд встаёт, уходит.

Федот. Ты извини, Сталкер, что телефон сломал твой. Я же не знал, что водой его нельзя.

Сталкер. Пустое это. Зарядка села просто. Не успел он промокнуть... Зарядить надо его и всё.

Федот. Что? Не, я таких телефонов точно никогда не видел...

С котелком возвращается Акчаруд.

Педрос. Что ты, Федот, да у них там такое есть... Микроволновки! Слышал про такое? Короче, это вот такая печка... На наш телевизор похожая. ...в которую, суп в простой тарелке ставишь, две минуты, и суп горячий! А если железную поставишь, то... Нельзя! Представляешь, в простой тарелке, суп греет!

С последними словами Педроса на тарелку Сталкера шлёпнулся застывший зеленый комок – пюре с горошком, заботливо вываленный Акчаруд из котелка...

Сталкер *(смотрит в тарелку)*. Да... жалко, что у вас нет микроволновки.

Федот. Там-то у вас, наверное, много чего изменилось? На Марс, поди, уже летаете?

Сталкер. На Марс? На Марс нет, ещё не летаем. Не всё так хорошо, конечно, но получше, чем здесь...

Федот. Да... *(Пауза.)* Так какими судьбами у нас? Как прошёл через границу? Ты не стесняйся, ешь давай...

Сталкер. Спасибо, я уж чай дождусь.

Федот. Ладно, как ведь хотите... Педрос, есть будешь? И что там с чаем у нас?

Педрос. Сейчас налью... *(встаёт, идёт за чайником.)*

Сталкер. А через границу, есть у нас тропинки. Не первый год я у вас хожу. И не просто так... Я вас всех вывести могу.

Федот. А вот с этим ты пока погоди... Побег это... Вот если бы ты недельку назад пришёл, тогда бы... А сейчас...

Педрос *(принёс чайник, наливает кипяток в кружки, кидает заварку)*. Федот, ты же сам всегда хотел... Мы же подкоп с тобой рыли!

Федот. Ой, да какой подкоп?! Что я тебе, идиот, что ли? Все знают про подземные мины! Погреб это просто был... Погреб! И хватит, не будем об этом. *(Пауза.)* В общем, про побег не надо нам пока... Расскажи лучше, что у вас там, как? Чего вообще нового?

Сталкер. Да из меня рассказчик, скажем так, не важный. Чем слушать, лучше увидеть всё самим, наверно. Так ведь, нет?

Педрос. Так, конечно, лучше один раз увидеть, чем...

Федот. Ой, ты-то, Педрос, помолчи лучше! Увидеть ему... Ты скажи, вы сахар на меня брали?

Педрос. Да, есть там немного...

Федот. Вот и отлично. С сахаром попьем чай сегодня.

Педрос приносит сахар, кладёт его в кружки...

Федот. Не ловкая у меня ситуация сейчас... Через неделю на конференцию... Тут ещё орденом наградили... Вот и начлагерь, за себя старшим оставил... Можно сказать, в шоколаде всё стало. А тут ты. По-хорошему, так я вообще должен был бы тебя схватить и поместить куда следует. Вот фарт пойдёт у меня тогда, а! Ещё и медаль дадут! Педрос, как думаешь, может сдать его?

Педрос. Нет, ты не сделаешь этого!

Федот. Ой, умолкни там... Конечно, не сделаю... Потому как ничью жопу лизать не обучен! Но и вами рисковать не намерен я. Про побег забудьте сразу. Не побежим мы никуда.

Педрос. Федот, ну...

Федот. Всё! Точка! Я так решил... (Пауза.) Но, а вот, послушать, что в мире происходит, мне интересно. Может, Сталкер, всё же расскажешь нам?

Сталкер. Ладно... Я расскажу, если так хочешь. Я расскажу тебе Федот, что во всём мире нет таких порядков, как у вас. Что во всём мире каждый сам вправе выбирать, с кем ему жить, а с кем умирать. Кем быть и чем заниматься. В кого и во что ему верить. Даже во что ему заблуждаться... Понимаешь, Федот? Хочет ли он от кого-то зависеть, или хочет быть независимым. Все делают то, что они хотят! Хотят, продают пылесосы, не хотят – тупо бухают...

Федот. Причём тут пылесосы?

Сталкер. Не причём. Просто неудачный пример... Ошибки молодости. Но я не об этом. Там, за границей закрытой зоны, все уже давно привыкли называть вас – «Концлагеристами»! Да, многое скрывается, но информация просачивается... Защитники прав человека, такие как я, давно пытаются бороться с этим. Идёт настоящая война!

Федот. Вас там армия целая, что ли? А ты у них разведчик?

Сталкер. Нет, к сожалению... Ваша закрытая зона удобна для разных верхушек... И нам мешают. Но мы боремся!

Педрос. «Концлагеристы»? Нас так называют?!

Федот. Нет, я согласен что у нас строго всё. И пукнуть-то лишний раз боишься, но...

Педрос. Да мы, вообще-то, неплохо живём. Вон у нас и чай с сахаром есть. А в концлагерях и того не было.

Сталкер. Вы меня извините, но я сказал то, что у нас говорят... Когда я возвращаюсь домой, меня просят рассказать про тех кто живёт здесь... Так вот, от того что я здесь видел, у людей волосы встают дыбом... А если вы и подкуп делали, значит и сами об этом думали. Решайтесь! Тем более,

сейчас самое безопасное время. Риска почти никакого. Федот, вы же за старшего, значит, соглядатых нет!

Федот молчит...

Сталкер. Так что, будем думать или приобретать?

Федот. Чего?

Сталкер. В смысле... Тьфу ты, оговорочка. ... будем жить свободно, или продолжим «концлагерить»?

Федот. Вот пристал-то ты! Погоди пока... Думать надо тут. Да и не кричал бы ты так. У нас в это время слышно даже, как летает комар у соседей... Время-то сколько там? Педрос, глянь!

Педрос. Отбой уж скоро...

Вдруг входная дверь распахивается и в дом влетает комар...

Картина пятая

Томышев. Бз-з-з... А вот и комар... Бз-з-з-з... залетел на огонёк.

Федот. Томышев?!

Томышев. Федот?! Вернулся! А я думаю, кто это у Федота, пока его нет, в гостях сидит...А это сам Федот!

Федот. Чего надо-то? Кто-то звал тебя, что ли? Что пришёл?

Томышев. В гости. В гости я. *(Проходит, садиться на диван.)* Ты ж гостей принимаешь, вот и я – посижу... От чая, кстати, не откажусь.

Педрос. Акчаруд, *(показывает на стол.)* убери-ка все со стола.

Акчаруд не заставляет себя ждать, быстро убирает посуду, уносит...

Томышев. Так, значит, да? Ладно. Мы и на сухую поговорим. Я – Томышев.

Федот. Мы и так знаем, кто ты.

Томышев. А я и не для вас, я Сталкеру говорю. Вы же сами не зазнакомите. А мне, может, очень интересно, человека с воли послушать.

Сталкер. Да я, собственно...

Томышев. Согласен с вами, время сейчас, чтоб бежать, самое подходящее. Считаю, и начлагерь уехал со своими, да и в полях сейчас никого нет.

Федот. Ты чего мелешь-то? Ты что это...того?

Томышев. Чего – «того»? Ну, не подкуп же рыть, как некоторые...

Федот. Какой... Погреб это! Погреб был... А ты, вообще...откуда это?!!

Томышев. Ой, Федот, тут уж все знают... Погреб! Ага...Это, похоже, ты один только не знаешь... Всё думаешь, что – «погреб»...

Федот. Ах ты ж... Сволота! *(Вскакивает с места.)* Ты какого, вообще, припёрся?!! Не перепутал ли чего? Не у себя в доме-то, я тут хозяин!

Томышев. Ты? Ладно, я Стёпе передам.

Федот. А он уже передал. *(Вытаскивает из кармана ключи от велосипеда, показывает.)* Вот это видел? *(Затем показывает орден.)* А вот это?!! Я тебя, падлу, в миг, разотру!

Педрос. Да. И мы все, свидетели будем. Всё подтвердим... Какой ты сука.

Томышев. Федот?.. Педрос?.. Да я же... Да ладно вам... Я ж пошутил! Я же...вы же... Вы же меня знаете...

Педрос. Мы-то тебя знаем. Очень хорошо знаем...

Томышев. Да я же – свой! Федот, ну прости, что ты, я с вами хочу, честно. Я никому ничего не скажу. Клянусь вам! Братцы...

Федот. Считаю до трёх, тебя – нет... Раз-з-з... Два-а-а...

Сталкер. Погоди, Федот. Вообще-то, нам ещё пара рук, лишними не будет. До границы мы легко, а вот там... Там он нам может пригодиться.

Федот. Да какой – «там»? Я ещё ничего не решил.

Томышев. Так решайся, Федот! А в дороге вам фельдшер может и пригодиться. А, верно я говорю, Сталкер?

Сталкер. Это ваш местный эскулап?

Томышев. А то... *(улыбается, роется у себя в кармане, достаёт ампулу.)* Глюкозы не желаете? К чаю, вместо сахарку? *(Суёт ампулу Сталкеру.)*

Федот. Эскулап... Такой же врач, как из меня... Зелёнка, анальгин, глюкоза, больше ничего и не знает. ...балерина. Тебе вообще, Томышев, зачем бежать-то? Тебе же и здесь хорошо! Собрался он... Начлагерю всё, что можно, вызывал уже. Чего не сидится-то?! Куда лезешь? Весь в глюкозе, чего надо-то?

Томышев. Так воля там, Федот. Свобода! А ты разве не хочешь? Педрос, скажи, ты свободы хочешь?

Педрос. Все хотят, и я хочу.

Томышев. Вот видишь – хочет! Все хотят! Сталкер, скажите вы им... У вас же хорошо?

Сталкер. Лучше, чем здесь...

Томышев. Во-о-от! И я про то... Хочу, Федот, делать, как хочу и жить, как хочу. Всего хочу! Хочу вот, к примеру придти с работы домой и сигарету выкурить. Целую... Настоящую... А не из листьев сушённых. И чтоб не бояться, что придёт кто-то и нюхать станет, пахнет или нет. Сталкер, у вас там сигареты есть?

Сталкер. Есть. Ассортимент широкий.

Томышев. Раньше-то я только с фильтром всегда сигареты курил. «Без» – не признавал. Когда «Аллигаторы» только продавать стали, я их курил, деваться некуда было. А потом даже их не стало. Здоровый образ жизни, блин, ввели. Ночью встанешь... И прямо пустота такая... Курить хочется. Вот впёрся мне их ЗОЖ.

Педрос. Ты же фельдшер.

Томышев. А курить-то хочется...И выпить, тоже хочется... Это сильнее меня! Сталкер, а у вас там щас какие нынче сигареты курят?

Сталкер. Сейчас-то? Сейчас электронные в моде.

Томышев. Слыхали? Электронные! Никогда таких не пробовал. А вы пробовали?

Федот. А нам и не надо.

Томышев. Дак, я так понимаю, у них много чего нового там. Что, вы попробовать не хотите? Федот? Педрос?

Федот. И это – свобода?

Томышев. А чё, нет?

Федот. Я так скажу тебе, Томышев. Чего мы хотим, а чего нет, я бы тебе, даже в Можге не сказал бы. Не тот человек ты, которого, я с собой куда-либо взял бы... Тем более, в такое предприятие. Доверия у меня, да и у всей моей семьи, к тебе – никакого нет. По поводу тебя у нас одно мнение... Педрос, скажи...

Педрос. Говно-человек.

Федот. Вот именно. Так что, шёл бы ты отсюда. А то я воспользуюсь полномочиями, теми, что Стёпа возложил на меня...

Педрос. Намёк ясен тебе? Комар...

Томышев. Да ладно, полно те вам... Братцы... Федот, Педро... Простите... *(Встаёт на колени.)* Я искуплю! Я всё искуплю... Только, возьмите, Федот! Сталкер!

Томышев ползает на коленях от одного к другому, заглядывает к каждому в глаза, пытаясь вызвать толику сострадания или жалости... Но тщетно всё.

Федот. Пшёл прочь! Сказано тебе: «иди домой»!

Томышев пал ниц на пол. И завыл, как пёс...

Сталкер. Да что ж вы это?! Как нелюди-то? *(Подходит к Томышеву, пытается поднять его.)* Вставай, Томышев! Поднимайся...

Федот. Зря ты так. У него это любимая миниатюра в его шоу. Не первый раз наблюдаем.

Сталкер. Я думаю, он искренне... Успокойся... Всё, всё, хватит... Мы возьмём тебя с собой. Слышишь? Возьмём.

Томышев, не переставая выть, приподнимается, садится на пол.

Сталкер. Налейте чаю ему. Пусть попьёт, успокоится... Акчаруд, принеси, пожалуйста, если есть там.

Акчаруд смотрит сперва на Федота...

Федот. Неси, ладно...

Акчаруд приносит чай.

Сталкер. Спасибо, Акчаруд. Томышев, на вот, попей... Успокойся. Томышев *(успокаиваясь)*. Вы честно возьмёте меня?

Федот молчит.

Сталкер. Да возьмут, возьмут. Пей.

Томышев. Хорошо... Я искуплю всё. Правда. Я буду хороший. Вот увидите!

Томышев берёт кружку с чаем, делает из неё пару глотков и... с возмущенным видом, как будто ещё пару секунд назад ничего не происходило, и он не ползал тут перед ними на коленях, говорит...

Томышев. Фу-у-у! Не сладкий чай-то!

Федот. Чего-о-о?! Тебе ещё и сладкий?!!

Сталкер. Ладно-ладно, сейчас сделаем. *(Достаёт ампулу.)* Вот, держи... Тебе нужнее она.

Томышев забирает ампулу, ловко вскрывает её, выливает содержимое в кружку... Пьёт.

Томышев. Что-то всё равно не то!

Сталкер. Да пей уже, пей!

Томышев допивает чай.

Сталкер. Полегчало? Успокоился?

Томышев. Ага.

Федот. Вот и славно. Теперь домой чиздуй уже.

Томышев. Но... Вы же обещали...

Федот. Ничего я тебе не обещал. У нас отбой уже так-то. Я на проверку скоро пойду.

Томышев. А-а-а... Ты вон оно что... Понял, не дурак! Всё, меня нет, я исчезаю. *(Поднимается с пола, идёт к выходу, на пороге останавливается...)* Так, а мне во сколько приходиться завтра? Когда, вообще, идём-то?

Сталкер. В двенадцать приходи.

Томышев. Перед обедом, что ли?

Сталкер. Да, перед обедом... возьми всё не обходимое и...

Томышев. Всё понял! Я не подведу, вот увидите! Я приду... Я не подведу, обещаю, клянусь!

Педрос. Да вали уже, блин, а?

Томышев исчезает...

Федот. Зря мы его отпустили. Сдаст он нас.

Сталкер. Не сдаст.

Педрос. Томышев – сдаст! Он и живёт-то один, потому что всю семью свою сдал...

Сталкер. Что, совсем плохой?

Педрос. А то... Говно-человек. Что ты, он такое говно, что... Вот если его в выгребную яму, где только одно говно плавает, опустить... Он и там всплывёт, не потонет... Бесит прямо!

Сталкер. Да ладно вам... Не всплывёт он больше. *(Улыбается.)* Я ампулу подменил, не глюкозу я ему дал... Не придёт он завтра.

Картина шестая

Федот и Педрос лежат на диване под одеялом. Темно...

Акчаруд и Сталкера рядом нет. Судя по всему, они спят в другой комнате...

Педрос. Сталкер, всё-таки, наш человек. Как он догадался этому Томышеву ампулу с ядом подсунуть... Молодец ведь какой.

Федот. Откуда она у него вообще была?

Педрос. Ты чего? Он для себя же её носит... Что не понятного? Для себя, конечно. А вдруг в плен возьмут и пытаться будут?

Федот. И всё равно, тёмный он...

Педрос. Не веришь до сих пор, значит?

Федот. Да как сказать... То, что не наш – верю. А вот... А вот мы-то ему зачем? Что он о нас так печётся, не понимаю. Чего вот ему, делать больше нечего, как нас через границу проводить?

Педрос. Так за идею он!

Федот. Ой, да какую идею?! Идейного нашёл... Не верю я! Идейным всем... Терзают меня сомнения. А вдруг проверка это? Тогда что?

Педрос. Да кому мы с тобой нужны, Федот?

Федот. Вот не скажи... Орден же дали! Неспроста ведь...

Педрос. Задрал уже ты, со своим орденом! Даже спишь с ним, не снимаешь...

Федот. А что? Какой ни какой, а мне приятно...

Педрос. В первый день, когда Сталкер к нам пришёл, говорил он нам, что раньше семья у него в Удмуртии была. А пока он в Агрызе в командировке был, границу закрыли... Пытался их вытащить, да не успел.

Федот. В смысле? Как это? Почему не успел?

Педрос. Да болел у него кто-то, сильно... толи сын, толи дочь... Не разобрал я. Пока бумаги оформлялись... В общем, не успел он. С тех пор и...

Федот. Мстит что ли так?

Педрос. Вроде как.

Федот. Так кому мстит-то? Ничего не пойму! Себе что ли? Или системе?

Педрос. Да что ж ты, блин, прицепился: «Кому»? Мстит, и всё!

Федот. Я разобраться хочу. Понять. Зачем ему это?

Педрос. Да боишься ты просто, вот и всё!

Федот. Я?! Боюсь?! Да с чего-ди?!!

Педрос. С того-ди! То дак подкоп рыть будем, то дак орден ему дали, по головке погладили разок... и всё! Скуксился Федот!

Федот. Да как ты... вообще... такое?

Педрос. А так! И одеяло дай, а то всё к себе стянул опять... Эх ты, Федот! Мы-то с Акчаруд думали, что ты только рад такому гостю будешь. А ты ему и в морду, и да, не веришь ещё... к тому же... Ай да, блин... Не узнаю тебя!

Педрос резко отворачивается к стенке, замолкает.

Федот. Педрос? (Пауза.) Педрос, ты слышишь? Педрос? (Толкает Педроса в бок.) Обиделся что ли? Надулся? Ну прости... Извини, малыш... Я же не за себя. Я же за вас больше переживаю. Со мной-то ладно, а вот с вами что случись, я же не прощу себе этого. Понимаешь, нет?

Педрос. Угу...

Федот. Да что – «угу»? Ну нельзя так тоже... Вот просто взять, бросить всё и бежать. Нельзя. Надо же всё равно как-то взвесить всё, обдумать. А не так, что бы...

Педрос (разворачивается). Подкоп когда рыть заставлял, это ты думал тогда?

Федот. Тогда у меня хоть какой-то план был.

Педрос. На подземные мины нарваться? Это твой план был? Ведь ты про них тогда ничего не знал... В башку себе вбил чего-то там, вот и весь план... был. А сейчас всё как нельзя лучше сходится. Всё за нас веды Такой шанс!.. И у тебя плана нет?!! (Пауза.) Да какой, в жопу, план тебе ещё нужен?!!

Все говорили, что не вернёшься ты. И нам с Акчаруд сразу бы равнать со Сталкером... Ан нет, мы тебя ждали. Да, видно, зря!

Педрос снова отворачивается.

Федот какое-то время молчит, затем поднимается, садится на край дивана и обхватывает голову руками...

Федот. Прав ты, Педро... Скукислся ваш Федот... Плохой из меня муж. Не хозяин я больше в этом доме... Трус! Трус я самый последний! Ненавижу себя... Всего боюсь! Э-э-э-эх... (Бьёт себя по голове.) Не достойный я более... Э-э-э-эх... Тряпка я.

Педрос (Разворачиваясь к Федоту). Федот, ты чего это? Ну перестань... Чего ты?

Федот. Скукислся! Раски! Э-э-э-эх...

Педрос. Федот, перестань, ну... Ты самый хороший.

Федот. Нет.

Педрос. Ты самый лучший...

Федот. Нет, я не такой!

Педрос (обнимает Федота сзади). Такой, такой... Ну, перестань... Перестань изводить себя. Давай лучше ляжем. Завтра всё обдумаем. Утром-то, на свежие головы... Ну?

Федот начинает поддаваться Педросу...

Педрос. Вот молодец! Хороший, Федот, хороший. Ложись давай, ложись.

Федот ложится на место, укрывается одеялом.

Федот. Прости меня, Педрос.

Педрос. Да что ты, что ты... Это ты меня прости, Федот. Это мне надо на тебя молиться, а я такого наговорил.

Федот. И я наговорил...

Педрос. И ты наговорил, да... Мы оба хороши. А знаешь, я Сталкеру тоже не до конца верю... Он когда к нам пришёл, у него рюкзак с собой же был... Ты слушаешь?

Федот. Слушаю. Что у него в рюкзаке там?

Педрос. Конфеты в рюкзаке были. Целый пакет. И, главное, не сосатки ведь какие-то, а батончики. О, как!

Федот. И что из этого-то? Причём тут...

Педрос. При том, блин... При том, что, сколько чай с ним пили, он ведь ни разу даже не предложим нам их... Странно как-то это.

Федот. Сам же сказал, что не сосатки. Вот ничего и странного. Вот ты бы, батончиками поделился бы с кем-нибудь?

Педрос. Батончиками? Да вот не знаю даже...

Федот. То-то и оно.

Педрос. Всё равно странно.

Федот. Если странно, то и спроси у него сам, чего он не поделился-то?

Педрос. Ладно. Спрошу. Как подходящий момент представится. А то так неудобно... Я же в рюкзак совершенно случайно заглянул... Ладно. Всё. Спим.

Федот. Спокойной ночи.

Педрос. И тебе...

Оба замолкают, начинают громко дышать...

Педрос. Федот, ты спишь?

Федот. Чего опять?

Педрос. Спасибо хочу сказать тебе.

Федот. Да за что? Перестань...

Педрос. Спасибо тебе, Федот, за то, что долгом своим супружеским ни разу не воспользовался ты.

Федот. Это тебе спасибо, что сам меня не сдал за это... Я старого формата человек... Вот времена-то, а? Раньше за мужеложство сажали, а сейчас за гомофобию расстрел...

Педрос. Да что ж я, совсем, что ли дурак? Сдавать-то тебя. Только радуюсь сам... Федот?

Федот. Чего?

Педрос. А ты мне изменял?

Федот. ??? Уж если я с тобой-то не... То, что я по твоему...

Педрос. А я изменял тебе, прости...

Федот (*аж подпрыгнул*). Чего??? Ты, Педрос, со всем, что ли??? А я с тобой ещё на одном диване тут!

Педрос. Федот, ты не понял! Я же с женщиной!

Федот. Что? С женщи... С женщиной? Это с кем? Когда это? Где?

Педрос. Ты у Горигаза супружника помнишь?

Федот. Александро?

Педрос. Да. Александро... Так вот... Это – не «Он»... А баба переодетая...

Федот. Баба? Александро – баба? А ты-то как узнал?!

Педрос. Так все знают. Весь Чутожмон наш к нему, то есть к ней, на элеватор ходил...

Федот. Все?!!

Педрос. Даже Акчаруд ходил.

Федот. Все?!! И ты мне не сказал?

Педрос. Я думал, ты сам знал.

Федот. Да я-то откуда?! А ты-то, ты почему мне ничего не говорил?

Педрос. Да я, вроде как, изменял ведь... Не хорошо же...

Федот. Э-э-э-эх... Педрос... *(Встаёт с дивана, ходит по комнате...)*
Дак, а что ж я?! Вот же ж чёрт! Фу-у-у... Ну хоть камень с души свалился...

Педрос. Какой камень?

Федот. Так какой... Я ж думал – всё! Понесло меня тоже, и на эту правильную политическую позицию... Я же, когда Александро вижу, чувствую что влечёт меня к нему... Гнал, прогонял, как мог, мысли эти. А он, оказывается, и не он вовсе! Значит, в порядке всё со мной! Эх, хорошо! Хорошо мне прямо стало сейчас. Завтра, с утра, к Александро на элеватор пойду! Э-э-эх, Педрос. Спасибо тебе. С орденом к Александро приду, она сразу мне и... Дай обниму тебя!

Педрос. Подожди, Федот... Ты же не знаешь ещё. Тебя ведь здесь не было... Прости, но...

Федот. Чего не знаю?

Педрос. Тут такое дело... В общем... Сдали нашу Александро... Нет его... её то есть... больше. Начлагерь её того... Дней пять уж как назад.... Прости, Федот, что... Федот? Федот, ты меня слышишь? Федот, что с тобой? Федот? Федот, не молчи!.. Федот... Федот! Федот!!!

Картина седьмая

Новый день в поселение Чутожмон.

Всё та же обстановка в доме Федота. На трёх стульях, за столом, сидят Федот, Сталкер и Педрос.

На это раз входная дверь заперта доской. Понятно, что разговор идёт очень серьёзный. Не для посторонних ушей...

Федот. В общем, решили мы тут, что твоё предложение, Сталкер, не лишённое совсем смысла. Хотя, риск определённый имеется...

Сталкер. Так вы согласны?

Педрос. Да!

Сталкер. Вот и отлично! Вы сделали правильное решение в приобретение нашего пылесоса.

Федот. Чего?!!

Сталкер. Простите... Тьфу ты, блин! ...ошибки молодости всё. Молодцы что согласились!

Федот. Да это понятно... Хотелось бы обговорить все детали. К примеру, как передвигаться будем? Есть ли у тебя, собственно, карты, маршруты безопасные?

Сталкер. За это не переживайте. Карта у меня всегда с собой, в моём телефоне.

Федот. А если с телефоном что не так?

Сталкер *(улыбаясь)*. Хе-х... На этот случай карта в виде татуировки наколота на моём теле...

Федот и Педрос с недоумением смотрят на Сталкера.

Сталкер. Ах да... Эта шутка у вас никогда не проходит. Вы же сериал этот не смотрели... Шутка это, расслабьтесь!

Педрос. Фу-у... Я уж подумал, больной ты. Зря поверили тебе...

Сталкер. Все карты у меня в уме держатся. Но, есть и самый простой вариант... *(Достает из своего рюкзака обычную карту и кладёт её на стол.)* Вот, на этой карте все маршруты отмечены уже. Можешь изучить...

Федот. Хорошо. Ладно, с этим разобрались. Когда идти думаем?

Сталкер. Судя по обстановке, выдвигаться можно хоть прямо сейчас.

Федот. Сколько идти до Агрыза?

Сталкер. Максимум три дня. Это если пешком.

Федот. Хорошо, предлагаю сделать так... Вы втроём идти можете сейчас...

Педрос. Федот, нет!

Федот. Помолчи пока. Я вас догоню потом, на велосипеде. А пока вас нет, я присмотрю чтоб без подозрений всё было. Мало ли что? Вдруг вернётся кто?

Сталкер. Это мысль. Я отмечу место встречи, где нам тебя ждать...

Федот. Спасибо. К тому же, если Томышева отравленного найдут, в Чужожионе шум подняться может. Мне как уполномоченному разобраться с этим надо.

Педрос. А что насчёт еды? Три дня это много.

Федот. Ты же у Сталкера хотел спросить кое о чем? Спрашивай...

Педрос. Да нет... Не тот момент пока... Может картошка на полях ещё осталась?

Сталкер. Нет-нет, картошку печь надо, а это костёр разводить. Костёр разводить опасно.

Федот. Ладно, что-нибудь сообразим. Есть у меня...

Раздаётся стук в дверь.

Педрос. О, Акчаруд с прачки вернулся. Открою пойду...

Педрос убирает доску, открывает дверь. На пороге стоит...

Педрос. Томишев?!! Ты?!!

Томишев. Я. Пришёл, как договаривались. *(Проходит в дом. Показывает свой вещмешок.)* Вот, собрался. Всё нужное взял... Правда, думал что не дойду уже... можно, я присяду? *(Садится на диван.)* Вчера от вас ,

только вернулся, только домой зашел... И чувствую, как прихватило всё внутри. Всё, думаю, помру щас... Кони двину...

Федот. Так что ж не помер-то?

Томышев. Дак как?! Я же поклялся, что вас не подведу... Вот и... Слабительного выпил... Ночь в нужнике просидел. Зато выжил! А что? Что вы так на меня смотрите?

Федот. А что нам? Как на тебя смотреть ещё? Или думал, я тебе за это, орден свой отдам?

Томышев. Да нет... Просто я... Так.

Федот. Ладно, вставай, Томышев. В столовую с тобой пойдём.

Томышев. Я что-то не очень есть щас хочу...

Федот. Вставай, говорю. До Агрыза три дня идти. Провизии набрать надо.

Федот встаёт, показывает Томышеву на рюкзак лежащий на диване. Рюкзак по размеру не маленький.

Федот. Ты у нас провизию и понесёшь. Хотя какая-то польза от тебя станет.

Томышеву ничего не остаётся, как подчиниться.

Он поднимает рюкзак, надевает его за спину и, вместе с Федотом, уходит в столовую.

Педрoс закрывает за ними дверь...

Педрoс. Видал? Томышев живой. Я же говорил, он всегда всплывёт. Говно-человек...

Сталкер. Да, очень странно... Яд был сильный...

Сталкер, достав карандаш, вернулся к карте. Смотрит, что-то помечает на ней...

Педрoс сидит рядом. Самое время спросить у Сталкера про батончики!

Педрoс. Сталкер, я это... Спросить вот хотел у тебя... Давно уже.

Сталкер *(не отрываясь от карты)*. По поводу?

Педрoс. Это... Вот, знаешь... В общем... Короче... Интересно мне тут было, узнать у тебя... вопрос один такой... деликатный...

Сталкер. Не томи, Педрoс, спроси уже чё хотел!

Педрoс. А что, почему тебя Сталкером зовут? Какое-то имя у тебя странноватое...

Сталкер. Ты точно про это хотел спросить?

Педрoс. Да...

Сталкер. Это не совсем имя. Прозвище это такое... В честь игры прозвали.

Педрoс. О, как? Интересно, это что за игра такая? Почему не знаю?

Сталкер. Это от третьего лица игра. Там по радиоактивной зоне ходишь, всякие артефакты ищешь. Миссии проходишь... Мутантов уби-

ваешь. У вас здесь тоже, что-то вроде зоны. Потому и прозвали так, что к вам хожу...

Педрос. Как увлекательно-то... Научишь как-нибудь?

Сталкер. Научить в «Сталкера» играть? Хе-х... Вообще-то, это сложновато...

Педрос. Да ладно? Что, думаешь, не разберусь?

Сталкер. Понимаешь, в неё, чтоб играть, компьютер нужен.

Педрос. От проблема-то будто! Компьютер! Ты покажи там, что и как, я сделаю. Руки-то, вот они!

Сталкер. Компьютер сделаешь?!!

Педрос. А то нет? Я вот этими руками, и шашки сам, и шахматы сам, и нарды... Да что там... Карт! Колод пять нарисовал! Доминошки из хлеба, опять таки... Всё делал! А тут? А тут компьютер не сделаю... Смешной ты, Сталкер, ей богу!

Сталкер (*смеётся*). И в правду смешной... У Вас Педрос, с Акчаруд-то, почему у самих имена такие странные?

Педрос. Что в них странного? Как начлагерь в рапорте записал, такие и стали... Обычные имена.

Сталкер. Почему же у Федота тогда имя нормальное?

Педрос. Федот в Чужожмоне родился. Как родился так и не уезжал никуда... Он раньше начлагеря тут жил, вот и не пришлось Степану ему имя придумывать. Так что...

В дверь снова постучали.

Педрос. Это Акчаруд, наверное...

Педрос открывает дверь. На пороге, в этот раз, и правда Акчаруд. В руках у него Большая сумка.

Педрос. Наконец-то. Ты принёс?

Акчаруд (*взглядом*). А что, не видно?

Акчаруд проходит в дом. Ставит сумку на пол, открывает, достает из неё тёплые вещи и раскладывает их на диване.

Педрос. Здесь же мужское всё! А где женское?

Акчаруд (*жестами*). А что, надо и женское было? Мы же в побег собираемся!

Педрос хотел было ещё что-то сказать по этому поводу, но тут в дом входят Федот и Томышев. У последнего на плечах рюкзак с провизией. Видно как ему тяжело...

Томышев. Уф-ф... (*Снимает рюкзак.*) Думал, не дотащу...

Федот. А ты не думай, тащи и всё! Ты за этот рюкзак головой теперь отвечаешь. (*Замечает Акчаруд и разложенные на диване вещи.*) Вот,

молодец, дочка! Всё что нужно принёс? Молодец! Сталкер, что там с картой?

Сталкер. Готово. Вот... (*показывает на карту*), я тут отметил один перекрёсток. Не далеко от Ягана. В аккурат туда за два дня доберёмся. От туда до Успьяна пойдём... Ну, а ты уж следом за нами. Думаю, за полдня догонишь нас. Мы где-нибудь рядом с этим перекрёстком будем, ждать тебя. Как доберёшься, подай сигнал... Кукушки например.

Федот. Кукушки? Ладно... Ясно всё. Тогда, Педрос, Акчаруд, переодевайтесь пока. Сталкер, там и для тебя найдётся. Осенью ночи холодные.

Педрос. Федот, тут же мужское всё!

Федот. И что? Ты что ли не мужик?

Педрос. Да я штанов сто лет не носил уже. Мне в них неудобно будет. Я только куртку возьму.

Федот. Ой да, как хочешь... Вон тогда, Томышеву отдай.

Томышев. О, это я завсегда! Не откажусь...

Томышев и Акчаруд переодеваются...

Федот. А ты Педрос, всё с собой взял?

Педрос. Я не знаю. Что ещё нужно-то?

Федот. Лопату с собой возьмите.

Педрос. Лопату-то зачем?

Федот. Затем. Лишней не будет. Лопата самый нужный инструмент. Никогда не знаешь, где пригодится. Так что возьмишь. Ничего не знаю... Сталкер, может ты, чего посоветуешь ещё?

Сталкер. Да у меня всё, что нужно есть. Правда, вот... Фонарь почти сдох. Не помешало бы фонарь с собой взять.

Федот. Фонарь?..

Вообще-то у Федота был фонарь. Зелёный, с красной кнопкой, марки «Аллигатор», работающий на бензине. Только, пару месяцев назад его кто-то с...

Федот. Да... Фонарь у нас был... Хороший был фонарь. Какая-то крыса, решила что это её... Знал бы кто! Убил бы падлу!

Сталкер. Понятно... Жаль... Понадеемся на мой, что ж теперь...

Тем временем, Акчаруд и Томышев уже переоделись...

Федот. Молодец Акчаруд! Вот теперь ты на мужчину похож стал.

Акчаруд улыбается. Он хоть и молодой, но весь в Федота... Старого формата он.

Федот. Ты, Сталкер, готов уже?

Сталкер (*надевая свой рюкзак за спину*). Я всегда готов.

Федот. Вот и хорошо. Ну что, все собрались? Вот и чудненько. Значит так, семья... и ты, Томышев... Пока меня не будет с вами, во всём слухайтесь Сталкера. Что бы там ни случилось, он за старшего. Это ясно-понятно?

«Семья» кивает головой: «Да, понятно-понятно»...

Федот. Отлично. Ещё одно... Если в условленное время и место я не появлюсь, то...

Педрос. Федот, ты что? Нет!

Федот. ...то не ждите меня. Идите до конца! А ты, не скули сейчас, Педрос. Я всё сказал... Не ждите если не приду. Не упустите этот шанс из-за меня.

Томышев. Я обещаю, Федот, что не подведу.

Педрос. Заглохни, блин, а!

Федот. Сталкер, теперь к тебе... Прости меня за «хайту». Сгоряча я это тогда...

Сталкер. Перестань... Проехали давно.

Федот. Ты уж береги моих, ладно?

Сталкер. Всё нормально будет. Не переживай... будем ждать тебя у Ягана.

Федот. Хорошо... Ну что, раз на этом всё... Прощаться не будем. Давайте просто, присядем на дорожку.

Все присаживаются кто куда. Педрос и Акчаруд на диван. Сталкер и Федот на стулья. Томышев на рюкзак с провизией....

В доме Федота становится так тихо, что слышно как летает комар у соседей...

(Продолжение следует)

Владимир Вернадский

О НАУЧНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ*

II

19. Ограничив, таким образом, нашу задачу изучением развития современного научного мировоззрения, перед нами невольно сейчас же возникает вопрос о способах изучения его истории.

Можно приступить к ней различными образом. Можно пытаться найти общие законы, которые руководят изменением научного мировоззрения и затем на основании их выяснить себе глубже и яснее это проявление духовной деятельности человека. Эти законы тесно связаны с законообразностью, наблюдаемой в развитии отдельных наук. Они, вероятно, исходят или из характера человеческого разума, или из законов общественной психологии.

Так, например, в истории науки мы нередко видим многократное открытие одного и того же явления, повторение одних и тех же обобщений. В этих открытиях видны одни и те же черты, иногда они до мелочей повторяют друг друга, а между тем в них не может быть и речи о каких бы то ни было заимствованиях.

Изучение рукописей Леонардо да Винчи, умершего в 1519 г. открытых вновь в конце XVIII – начале XIX столетия, указало, что в них изложены многие идеи, которые получили свое развитие в XVII–XIX столетиях при условиях, когда ни о каких заимствованиях из Леонардо не могло быть и речи. Его рисунки турбин, подводных судов, парашютов и т. п. прозревают аппараты – иногда даже в деталях – вновь созданные человеческим гением много столетий спустя. У него мы находим рисунки наклонной плоскости, напоминающие идеи, развитые столетие спустя фламандцем Стевином. Точно так же в его аппаратах и проектах опытов в других областях физических дисциплин удивительным образом намечаются опыты позднейших исследователей: так, предвидятся эксперименты в области трения Кулона, конца XVIII столетия, и д'Амонтона. конца XVII столетия. В рукописях Леонардо собраны почти неотделимые от нас его собственные идеи и эксперименты, записи традиций современных ему практиков и выписки из трудов многих забытых ученых и исследователей старого времени или его современников. Исследование их открыло

* Окончание. Начало: Развитие личности № 4, 2012. – С. 213–243.

перед нами удивительную картину состояния мысли отдельных исследователей конца XV – начала XVI столетия. Мы; на каждом шагу видим здесь воспроизведенными и как бы провиденными разнообразными мелкими и крупными открытиями и обобщениями XVII–XIX вв. Мы видим здесь то брожение мысли, которое подготавливает будущее науки.

Точно те же встречает нас на каждом шагу в истории науки. В древних японских хирургических и особенно гинекологических инструментах видим мы иногда до мелочей повторение того, что было независимо создано в Европе в эпоху, когда ни о каких сношениях европейцев и японцев не могло быть речи. Древние культурные народы Средней Америки племени майя достигли путем астрономических наблюдений того же летосчисления, как культурные племена Европы и Америки. Их год совпадал точнее с астрономическим, чем календарь уничтоживших их цивилизацию испанцев. Но и здесь все попытки найти сношения между этими столь разными культурами были напрасны. Одинаковые результаты достигнуты независимо.

В более новое время мы видим, как постоянно одно и то же открытие, одинаковая мысль вновь зарождаются в разных местах земного шара, в разные эпохи, бед какой бы то ни было возможности заимствования.

Изучение подобного рода явлений, несомненно, открывает нам общие черты, свойственные научному творчеству, указывает его законы и таким образом заставляет нас проникать в изучение психологии научного искания. Оно открывает нам как бы лабораторию научного мышления. Оказывается, что не случайно делается то или иное открытие, так, а не иначе строится как ни будь прибор или машина. Каждый прибор и каждое обобщение являются закономерным созданием человеческого разума: при пеге воспроизведении, иногда столетия спустя, в новой среде в них повторяются те же самые черты, они создаются одинаковым образом. В истории науки мы постоянно видим это явление, ибо почти всякая часть нашего научного мировоззрения открывалась и вновь забывалась в течение его векового развития.

20. Та же самая задача может быть изучаема и другим путем. Мы постоянно наблюдаем в истории науки, что та или иная мысль, то или иное явление проходят незамеченными более или менее продолжительное время, но затем при новых внешних условиях вдруг раскрывают перед нами неисчерпаемое влияние на научное мирозерцание. Так было с идеей эволюции до Дарвина; идеи Ламарка не имели в свое время никакого значения; они были забыты до 1860-х годов, а между тем мы видим, как они с тех пор неуклонно влияют на научную мысль. В чем заключались причина или причины их долгого непонимания?

Только долго спустя после смерти Лобачевского (ум. в 1856) его создания были поняты и оказали до сих пор чувствуемое влияние на науку и философию. Мэйо в 1668 г. открыл кислород и точно и ясно описал его свойства: только через 120 лет. В конце XVIII в., это открытие было правильно понято, хотя работа его никогда не была забыта и не исчезала из обращения. Стенон в 1669 г. дал основные методические приемы геологических исследований, но цитируемая и читаемая в течение XVI и XVIII

столетий работа его была оценена только тогда, когда в конце XVIII в. вновь были открыты те же основные положения. Можно было бы без конца умножать эти примеры. Имена ученых, труды которых были встречены с пренебрежением при их жизни и оценены много позже, иногда долго [спустя] после их смерти, очень многочисленны. Достаточно вспомнить Лорана, Жерара, Грассманов, отца и сына. Стенопа, Гюйгенса, Леблана, Гесселя, Майера и т. д.

Из этих примеров ясно, что недостаточно, чтобы истина была высказана или чтобы явление было доказано. Их понимание, проникновение ими человеческого разума зависит от других причин, одна хрустальная ясность и стройность, строгость доказательств недостаточны. Условия внешней социальной среды, состояние техники, настроение и привычки мыслящих людей науки должны быть при этом принимаемы во внимание. Опять перед нами стоит тот же вывод, опять мы сталкиваемся со сложностью объекта исследования. Научное мировоззрение не есть абстрактное логическое построение. Оно является сложным и своеобразным выражением общественной психологии.

Соответственно с этим в его истории мы наблюдаем и обратные течения. Научная истина или точно доказанный, не противоречащий современному мировоззрению факт или обобщение, войдя уже в научное мировоззрение, иногда через некоторое время из него теряются, заменяются ложным или явно противоречащим более развитому научному мировоззрению фактом или положением. Происходит регресс научного знания, в более или менее ясной форме постоянно наблюдавшийся и наблюдающийся в крупном и мелком в истории научного мышления. Так сменилось представление о шаровой форме Земли представлением о плоском земном острове, многие века царившем в византийской науке и одно время явившемся частью господствующего научного мировоззрения Гелиоцентрические системы Вселенной, к которым все время склонялись Платон и его последователи, были окончательно вытеснены из научного мировоззрения античного мира и средних веков геоцентрическим представлением. Открытые в XVII столетии и вошедшие в то время в научную мысль основные законы кристаллографии были заменены в XVIII в. чуждыми и ложными представлениями о кажущейся правильности геометрических форм кристаллических тел. Они были усвоены и добыты вновь в конце XVIII – начале XIX столетия, когда в XVII в. величайший гений всех времен и народов Галилей открыл свои бессмертные законы движения и положил начало динамике, его научные противники Беригар (Беригуарди) и Барди указывали, что Галилей повторяет то, что давно известно в школах и сочинениях некоторых из схоластических ученых. Их указания были долго встречаемы с недоверием и не были оценены в истории развития научной мысли. А между тем они были правы. В рукописях и печатных изданиях XVI столетия были открыты труды одного из таких ученых, Иордана Неморария первой половины XIII столетия, в которых мы находим многие обобщения Галилея. Они были не правы только потому, что эти обобщения Неморария были при дальнейшем росте научного мирозерцания забыты и заменены ложными схемами чистых аристотеликов; в лучшем

случае, они были известны отдельным специалистам, не придававшим им должного значения.

В истории наук на каждом шагу мы видим подобную замену точного и истинного ложным и неправильным. Можно сказать, что научное мировоззрение поддерживается и не гибнет только благодаря сознательному проявлению усилия, воли. Оно замирает и поглощается чуждыми вхождениями, как только ослабляется это его проникающее живительное усилие.

Иногда – только иногда – можно проследить до известной степени причину регрессивного хода научного мышления: в научное мировоззрение вторгаются новые создания религиозной или философской (метафизической) деятельности человеческого сознания, которые не могут быть втиснуты в рамки научно познанного, но в то же время являются для человечества в данный исторический момент дорогими и непреложными. В борьбе с такими чуждыми ей понятиями научная мысль замирала; истинное, но противоречащее догмату религии или тезису метафизики, заменялось новым представлением, с ними согласным, но научно неправильным.

Иногда такое движение захватывает всю область научной мысли, и тогда наблюдаются периоды полного упадка науки, например тот, который начался в последние столетия жизни римской империи и который несколько раз возобновлялся в течение средних веков в Европе; то же самое резко сказалось в мусульманских государствах, в Индии и Китае. Нельзя искать причин такого упадка в нашествии варварских народов, иногда не имевших места; они кроются глубже.

Они связаны с изменением психологии народа и общества, с изменением духовного интереса личности, с ослаблением того усилия, той воли, которая поддерживает научное мышление и научное искание, как поддерживает она все в жизни человечества!

21. Изучение многочисленных и разнообразных фактов, сюда относящихся, крупных и мелких может дать нам общие черты, можно выяснить причины и условия, при которых происходит регрессивная переработка научного мышления и научного мировоззрения в его целом или в его частях. Этим путем мы можем подходить к выяснению законов развития научного мышления.

Наконец, к тем же законам нас подвело бы и изучение современного научного мировоззрения сравнительно с научными мировоззрениями других эпох жизни человечества. Из такого сравнительного изучения можно было бы вывести закономерность исторического процесса смены и переработки одного мировоззрения в другое. Можно было бы изучить и выделить отдельно влияние на научное мировоззрение – искусства, общей культуры, философии, религии, общественной жизни, и этим путем опять-таки подойти к тем же основным вопросам о законах развития научного мышления, и в частном случае, эволюции научного мировоззрения.

Но я не имею в виду изучать современное научное мировоззрение с этой точки зрения и не буду стараться находить общие законы его образования. Такая задача – вполне научная и основная – требует для своего

решения огромной подготовительной работы, без которой всякие подходы к ней безнадежны. И эта подготовительная работа даже в общих, грубых чертах не сделана настолько, чтобы можно было теперь дать хотя бы общий набросок законов развития научного мышления. Можно только утверждать, что эти законы далеко не совпадают с законами логики (наука не движется индуктивным или дедуктивным путем), а являются сложным проявлением человеческой личности.

22. Но есть и другой путь изучения истории современного научного мировоззрения. Это научное изложение фактов или явлений в их внешнем виде, – исконный путь натуралиста и рационалиста-философа. Очевидно, только после того, как мы знаем само явление, подлежащее нашему изучению, можно стремиться к его объяснению, к нахождению его законов. Прежде чем искать законы и причины движения небесных светил, надо узнать условия и характер самих светил и их движений, надо иметь их точное научное описание. Точно так же, прежде чем искать законы исторического сложения научной мысли, необходимо иметь описание ее выяснения, иметь картину исторического процесса, приведшего к современному состоянию мысли. Дать в общих чертах картину исторического развития современного научного мировоззрения и составляет задачу будущих лекций.

Конечно, мы не должны при этом упускать те общие явления, которые свойственны всякому процессу изменения научного мировоззрения: повторяемость одинаковых открытий и обобщении, условия убедительности того или иного научного положения, регрессивные течения, которые наблюдаются постоянно в научном движении. Точно так же в этом процессе всегда ясно взаимодействие науки с искусством, религией, философией, культурой и общественной жизнью. Но не эти общие явления будут целью нашего изучения; наша задача гораздо более скромная и будет заключаться в изучении картины одного конкретного процесса, сложения одного современного научного мировоззрения. На этом конкретном примере будут, конечно, до известной степени видны общие правильности сложения всякого научного мировоззрения, но для изучения этих законов необходимы подобные работы в области всех других научных мировоззрений. Но такое исследование далеко стоит от моей задачи.

1902 г.

Владимир Вернадский

О НАУЧНЫХ ИСТИНАХ*

Положение науки
в современном государственном строе.

Такое жизненное значение науки, входящее в сознание современного человечества, далеко не отвечает исторически, то есть исходя из прошлого, сложившемуся реальному ее положению и ее оценки в жизни.

Наука не отвечает в своем современном социальном и государственном месте в жизни человечества тому значению, которое она имеет в ней уже сейчас реально. Это сказывается и на положении людей науки в обществе, в котором они живут, и в их влиянии на государственные мероприятия человечества, в их участии в государственной власти, а главным образом, в оценке господствующими группами и сознательными гражданами – «общественным мнением» страны – реальной силы науки и особого значения в жизни ее утверждений и достижений.

Человек не сделал еще логических выводов из новых основ современной государственной жизни. Переживаемое сейчас время – время коренной и глубокой демократизации государственного строя – правда, еще не установившейся, но уже мощно влияющей на формы этого строя, неизбежно должно поставить, но еще не поставило, коренное изменение положения науки и ученых в государственном строе. Значение народных масс и их интересов, не только в политическом, но и в социальном их отражении, резко меняет интересы государства. Старое «*Raison d' tat*» и цели существования государства основанные на исторически сложившихся интересах династий и связанных с ними классов и группировок, быстро заменяются новым пониманием государства. Значение династий на наших глазах быстро отходит в область преданий. Выступает новая идея, неизбежно, рано ли, поздно ли, но в государственно-реальное время побеждающая – идея о государственном объединении усилий человечества. Она может иметь место только при широком использовании средств природы на благо государства, по существу – народных масс. Это возможно только при коренном изменении положения науки и ученых в государственном строе. В сущности это государственное проявление перехода биосферы в ноосферу. Как уже не раз указывалось, этот развившийся на наших глазах природный процесс неотвратим и неизбежен. И можно ли сомневаться, что современное положение науки и ученых в государстве есть преходящее явление. Надо считаться с быстрым его изменением.

Но сейчас этого нет. И это сказывается особенно ярко на количестве государственных средств, которые тратятся на чисто научные потребности, не имеющие военного – завоевательного или оборонительного – зна-

* Вернадский В.И. О научных истинах//Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2009. С. 334–376.

чения, не связанные с промышленностью, с земледелием, с торговлей, с путями сообщений, с интересами здоровья и образования населения. До сих пор ни одно государство – систематически и планомерно – не затрачивает значительных государственных средств на разрешение больших научных теоретических проблем, на задачи, далекие от современной жизни, для ее будущего, в масштабе государственных потребностей, очень часто ошибочно за них считааемых.

Еще не вошло в общее сознание, что человечество может чрезвычайно расширить свою силу и влияние в биосфере – создать для ближайших поколений сознательной государственной научной работой неизмеримо лучшие условия жизни. Такое новое направление государственной деятельности, задача государства, как формы новых мощных научных исканий, мне представляется неизбежным следствием, уже в ближайшем будущем из переживаемого нами исторического момента, превращения биосферы в ноосферу. Это – неотвратимый геологический процесс. Я вернусь еще к этому.

Уже теперь мы видим его приближение. Фактически явлениями жизни наука все больше стихийно внедряется в государственные мероприятия и для пользы дела, но без ясно, сознательно продуманного плана, занимает все более и более ведущее положение.

Такое состояние дел, очевидно, преходящее – неустойчиво, с точки зрения государственного строя и, что важнее, организованности ноосферы.

По своей инициативе ученые все больше и больше, исходя из такой обстановки, используют для роста научного знания государственные средства, сознательно государственными деятелями для этого не предназначенные. Они получают этим путем все растущую возможность развития науки благодаря все увеличивающемуся признанию ее прикладного значения, для развития, не могущего иначе быть достигнутого, техники. В этом отношении XX век совершил огромный сдвиг вперед, значение и сила которого еще не поняты и не выявлены.

Но требования науки не сформулированы, конкретно их неизбежность и польза для человечества не осознаны; они не получили выражения в социальной и государственной структуре. Нет выработанных государственных форм, позволяющих быстро и удобно решать междугосударственные вопросы, какими неизбежно является большинство вопросов создания ноосферы в их бюджетном или финансовом выражении.

В бюджетах отдельных государств такого рода вопросы в слабом развитии могут подыматься и подымаются в государственных ассигнованиях на потребности академий, где такие ассигнования есть, и в государственных фондах помощи научной работе, где такие фонды существуют. В общем, они ничтожны по сравнению с предстоящими задачами. Это касается одинаково и капиталистических стран и нашего социалистического государства, если выразить расходы в единой золотой валюте.

Однако мы, мне кажется, сейчас находимся на переломе. Государственное значение науки, как творческой силы, как основного элемента, ничем не заменимого в создании народного богатства, как реальной возможности быстрого и массового его создания уже проникло в общее созна-

ние; с этого пути, очевидно, человечество не сможет уже сойти, так как реально наука есть максимальная сила создания ноосферы.

Стихийно, как проявление естественного процесса, создание ноосферы в ее полном проявлении будет осуществлено; рано ли, поздно ли оно станет целью государственной политики и социального строя. Это – процесс, корнями своими уходящий в глубь геологического времени, как это видно по эволюционному процессу создания мозга *Homo sapiens* (§ 10), мощный процесс, совершающийся в биосфере в длительности геологического времени, тесно связанный с энергетическими проявлениями эволюции организмов, не может быть сдвинут в своем течении силами, проявляющимися в кадрах времени исторического.

Старые мечты и настроения мыслителей, пытавшихся в большинстве случаев изложить их в форме художественного воссоздания будущего, утопий – вылить свои, иногда точные научные мысли, в форму научных социализма и анархизма, – всегда частью наукой схваченные, – как будто близились к реальному, в известной мере, осуществлению.

Происходит большой своеобразный сдвиг в социальной идеологии нашего времени, который недостаточно обращает на себя внимание и недостаточно учитывается, так как неясно сознается ранее указанный геологический генезис научной мысли и ее, созданное эволюционным процессом основание. Не сознается, что научная мысль есть огромное, неиз...

С конца XVIII в., когда в европейско-американской цивилизации ослабела сила церквей, в эпоху философии просвещения и позже открылся путь более свободному философскому мышлению; в научной мысли стала преобладать философская струя, с одной стороны, мало отделимая или неотделимая от современной ей науки (философия просвещения, формы лейбницаизма, материализма, сенсуализма, кантианства и т.д.), а с другой – разнообразные проявления христианских философий и идеалистических философских систем – берклианства, немецкого идеализма после-кантова времени, мистических исканий, которые входили временами в резкое столкновение с достижениями науки и не считали себя ими связанными, даже в областях научного знания.

Иллюзия и вера в примат философии над религией и над наукой стали ясными и господствующими. Они могли по отношению к науке пустить глубокие корни, так как часто трудно бывает отличить общеобязательное ядро научных построений от той части науки, которая является в сущности условной, преходящей, логически равноценной философским или религиозным объяснениям области научного знания.

Это могло и может и сейчас иметь место прежде всего потому, что логика научного знания, естествознания в частности, до сих пор находится в запущенном и критически не продуманном, не изученном состоянии.

Наше внимание, конечно, сейчас должно быть обращено не на художественные, утопические картины будущего социального строя, а только на научную обработку социального будущего, хотя бы в художественной форме.

* Фраза не закончена. – *Ред.*

Здесь мы можем оставить в стороне анархические построения будущего, не нашедшие пока ни жизненно важных проявлений, ни крупных умов, достаточно глубоко и по-новому выявивших связанную с такой формой социальной жизни научно допустимую и отличную от социализма жизненно возможную социальную структуру.

Оба течения социальной мысли правильно оценили могучую и неотвратимую силу науки для правильного социального устройства, дающего максимум счастья и полное удовлетворение основных материальных потребностей человечества. В научной работе человечества как целого и там, и здесь признавалось то средство, которое могло дать смысл и цель существованию человека и избавить его от ненужных страданий – элементарных страданий – голода, нищеты, убийств в войне, болезней – здесь, на Земле. В этом смысле и то и другое течение мысли, исходило ли оно из научных или философских построений, вполне отвечает представлениям о ноосфере как фазе истории нашей планеты, которая здесь на научных данных эмпирически утверждается.

Вера в силу науки неуклонно охватывала мысль людей Возрождения, но она нашла в первых же апостолах социализма и анархизма – у Сен-Симона (1760-1825) и Годвина (1756-1836) – крупных и глубоких творческих выразителей.

Реальное значение эти искания получили в середине XIX века, в работах крупных ученых и политиков – Карла Маркса (1818-1883) и Энгельса (1820-1895) и в тех последствиях, какие они вызвали в социально-государственной победе социализма – в форме большевизма в России и в частях Китая и Монголии.

К. Маркс, крупный научный исследователь и самостоятельно мыслящий гегельянец, признавал огромное значение науки в будущем, имеющем наступить социалистическом строе; в то же самое время он не отделял науку от философии и считал, что правильное их выражение не может друг другу противоречить. Это было в то время – почти 100 лет назад – вполне понятно.

К. Маркс и Ф. Энгельс жили философией, ею обуславливалась вся их сознательная жизнь, под ее влиянием строился их духовный облик. Почти никто в их время не мог предвидеть, что они, современники видимого небывалого расцвета и влияния идеалистической германской философии, современники Гегеля, Шеллинга, Фихте, жили в действительности в эпоху ее глубокого заката и зарождения нового мирового течения, гораздо более глубокого и по своим корням и по своей мощности – расцвета точных наук и естествознания XIX века. В связи с этим действительность не оправдала его [Маркса] и Энгельса представлений – примат науки над философскими конструкциями в XX веке не может сейчас возбуждать сомнений. Но в действительности научная основа работы Маркса и Энгельса независима от той формы – пережитка 1840-х годов, в которую они ее – люди своего века – облекли. Жизнь берет свое и с ней спорить бесполезно.

В действительности значение науки как основы социального переустройства в социальном строе будущего выведено Марксом не из философских представлений, но в результате научного анализа экономических

явлений. Маркс и Энгельс правы в том, что они реально положили основы «научного» (не философского) социализма, так как путем глубокого научного исследования экономических явлений, они, главным образом К. Маркс, выявили глубочайшее социальное значение научной мысли, которая философски интуитивно выявлялась из предшествующих исканий «утопического социализма».

В этом отношении то понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей «научный социализм». Я вернусь к этому в дальнейшем.

Широкое распространение социалистических идей и охват ими носителей власти, их влияние и в ряде крупных капиталистических демократий создали удобные формы для признания значения научной работы, как создания народного богатства.

Новые формы государственной жизни создаются реально. Они характеризуются все большим вхождением в них глубоких элементов социалистических государственных структур. Государственная планировка научной работы в прикладных государственных целях является одним из этих проявлений.

Но с поднятием значения науки в государственной жизни неизбежно в конце концов и другое изменение в конструкции государства – усиление его демократической основы. Ибо наука по сути дела глубоко демократична. В ней «несть иудея, ни эллина»*.

Едва ли можно думать, чтобы при таком примате науки народные массы могли – надолго и всюду – потерять то значение, которое они приобретают в современных демократиях. Процесс демократизации государственной власти – при вселенскости науки – в ноосфере есть процесс стихийный.

Конечно, процесс может длиться поколениями. Одно, два поколения в истории человечества, создающего ноосферу, в результате геологической истории – геологический миг.

Сознание основного значения науки для «блага человечества», ее огромной силы и для зла, и для добра, медленно и неуклонно изменяют научную среду.

Уже в утопиях – даже старых утопиях эллинов – у Платона, государственная власть представлялась в руках ученых – мысль, которая ярко проявлялась в большей или меньшей степени в подавляющем числе утопий.

Но реально уже наблюдаемое увеличение государственного значения ученых чрезвычайно сильно отражается на их научной организации и меняет общественное мнение научной среды.

Старое, характерное для XVI–XVII, отчасти XVIII столетий – эпохи мелких государств Западной Европы и господства единого ученого языка – внегосударственное единение ученых и писателей, игравшее большую роль в этом веке, потеряло значение в XIX–XX вв., когда рост государств

* Слова из евангельского послания апостола Павла к галатам (кельтам), символизирующие равенство последователей раннего христианства. – *Ред.*

и рост науки вызвал пробуждение и давление национального и государственного патриотизма. Ученые всех стран приняли в этом движении большую, часто ведущую роль, так как реальные интересы науки – общечеловеческие – поблекли или отступили на второе место перед велениями местного социального или государственного патриотизма.

Но одновременно в связи с потребностями государственными, шедшими здесь в руку с задачами научного знания и некоторыми межгосударственными объединениями (приведшими к Лиге Наций после войны 1914-1918 гг.), начались в XIX в. многочисленные разнообразные международные научные объединения в мировом масштабе, сильно пострадавшие после войны 1914-1918 гг., и далеко не достигшие вновь довоенного уровня.

Война 1914-1918 гг. и ее последствия – рост фашистских и социалистических настроений и выявлений – вызвали глубочайшие переживания и в среде ученых. Еще большее влияние может быть вызвал закончившийся после этой войны, давно подготавливавшийся, охват всего человечества в единое целое, проявляющийся в культурном обмене, благодаря успехам науки в деле общения людей, в небывалой раньше степени и темпе. Война имела глубочайшие последствия, неизбежно сказавшиеся на положении науки. Одним из них является глубокое моральное переживание мировой ученой среды, связанное с ужасами и жестокостями величайшего преступления, в котором ученые активно участвовали – оно было осознано как преступление очень многими из принимавших в нем участие ученых. Моральное давление национального и государственного патриотизма, приведшее к нему многих ученых, ослабло, и, моральная сторона неизбежно выдвигавшаяся в научной работе, моральная сторона работы ученого, его нравственная ответственность за нее, как свободной личности в общественной среде, встала перед ним впервые, как бытовое явление.

Вопрос о моральной стороне науки – независимо от религиозного, государственного или философского проявления морали – для ученого становится на очередь дня.

Он становится действенной силой, и с ним придется все больше и больше считаться. Он подготовлен долгой, еще не написанной, даже не осознанной историей. Он стоит совсем вне так называемой научной морали, которую пытаются создавать, например, *moral laïque* французского государства, которая является социальным и философским построением, имеющим сложное и отдаленное к науке отношение, если проанализировать ее содержание, и совсем отличное от проявления морального элемента в научной работе (к нему я вернусь в другом месте этой книги). Название здесь не отвечает реальности. Это – мораль, не связанная с наукой, а связанная с философией и реальными требованиями государственной политики, попыткой заменить религиозную христианскую мораль. Она возникла в результате долгой борьбы за веротерпимость, как компромисс идей французской революции с реальной силой напора католически мыслящих граждан. Это является попыткой государственной морали демократии, основанной на идее солидарности, попыткой явно не имеющей

будущего. Государственная мораль – какова бы она ни была – политически-демократическая в данном случае, так же мало может удовлетворить такому глубокому движению, которое с 1914 г. проникает все больше и больше в круги ученых, так же не может их успокоить как и старая религиозная этика. Преходящая форма демократического политического строя является слишком легким поверхностным явлением для построения личной морали современного ученого, мыслящего о будущем. Уже сейчас исторический процесс внес глубокое изменение в понятие демократии, реально вскрыв значение экономической базы государственного строя, и так же реально поставив идею государственного объединения всего человечества для создания и осуществления ноосферы – употребление всех государственных средств и всей мощи науки на благо всего человечества. Такой демократический идеал ученого чрезвычайно далек от гражданской морали французских радикалов.

Государственная мораль единого государства, хотя бы и социалистического, в ее современной форме, не может удовлетворить критическую свободную мысль современного ученого и его моральное сознание, ибо она не дает для этого нужных форм.

Раз возникшее в ученой среде и неудовлетворенное чувство моральной ответственности за происходящее и убежденность ученых в своих реальных для действия возможностях не могут исчезнуть на исторической арене без попыток своего осуществления.

Эта моральная неудовлетворенность ученого непрерывно растет, с 1914 г. все увеличивается и непрерывно питается событиями мирового окружения. Она связана с глубочайшими проявлениями личности ученого, с основными побуждениями ее к научной работе.

Эти побуждения свободной человеческой, научно осознающей окружающее личности глубже каких бы то ни было форм государственного строя, которые подвергаются критической проверке научной мыслью в наблюдении хода исторических явлений.

В прошлом в истории человечества была попытка создания государственной морали – но она была создана в изолированном от других, хотя и в большом культурном центре – в Китае, когда геологическая сила научной мысли едва проявлялась и сознания ее не было.

В конструкции китайских государств больше чем за 2000-2200 лет тому назад была проведена идея отбора выдающихся людей в государстве путем широких конкурсов всенародного школьничества для создания ученых государства, в руки которых должна была быть передана государственная власть. Такой выбор государственных людей в идее просуществовал многие столетия, связан с именем Конфуция, и реально получил свое выражение в жизни.

Но наука, которая при этом понималась, была очень далека от реальной науки того времени. Это была скорее всего ученость, большая культура на глубокой моральной основе, она не вкладывала никакой новой реальной силы в руки ученых, которые стояли во главе управления государством. Когда Китай столкнулся в XVI и XVII столетиях с быстро создававшейся новой западноевропейской наукой, он некоторое время пытался

вести ее в рамки своей традиционной учености. Но это, как я уже указал (§ 60), кончилось в начале XVIII в. полным крушением и, конечно, это своеобразное историческое явление далеко от того, что стоит сейчас перед мировым коллективом ученых.

В XX в., при крушении старого Китая, произошло крушение и остатков старого конфуцианства. Единая научная мысль, единый коллектив ученых и единая научная методика вошли в жизнь китайских народов и быстро оказывают свое влияние в их научной работе. Едва ли можно сомневаться, что выдержавшая тысячелетия, оставшись живой, слившись с единой мировой наукой, мудрость и мораль конфуцианства скажется глубоко в ходе мирового научного мышления, так как этим путем в него входит круг новых лиц более глубокой научной традиции, чем западно-европейская цивилизация. Это должно проявиться прежде всего в понимании основных научных представлений, пограничных с философскими концепциями.

Война 1914-1918 гг. резко ослабила слагавшиеся в XIX-XX вв. международные организации научных работников. Они до сих пор не восстановили в ряде случаев свой вполне международный (в форме междугосударственного) характер. Глубокая рознь между фашизмом и демократизмом – социализмом в настоящий исторический момент, и резкое обострение государственных интересов, рассчитывающих – в нескольких странах – на силу, в конце концов на новую войну, для получения лучших условий существования своего населения (в том числе такие страны, как Германия, Италия, Япония – мощные центры научной работы, богатые организованным научным аппаратом), не дают возможности ожидать здесь быстрого серьезного улучшения.

Нельзя не отметить, что начинают искажаться и вырисовываться новые формы научного братства – внегосударственные организованные формы мировой научной среды.

Это формы более гибкие, более индивидуальные и находящиеся сейчас только в стадии тенденции – бесформенных и не установившихся пока исканий.

Они, однако, получили в последние годы, 1930-е, первые зачатки организованности и проявились явно для всех, например, в обратившем большое внимание «мозговом тресте» советчиков Рузвельта, оказавшем и оказывающем влияние на государственную политику Соединенных Штатов; с ним реально пришлось считаться.

Это, очевидно, форма научной организации – внутригосударственной, которой предстоит большое будущее. Еще раньше – по идее, но не по исполнению, – и более бюрократической формой по структуре того же порядка – было создание Госплана в нашей стране. Идея «научного мозгового центра» человечества выдвигается жизнью – лозунг находит себе отголоски. О ней говорилось и в публичных заседаниях во время празднования 300-летнего юбилея Гарвардского университета в Бостоне и в Кембридже в 1936 г. Ее основное значение, однако, было в том личном общении на этой почве, которое произошло здесь между крупными научными исследователями всех стран, там собравшихся. Мысль зародилась.

Мне кажется возможным, более того, вероятным, что эта идея имеет большое будущее.

Трудно сказать, какую форму она примет в ближайшее время. Но она едва ли даже временно сойдет с исторической арены, на которую вступила. Корни ее тесно связаны с ходом научной мысли и ею непрерывно питаются.

Непреложность и общеобязательность правильно выведенных научных истин для всякой человеческой личности, для всякой философии и для всякой религии. Общеобязательность достижений науки в ее области ведения есть основное отличие ее от философии и религии, выводы которых такой обязательности могут не иметь.

* * *

Есть одно коренное явление, которое определяет научную мысль и отличает научные результаты и научные заключения ясно и просто от утверждений философии и религии, — это общеобязательность и бесспорность правильно сделанных научных выводов, научных утверждений, понятий, заключений. Научные, логически правильно сделанные действия, имеют такую силу только потому, что наука имеет свое определенное строение и что в ней существует область фактов и обобщений, научных, эмпирически установленных фактов и эмпирически полученных обобщений, которые по своей сути не могут быть реально оспариваемы. Такие факты и такие обобщения, если и создаются временами философией, религией, жизненным опытом или социальным здравым смыслом и традицией, не могут быть ими, как таковые, доказаны. Ни философия, ни религия, ни здравый смысл не могут их установить с той степенью достоверности, которую дает наука. Их факты, их заключения и выводы все должны быть опробованы на оселке научного знания.

Эта общая обязательность части достижений науки резко отличается от той, которую приходится допускать для аксиом, самоочевидных представлений, лежащих в основе основных геометрических, логических и физических представлений. Может быть, отличие это не по существу, но связано с тем, что в течение долгих поколений, в течение тысячелетий аксиомы стали столь очевидными, что одним логическим процессом человек убеждается в их правильности. Возможно, однако, что это связано со структурой нашего разума, то есть в конце концов мозга. Возможно, что этим путем ноосфера проявляется в мыслительном процессе.

Для задач, мной поставленных в этой книге, мне незачем останавливаться на этом вопросе, научно и философски недостаточно углубленным и не имеющем решений, на которых могла бы прочно основываться научная работа. В отличие от аксиом общеобязательные научные истины не являются самоочевидными и должны во всех случаях непрерывно проверяться сравнением с реальностью. Эта реальная проверка составляет основную ежедневную работу ученого.

Не только такой общеобязательности и бесспорности ее утверждений и заключений нет во всех других духовных построениях человечества — в философии, в религии, в художественном творчестве, в социальной бытовой среде здравого смысла и в вековой традиции. Но больше того, мы не

имеем никакой возможности решить, насколько верны и правильны утверждения даже самых основных религиозных и философских представлений о человеке и об его реальном мире. Не говоря уже о поэтических и социальных пониманиях, в которых произвольность и индивидуальность утверждений не возбуждают никакого сомнения во всем их многовековом выявлении. И в то же время мы знаем, что известная – иногда большая доля истины – научно верного понимания реальности – в них есть. Она может проявляться в человеке глубоко и полно, в разумом не глубоко охватываемых художественных красочных образах, музыкальной гармонии, в моральном уровне поведения личности. Это все области глубокого проявления личности – области веры, интуиции, характера, темперамента.

Как религий, так и философий, поэтических и художественных выражений, здравых смыслов, традиций, этических норм очень много, может быть в пределе столько же, учитывая оттенки, сколько и отдельных личностей, а беря общее – сколько их типов. Но наука одна, и едина, ибо, хотя количество наук постоянно растет, создаются новые – они все связаны в единое научное построение и не могут логически противоречить одна другой.

Это единство науки и многообразие представлений о реальности философий и религий, с одной стороны, а с другой – неоспоримость и обязательность, по существу логическая, неоспоримая, значительной части содержания научного знания, в конечном итоге – всего научного прогресса, резко отличает науку от смежных с ней, проникающих мышление научных работников, философских и религиозных утверждений.

По мере того как неоспоримо научный материал растет, сила науки увеличивается и ее геологический эффект в окружающей ее биосфере – тоже, положение науки в жизни человечества углубляется, и быстро растет ее жизненное влияние.

Легко убедиться, что неоспоримая сила науки связана только с небольшой относительно частью научной работы, которую следует рассматривать как основную структуру научного знания. Как мы увидим, она имела сложную историю, развивалась неодновременно. Эта часть научного знания включает логику, математику и тот охват фактов, который можно назвать научным аппаратом. Наука есть динамическое явление, находится в постоянном изменении и углублении, и ее неоспоримая сила проявляется с полной ясностью только в те эпохи, в которые эти три основных проявления научного знания одновременно находятся в росте и углублении.

Математика и логика всегда признавались в своем значении и в своей неоспоримости, если они правильно использованы, но научный аппарат не обращал до сих пор на себя должного внимания мыслителей и даже самих ученых, которые не его считали одним из основных результатов своей работы, а гипотезы и теории – объяснения, более или менее логически с ним связанные.

В обыденной жизни, где преобладают интересы бытовые, общественные, философские или религиозные, до сих пор сознание исключительно

го значения научно установленных фактов недостаточно развито. Научный аппарат целиком проникнут и держится все улучшающимися и углубляющимися систематизацией и методикой исследования. Этим путем наука охватывает и запечатлевает для будущего со все ускоряющимся темпом ежегодно миллионы новых фактов и на их основе создает множество крупных и мелких эмпирических обобщений. Ни научные теории, ни научные гипотезы не входят, несмотря на их значение в текущей научной работе, в эту основную и решающую часть научного знания.

Однако надо помнить, что без научных гипотез не могут быть точно поставлены эмпирические обобщения и критика фактов и что значительная часть самих фактов, самого научного аппарата создается благодаря научным теориям и научным гипотезам. Научный аппарат должен быть всегда критически учтен, и всякий ученый, оценивая факты и делая из них эмпирические обобщения, должен считаться с возможностью ошибки, так как проявление влияние – в установлении фактов научных теорий и научных гипотез может их факты исказить.

Основное значение гипотез и теорий – кажущееся. Несмотря на то огромное влияние, которое они оказывают на научную мысль и научную работу данного момента, они всегда более преходящи, чем непререкаемая часть науки, которая есть научная истина и переживает века и тысячелетия, может быть, даже есть создание научного разума, выходящее за пределы исторического времени – незблемое во времени геологическом – «вечное».

Основной неоспоримый вечный остов науки, далеко не охватывающий всего ее содержания, но охватывающий быстро увеличивающуюся по массе данных сумму знаний, состоит, таким образом, из 1) логики, 2) математики и 3) из научного аппарата фактов и обобщений, растущего непрерывно в результате научной работы в геометрической прогрессии, научных фактов, число которых сейчас много превышает наши числовые представления – порядка 1010, если не 1020. Их столько, «сколько песчинок в море». Но эти факты сведены в такую форму, что ученые, взятые в совокупности, – наука данного времени, – могут легко и удобно ими пользоваться. На этом научном аппарате логически, а иногда и математически строятся бесчисленные эмпирические обобщения.

Эта основная часть науки, отсутствующая и в философии и в религиозном построении мира, обрастается научными гипотезами, теориями, руководящими идеями, иногда концепциями, непререкаемая достоверность которых может быть оспариваема.

Такое положение науки в социальной структуре человечества ставит науку, научную мысль и работу совершенно в особое положение и определяет ее особое значение в среде проявления разума – в ноосфере.

Это представление об особом положении научных истин, об их обязательности, до сих пор не является общепринятым. Больше того, приходится считаться с обратным представлением. Представление об общезначимости научных истин является новым достижением в истории культуры, только-только прокладывающим себе путь в сознании человечества.

Религиозные представления, основанные на вере в особый характер религиозных истин, – в частности, представления о них как об откровениях Божества, которые не может быть оспариваемы и должны быть восприимчивы как безусловная истина для всех – верующих и неверующих – обязательная, не могущая возбуждать никаких сомнений, – еще далеко не изжиты, и лишь после больших и долгих страданий, с борьбой, длившейся столетия, в значительной части Западно-Европейских и Американских государств достигнут компромисс. Создалась возможность фактически не считаться с идейно не замершими и формально господствующими религиозными утверждениями верующих христианских, еврейских, мусульманских и других церквей, обладающих реальной силой. Известная – недостаточная – свобода научной мысли, однако, обеспечена.

С конца XVIII в., с колебаниями в ту и другую сторону, представление об исключительной в социальных условиях общеобязательности научных истин получает все большую реальную силу, но не может считаться обеспеченным в прочности даже простой терпимости – признания их силы наряду с религией и философией. Борьба не кончена. Для подавляющей массы человечества религиозная истина выше и убедительнее научной, и последняя должна уступить, когда между ними оказывается противоречие. Но уступить она по своей природе не может.

Борьба, взятая в целом, явно склоняется в пользу научного знания. В XX в. победное шествие научной мысли – в ослаблении и свободе от религиозных ограничений – охватывает все человечество. Восток Европы, вся Азия и Африка, Южная Америка и океанические острова им охвачены. С включением великого центра многотысячелетней культуры – Индии – в современную научную работу, с возрождения после многих столетий застоя в XX в. ее свободной научной и философской мысли научная организация получила новую силу – ученых – для которых поколениями религиозное сознание оставляло полную свободу научного искания. Мне кажется, для будущего надо учитывать это новое усиление научной работы человечества.

В последнее время мы переживаем ухудшение в этой области благодаря тому, что на место все более ослабевающего религиозного пафоса веры в непреложность и в будущее вселенского единства религиозного понимания человека и реальности, выступают преходящие социальные, государственные представления, грубой силой охраняющие себя от могущих быть сомнений в их непреложности. Появляется новая по существу социальная форма жизни, резко неблагоприятно отражающаяся, даже идеологически, на свободе научного искания.

По существу, это связано с непризнанием той свободы мысли и свободы научного искания, которая в европейских и североамериканских демократических государствах XX в. была добыта в значительной мере в связи и во время борьбы за свободу религиозного верования, после того, как единая католическая церковь не смогла уничтожить инаковерующих.

В сложной политической и социальной обстановке в течение столетий давление церковное ослабло, но государственная власть воспользовалась тем же средством давления для борьбы со свободой научной мысли, борясь

со своими социальными и политическими противниками. В сущности, научная мысль при правильном ходе государственной работы не должна сталкиваться с государственной силой, ибо она является главным, основным источником народного богатства, основой силы государства. Борьба с ней – болезненное, преходящее явление в государственном строе.

Государственная власть боролась и с религиозными верованиями, в действительности не с их идеологией, но с вредным, с ее точки зрения, их выявлением в той социально-политической среде, которая являлась основной подпочвой государственной власти. Классовые, партийные и личные интересы и поддержание неравномерного распределения народного богатства, не обеспечивающего зажиточную жизнь всех, определяли государственную политику. Они определяли и государственную политику в вопросе о свободе веры и связанной до известной степени с этим свободы научного творчества.

Только в немногих странах получилась довольно полная, но все-таки неполная возможность свободного научного искания. Наиболее полно она достигнута в странах скандинавских, больших англо-саксонских демократиях (но, например, в Британской империи ее нет в Индии) и во Франции, может быть, Китае.

В нашей стране ее никогда не было, нет и сейчас.

В ряде государств это государственное ограничение свободной научной мысли явно или скрыто принимает характер государственной религии.

Оно является государственной религией Японии в учении об императоре как потомке Солнца. Государство борется, как с преступлением с непризнанием правильности этого догмата, с обязательным обучением ему всех детей во всех школах.

...В царской России непрерывно существовали попытки к созданию государственной религии по своим догматам – политической религии, как говорил С. С. Уваров сто лет назад. При полном подчинении духовенства государству религия носила ярко политический характер и находилась в скрытом противоречии с не имевшим возможности свободно выражаться общественным мнением.

Сейчас мы переживаем переходный период, когда огромная часть человечества не имеет возможности правильно судить о происходящем, и жизнь идет против основного условия создания ноосферы.

Очевидно, это преходящее явление.

Государственная власть по существу идет при этой борьбе против своих интересов, по пути не поддержания силы государства, а поддержания определенного социального строя, причем борьба эта является проявлением более глубоких черт, чем те, которые обнаруживаются в экономической структуре общества. Они свойственны и капиталистическим и социалистическим (и анархическим?) государственным образованиям.

Проявилось реально то, что в действительности глубоко лежало в основе вековой борьбы с государственной властью за свободу мысли, когда в сущности дела шла борьба за охрану существующего социального и экономического распределения народного богатства, за государственно признанное религиозное понимание жизни и за интересы носителей власти.

При таких условиях корни происходящего государственно-социального давления на свободу научного искания оказываются менее глубокими после отхода на второй план идеологического их обоснования – религиозных основ государственной политики. Они более реальны и явно более проходящи.

Социально-политическое давление на свободу научного искания не может остановить научную мысль и научное творчество надолго, так как современная социально-политическая государственная жизнь в своих основах все глубже и сильнее захватывается достижениями науки и все более зависит от нее в своей силе.

Такое государственное образование в ноосфере неизбежно непрочно: наука в ней будет в конце концов в действительности решающим фактором.

Это неизбежно должно проявиться в государственной структуре. Интересы научного знания должны выступить вперед в текущей государственной политике. Свобода научного искания есть основное условие максимального успеха работы. Она не терпит ограничений. Государство, которое предоставляет ей максимальный размах, ставит минимальные преграды, достигает максимальной силы в ноосфере, наиболее в ней устойчиво. Границы кладутся новой этикой, как мы дальше увидим, с научным прогрессом связанной.

Это является неизбежным, так как оно связано со стихийным природным процессом, неотвратно грядущим, полного превращения биосферы в ноосферу. По окончании этого превращения, в ноосфере не может быть по существу ее структуры препятствий свободе научного искания.

Сложнее соотношение науки с философскими учениями, которые фактически лежат и в основе государственного строя, не признающего свободы научного искания. Та или иная из философий заменяет при этом отходящую религиозную идеологию.

Положение философии в структуре человеческой культуры очень своеобразно. Она связана с религиозной, социально-политической, личной и научной жизнью неразрывно и многообразно. Она занимает меняющееся положение по отношению к религии, и существует огромный диапазон, все растущий, ее пониманий и представлений. Огромное число относящихся к ней или могущих относиться к ней проблем, постоянно растущих, непрерывный переход от нее ко всем вопросам обыденной и государственной жизни, здравого смысла и морали дают возможность принимать участие в ее работе всякому мыслящему и задумывающемуся над происходящим человеку. Подготовкой к ней, как и к религии, является всякая вдумывающаяся сама в себя личность – ее быт и социальная жизнь.

Можно быть философом, и хорошим философом, без всякой ученой подготовки, надо только глубоко и самостоятельно размышлять обо всем окружающем, сознательно жить в своих собственных рамках. В истории философии мы видим постоянно людей, образно говоря, «от сохи», которые без всякой другой подготовки оказываются философами. В самом себе, в размышлении над своим я, в углублении в себя – даже вне событий внеш-

него для личности мира – человек может совершать глубочайшую философскую работу, подходить к огромным философским достижениям.

Наряду с этим философии учат, и, действительно, философии можно и нужно учиться. Произведения великих философов есть величайшие памятники понимания жизни и понимания мира глубоко думающими личностями в разных эпохах истории человечества. Это живые человеческие документы величайшей важности и поучения, но они не могут быть общеобязательны по своим выводам и заключениям, так как они отражают: 1) прежде всего человеческую личность в ее глубочайшем размышлении о мире, а личностей может быть бесконечное множество – нет двух тождественных; и отражают во 2-х выработанное свое понимание реальности; таких пониманий может быть по существу не так уж много; они могут быть собраны в небольшое число основных типов. Но не может быть среди них одно единое, более верное, чем все другие. Критерия ясного и определенного для этого нет и быть не может.

Этот взгляд на философию, на ее положение в культурной жизни не является господствующим. Резкое отделение философии от науки, которое здесь проводится, не является общепринятым и может встретить возражения. Но основное положение, что одновременно сосуществуют многие различные философии и что выбор между ними на основе истинности одной из них не может быть логически сделан – есть факт, против которого спорить не приходится. Можно лишь верить, что это будет не всегда, хотя всегда было.

Для моих задач достаточно основываться на таком факте – в таком его выражении – и в нашу эпоху всюдности человеческой жизни и бесспорной общеобязательности научных фактов и научных истин, научно правильно установленных, необходимым и правильным будет резко отделять философию от единой науки, дальше не углубляясь, всегда ли это будет так, или нет.

Из этого ясно, что философии надо учиться, но нельзя с помощью только учения сделаться философом. Ибо основной чертой философии является внутренняя искренняя работа размышления, направленная на реальность, нас окружающую, как на целое или на отдельные ее части.

В основе философии лежит примат человеческого разума. Философия всегда рационалистична. Размышление и углубленное проникновение в аппарат размышления – разум, неизбежно входят в философскую работу. Для философии разум есть верховный судья; законы разума определяют ее суждения. Это есть верховное начало знания. Для натуралиста разум есть преходящее проявление высших форм жизни *Homo sapiens* в биосфере, превращающий ее в ноосферу: он не есть и не может быть конечной, максимальной формой проявления жизни. Им не может явиться человеческий мозг. Человек не есть «венец творения». Философский анализ разума едва ли может дать отдаленное понятие о возможной мощности познания на нашей планете в ее геологическом будущем. Рост разума с ходом времени, насколько он изучен, не дает нам для этого никаких данных на протяжении всех тысячелетий существования науки. Однако отрицать эту возможность как реальную нельзя. В порядке десятитысяче-

летий изменение мыслительного аппарата человека может оказаться вероятным и даже неизбежным.

Все же основанная на глубочайшем анализе разума, более того, на психическом проявлении живого «я», в его максимальных в настоящую человеческую эпоху проявлениях, эта основная база философии не может служить мерилom научного знания, так как современное научное знание в своем научном аппарате, неизбежно захватывающем будущее ноосферы, имеет научную эмпирическую базу, значительно более мощную и прочную, чем указанная база философии.

Процесс размышления, то есть применение разума к пониманию реальности, общ и для науки, и для философии. Он должен иметь, однако, в связи с указанным другой характер в этих проявлениях духовной жизни личности.

С процессом философского размышления связан вопрос, стоящий перед ним в течение веков и до сих пор не решенный, так как до сих пор многими философами же отрицается и не может быть логически опровергнут (но не может быть другими и доказан): существует ли особая область философского познания, особое проявление разума – «внутренний опыт», – позволяющее философии вскрывать новые проявления реальности.

Хотя это до сих пор спорно, в действительности всегда философы, вдумываясь в реальность, правильно вводили в нее и собственный аппарат познания – разум – и подвергали его тому же процессу о нем размышления, какой обращали на другие стороны «внешней им реальности».

Такая работа не происходит в науке, прежде всего потому, что она требует чрезвычайно много времени и специальных знаний и ее введение в текущую работу ученого не оставило бы ему места для его основной научной мысли.

Я не буду останавливаться на этой стороне философской работы, так как она выходит за пределы тех достижений философии, которые могут интересовать натуралиста, работающего в новых областях знания, каким является биогеохимия. Ибо для этих областей знания совершенно не проделана философская работа анализа новых руководящих понятий, на которых строятся эти науки, идей, нередко чуждых и новых для философского мышления. Этот философский анализ, столь необходимый для роста науки, недоступен для ученого, как я указывал, просто из-за неизбежной экономии его мысли.

Пока такая работа не будет сделана философами и не будет выяснено то философски новое, что вносится научным поиском в нашу эпоху взрыва научного творчества, ученый, работающий в этих новых областях знания, вынужден ждать и должен оставлять в стороне в большинстве случаев суждения философов, не охвативших философским анализом необозримое количество по существу новых фактов, явлений и эмпирических обобщений, научных теорий и научных гипотез, непрерывно создаваемых научным творчеством. Для ученого совершенно ясно, что, не проделав указанную работу над новым материалом, философ должен приходить к искаженным выводам.

Ниже я вернусь еще раз к этому вопросу; поскольку работа философа направляется на размышление над реальностью вообще, над естественными телами и над явлениями реальности в частности, ученый не может не считаться с работой философа, должен использовать его достижения, но не может придавать ей того же самого значения, какое он придает основной части своего знания.

Обращаясь к реальному проявлению философии в культуре человечества, мы должны считаться с существованием множества более или менее независимых, разнообразных, сходных и несходных, противоречащих философских систем и концепций, огромная часть которых не имеет последователей, но все же еще может влиять на жизнь, благодаря наличию печатных всем доступных ее выражений.

Можно найти среди них резко противоречащие, исключаящие друг друга представления и системы, положительные и отрицательные, оптимистические и пессимистические, мистические, рационалистические и «научные».

Не может быть и речи об их согласовании и о нахождении какого-нибудь единого, общего, всеобнимающего представления. Наоборот. Попытки создания единой философии, для всех обязательной, давно отошли в область прошлого. Попытки ее возрождения, которые делаются в нашем социалистическом государстве созданием официальной, всем обязательной диалектической философии материализма, учитывая быстрый и глубокий ход научного знания, обречены. Едва ли можно сомневаться сейчас, после 20-летней давности, что сама жизнь без всякой борьбы ярко выявляет их эфемерное значение.

Сила философии в ее разнородности и в большом диапазоне этой разнородности.

С ходом времени, благодаря усложнению и углублению жизни, благодаря росту научного знания, появлению новых наук и огромному значению новых научных проблем и открытий разнообразие философских представлений в наше время растет в такой степени, в какой этого никогда не было. Философ, несмотря на это, однако, отстает все больше и больше от философской обработки научного знания.

Положение современной философии Запада усложняется еще тем, что, наряду с ней, в человечестве существует – на Востоке, главным образом в Индии – другой комплекс великих философских построений, развивавшийся самостоятельно, вне серьезного контакта и влияния философии Запада, в течение долгих столетий живший своей самостоятельной жизнью. Этот комплекс философских построений развивался вне влияния монотеизма, в совершенно чуждой нам религиозной атмосфере, в высоких горных областях юга, в тропической природе, совершенно чуждой западному европейцу – христианину или еврею, в художественной или социальной среде.

Величайшим в истории культуры фактом, только что выявляющим глубину своего значения, явилось то, что научное знание Запада глубоко и неразрывно уже связалось в конце XIX столетия с людьми, с учеными, находящимися под влиянием великих восточных философских построе-

ний, чуждых ученым Запада, но философская мысль Запада пока слабо отразила на себе это вхождение в научную западную мысль живой, чуждой ей философии Востока; этот процесс только что начинает сказываться.

Ученые, чуждые нашей философской и религиозной культуре, охватывающие, численно большую по числу часть человечества, вошли, как равные, в научную работу и быстро занимают в ней равное положение. Ясно, что вопрос недолгого времени, когда это проявится с неоспоримой убедительностью и даст последствия, которые не учитываются западной философией.

Научная работа, все усиливаясь, идет под все большим, чувствуемым влиянием людей иной религиозно-философской культуры, чем наша европейско-американская.

Мы увидим позже, что новые области естествознания, к которым принадлежит биогеохимия, в области философии Востока встречают более важные и интересные для себя наведения, чем в философии Запада.

Под влиянием современной науки, новых областей знания в первую голову, началось, может быть в связи с этой неожиданной ее близостью к новым научным концепциям, после многовекового перерыва, возрождение философской работы в Индии на почве своей древней философии и мировой современной науки. Она оживает и возрождается – находится на подъеме, когда философия Запада творчески все еще на ущербе.

Казалось бы, при таком хаотическом состоянии философской мысли XX в., при отсутствии в ней на Западе живого, большого творчества, при невозможности найти критерий истинности ее утверждений и при одновременном существовании равноценных и противоположных живых философских представлений на Востоке – значение этой философии для находящейся в творческом расцвете научной мысли должно было бы быть второстепенным. В действительности это не так, особенно в то время, когда складываются новые науки, области знания, раньше чуждые науке, проблемы которых до сих пор являются всецело уделом векового, западноевропейского, главным образом философского и религиозного творчества.

Дело в том, что философский анализ отвлеченных понятий, во множестве зарождающихся в новой науке, в ее новых проблемах и в научных дисциплинах, необходим для научного охвата новых областей. Ученый, как общее правило, не может идти здесь благодаря необходимости овладевать техникой философского анализа, требующей долголетней подготовки – так глубоко, как философ. К тому же далеко не все утверждения науки являются общеобязательными, такими они совсем не оцениваются в философии, и долго могут существовать сомнения в логической ценности основных научных выводов. Это особенно ярко должно выражаться в новых науках и в по существу новых проблемах. Правда, здесь как раз вековая философская подготовка мысли является нередко еще более слабой.

В областях, только что наукой захватываемых, как это имеет место сейчас, мы встречаемся с уже готовыми представлениями, выработанными или высказанными философами, раньше охвата их наукой, с которы-

ми приходится считаться. Наука должна их преодолеть. Частью они не отвечают действительности, но частью в известной мере подходят к тому объяснению реальности, которое впервые дает в этих областях новое научное знание; требуется только уточнение и новое понимание реальности.

Но взрыв научного творчества, ныне переживаемый, связан не только с созданием новых областей научного знания, новых наук (§ 94): он идет по всему фронту научного творчества, меняет резко и глубоко все, даже древнейшие научные понятия, такие основные, например, как время и материя, отражается на всем содержании науки и на самых древних, долго неподвижных ее достижениях.

Но помимо этого, наука и философия находятся непрерывно в теснейшем контакте, так как в известной части касаются одного и того же объекта исследования.

Философ, углубляясь в себя и связывая с этим своим систематическим размышлением картину реальности, в которую он захватывает и многие глубокие проявления личности, едва затронутые или совсем незатронутые наукой, вносит в нее, как я уже упоминал, своей методикой, поколениями выработанной, логическую углубленность, которая недоступна в общем для ученого. Ибо она требует предварительной подготовки и углубления, требующих специализации, времени и сил, которые не может отдавать им ученый, время которого целиком захвачено его специальной работой. Поскольку анализ основных научных понятий совершается философской работой, натуралист может и должен (конечно относясь критически) им пользоваться для своих заключений. Ему некогда самому его добывать.

Граница между философией и наукой – по объектам их исследования – исчезает, когда дело идет об общих вопросах естествознания. Временами даже называют эти обобщающие научные представления философией науки. Я считаю такое понимание вековых объектов изучения науки неправильным, но факт остается фактом: и философ, и ученый охватывают общие вопросы естествознания одновременно, причем философ опирается на научные факты и обобщения.

Ученый же не должен выходить, поскольку это возможно, за пределы научных фактов, оставаясь в этих пределах, даже когда он подходит к научным обобщениям.

Это, однако, не всегда для него возможно и не всегда им делается.

Тесная связь философии и науки в обсуждении общих вопросов естествознания («философия науки») является фактом, с которым как таковым приходится считаться и который связан с тем, что и натуралист в своей научной работе часто выходит, не оговаривая или даже не осознавая этого, за пределы точных, научно установленных фактов и эмпирических обобщений. Очевидно, в науке, так построенной, только часть ее утверждений может считаться общеобязательной и непреложной.

Но эта часть охватывает и проникает огромную область научного знания, так как к ней принадлежат научные факты – миллионы миллионов фактов. Количество их неуклонно растет, они приводятся в системы и классификации. Эти научные факты составляют главное содержание

научного знания и научной работы. Они, если правильно установлены, бесспорны и общеобязательны. Наряду с ними могут быть выделены системы определенных научных фактов, основной формой которых являются эмпирические обобщения.

Это тот основной фонд науки, научных фактов, их классификаций и эмпирических обобщений, который по своей достоверности не может вызывать сомнений и резко отличает науку от философии и религии. Ни философия, ни религия таких фактов и обобщений не создают.

Наряду с ним мы имеем в науке многочисленные логические построения, которые связывают научные факты между собой и составляют исторически проходящее, меняющееся содержание науки – научные теории, научные гипотезы, рабочие научные гипотезы, конъюнктуры, экстраполяции и т. п., достоверность которых обычно небольшая, колеблется в значительной степени; но длительность существования их в науке может быть иногда очень большой, может держаться столетия. Они вечно меняются и по существу отличаются от религиозных и философских представлений только тем, что индивидуальный характер их, проявление личности, столь характерное и яркое для философских, религиозных и художественных построений, отходит резко на второй план, может быть в связи с тем, что они все же основываются, связаны и сводятся к объективным научным фактам, ограничены и определены в своем зарождении этим признаком.

Были и бывают в истории науки периоды, когда они выступали вперед и покрывали собой основу, то есть научные факты, эмпирические обобщения, системы и классификации.

Благодаря такой сложности строения науки не так просто разобраться в основном характере ее структуры и в ее резком и основном отличии от философии.

В течение времени медленно выделялся из материала науки ее остов, который может считаться общеобязательным и непреложным для всех, не может и не должен возбуждать сомнений.

Наука создалась и отделилась от своих исторических корней – художественного вдохновения, религиозного мышления (магия, теология и т. п.), философии – в разное время, в разных местах, различно для основных черт ее структуры. История этого выделения может быть сейчас намечена только в самых общих чертах.

Основные черты строения науки – математика, логика, научный аппарат – в общем развивались независимо, и исторический ход их выявления был разный.

Раньше всего выделились математические науки, непреложность и общеобязательность которых не вызывает сомнений.

Современники ее создания не сознавали значения математики, и понятно оно было после тысячелетий. Но непреложность эта реально существовала, и она оказывала в культурной среде человечества, где она выявлялась, бесспорно соответствующее влияние. Как теперь вскрывается и как указывалось раньше (§ 42), мы должны сейчас придавать гораздо больше значения древней халдейской математике (в четвертом тысячелетии до нас), чем мы

это делали раньше. Алгебра и анализ здесь достигли такой глубины, которая не отразилась до конца даже в древнеэллинской математике. Однако в эллинистическую эпоху она была вполне доступна ученым, так как халдейская научная работа шла в период IV столетия до Р.Х. и VI по Р.Х. в контакте с эллинской наукой. По-видимому, геометрическая мысль греков, не сравнимая по мощности и глубине с тем, что было ранее, все же не обнимала всего поля математического знания, тогда существовавшего.

Эллинская математика развивалась почти тысячелетие, но почти на тысячелетие прервалась в Средние века и возродилась с XVI примерно века, непрерывно развиваясь до нашего времени, выявившись в виде новой математики, с XVII столетия находящейся в быстром и непрерывном росте.

За эти последние три столетия создана грандиозная структура математических наук, истинность которых не может возбуждать сомнений и которая является одним из высших проявлений человеческого гения.

В наше время наука подошла вплотную к пределам своей всеобщности и непререкаемости. Она столкнулась с пределами своей современной методики. Вопросы философские и научные слились, как это было в эпоху эллинской науки.

С одной стороны, логистика и аксиоматика подошли к теоретико-познавательным проблемам, которые являются нерешенными и научно подойти к которым мы не умеем. С другой стороны, мы подходим к столь же пока недоступному, чисто научному решению с помощью высшей геометрии и анализа проблем реального пространства-времени.

Но, оставляя в стороне эти философские корни научного знания, опираясь только на огромную область новой математики и эмпирических обобщений, развивается взрыв научного знания, который мы сейчас переживаем и, опираясь на который, человек преобразует биосферу. Это основное условие создания ноосферы.

Едва ли много позже, тоже как создания эллинского (еще раньше) и индусского (§ 42) гения, создается другая часть точного знания, столь же всеобщая, как и науки математические, — создание наук логических и методики мышления.

В эллинистическое время в логике Аристотеля мы имеем прочные, но уже неполные для нашего времени построения — «законы», которые мы должны принимать за непреложные.

В основной своей части логика Аристотеля явилась проявлением аналитической мощи его личности, но часть логических открытий, в этой логике выявленная, связана с Платоном и была как готовая в нее включена Аристотелем из текущей жизни Академии Платона в Афинах. (Аристотель в нее вступил в 306 г. до Р. Х.).

По концепции В. Егера, которую я считаю возможным принять как рабочую гипотезу, Аристотель был первым греком, «у которого мы встречаем реальную абстракцию. Он владел всем своим думанием». До аристотелевской философии существовала только онтологическая логика; Аристотель разделил ее на элементы — слово или понятие и вещь. Мне кажется, однако, это представление в последней части должно претерпеть изме-

нение при дальнейшей работе, так как в логике Демокрита понятие вещи, по-видимому, было более глубоко выражено, чем в логике Аристотеля, и ближе в этом отношении к современной научной логике натуралиста.

Глубокого развития достигли логические углубления индусов – примерно в те же века, когда научно охватывала реальность эллинская логическая мысль. Независимость от нее создания глубоких индусских логических систем представляется нам по мере их более точного изучения все вероятнее. В то же время три столетия до Р.Х. и первые столетия после начала нашей эры обмен Востока и Запада был глубок и непрерывен; равный которому мы наблюдаем в несравнимо большем масштабе только в последние 50 лет.

Только примерно со второй половины XIX столетия логика вышла на новый путь развития, ускорившийся в наше время. Наряду с логикой аристотелевской, опирающейся на рассуждения, на законы здравого смысла, создались новые отделы логики, и в такой логике (Exact logic англосаксов) логика сливается с математикой (логистика). Эти новые течения в логике могут быть прослежены в своем зарождении до XVII в., но расцвет новой логики и те препятствия в понимании ее достижений, которые сейчас возбуждают мысль, относятся к XX столетию.

Сейчас, как мы увидим, развитие биогеохимии вызывает необходимость дальнейшего уточнения логических проблем, мне кажется, они приведут к созданию логики явлений ноосферы. Я вернусь к этому позже.

Логика теснейшим образом связана с философией и долгое время, так же как психология, с ней отождествлялась. Она развилась главным образом на философской, а не на научной основе – в этом одна из причин, почему она сейчас отстала от требований наук о природе, главным образом описательного естествознания, наук о Земле.

Часть построенный, логических представлений выходит из цикла науки и должна относиться к философии.

Гораздо позже создалась третья основа науки – научный аппарат фактов – система и классификация научных фактов, точность которых достигает предела, когда научные факты могут быть выражены в элементах пространства-времени – количественно и морфологически.

Миллионы миллионов научных фактов на этой основе непрерывно создаются, систематизируются, приводятся в форму, удобную для научной работы.

Создается и все растет удобный для обозрения небывалый научный аппарат человечества, все растущий и улучшающийся. Это есть основа новой науки нашего времени. Это по существу создание XVII-XX вв., хотя отдельные попытки, и довольно удачные ее построения, уходят в глубь веков. Но это не дает понятия о реальной истории создания научного аппарата – такого, как он есть сейчас.

За исключением астрономии, мы имеем в нем в нашем распоряжении в сущности только достижения последних столетий.

Но это не дает понятия о реальной истории создания научного аппарата. Эта история вообще не обратила на себя достаточного внимания, так

как историки науки странным образом обращали внимание главным образом на общие вопросы философского и обобщающего характера, но не дали даже для нового времени картины создания научного аппарата. Современный научный аппарат почти целиком создан в последние три столетия, но в него попали обрывки из научных аппаратов прошлого. Это прошлое нам едва известно.

В действительности, в истории научной мысли было несколько попыток его создания, охвативших подряд несколько поколений. Несколько раз начинал слагаться сознательно настоящий большой научный аппарат знания, но затем исчезал или переставал развиваться в бурных событиях политической или общественной жизни. Причины были сложны, но глубоки. Во-первых, это были периоды войн, падения культуры, междоусобия и завоевания, в которых научная работа не находила себе достаточно места для развития. Но это были и причины морального характера, когда человек в тягестях жизни искал опору не в науке, а в философии или в религии. Эти переживания были такие глубокие, что для создания аппарата не находилось ни центров работы, ни людей.

Но, сверх того, причины были и более конкретные, если можно так выразиться. Не было книгопечатания или какого-нибудь другого мощного способа распространения книг, и научная память человечества, сосредоточенная в этом научном аппарате, не могла сохраняться в достаточной мере, в выжидании лучших времен.

Мы знаем более точно движение, начавшееся в IV столетии до Р.Х. Аристотель начал работу над созданием научного аппарата в 335-334 гг. до Р.Х., когда он вернулся в Афины и создал новый центр высшей школы, независимый от Академии своего учителя Платона, тогда умершего. Ликей был центром не только философской, но и научной работы. Последняя преобладала. В нем он организовал сводку и исследование фактического материала наук, в том числе исторических и государственных — организовал в действительности научный аппарат, отвечавший концу IV в. до Р.Х. Это было научное явление первостепенной важности, однако оно не оказало того влияния, какое оно должно было бы реально вызвать.

После смерти Феофраста (в 288 г. до Р.Х.) рукописи и библиотека Аристотеля, в бурных условиях тогдашней жизни, были доступны немногим, а в конце концов сохранялись в подземном помещении и только около сорока года до Р.Х., т.е. через 180 лет, были в пострадавшем виде куплены Аполликоном из Теоса (около ста лет до Р.Х.), им приведены в некоторый порядок и сняты новые копии. Сулла, взявший Афины (86-й год до Р.Х.), перенес их после смерти Аполликона в Рим и здесь Тираннион из Амизоса привел их в порядок, и Андроникос из Родоса ввел их вновь в литературу (около 70-го г. до Р.Х.). Это наиболее достоверное представление о судьбе рукописей Аристотеля. Во всяком случае из этого видно, что организованный Аристотелем научный аппарат в течение больше двухсот лет был недоступен и не мог влиять на научную мысль. Реально этот перерыв ввел его в новую, чуждую среду, которая не вполне могла его оценить.

Два явления должны быть при этом отмечены. Во-первых, то, что он начал собираться не случайно, а явился формой выражения научной работы одного из величайших научных гениев, создан не коллективом или, вернее, коллективом во исполнение задания, данного ему одной исключительной личностью и под ее руководством. И во-вторых, что это происходило в эпоху, когда существовали условия, в которых наряду с философским знанием и пониманием окружающего, бытовала быстро развивающаяся техника на фоне необычайного расширения культурного мира и единственного момента, возобновившегося в наши дни более мощно, когда древние цивилизации Индии и Китая, Египта, Халдеи и Эллинов вступили – после многовековой изоляции – в живой обмен идейный и житейский.

Аристотель, теснейшим образом связанный с негреческой цивилизацией Македонии, язык которой был отличен от греческого, во Фракии родившийся, грек по отцу и по культуре, является совершенно исключительной личностью во всемирной истории. Мы видели его исключительное значение в освобождении науки из недр философии, в которых она до него терялась. Равно великий как ученый и как философ, в последние годы своей жизни больше ученый, чем философ, Аристотель в науке явился не только создателем в яркой форме ее логики, но и ее научного аппарата. Фигура Аристотеля на историческом фоне становится нам ясной, в связи с углублением наших знаний по истории философии, когда стали пытаться отойти от книжного его понимания, от узкой эрудиции, и воссоздать из Аристотеля, Платона и других, кого можно, живых людей.

Мне кажется В. Егер (1912) очень ярко и правильно очертил историческое значение и историческую работу этих достижений Аристотеля. Он говорил: «Для людей нашего времени научное изучение «мелочей» давно не является непривычным. Мы рассматриваем его как явление, полное достижений глубины опыта, из которого только этим путем вытекает подлинное знание реальности. Требуется живое историческое чувство, не часто встречаемое для того, чтобы ярко осознать в наше время, насколько странным и отталкивающим казался этот способ исследования для среднего образованного грека IV столетия до Р.Х., и какое революционное новшество вводил тогда Аристотель. Научная мысль должна была выковырять шаг за шагом методы, которые теперь являются ее самым надежным достоянием и самым обычным орудием. Техника упорядочения наблюдений частных, методически выполняемая, была взята из точной новой медицины конца V столетия до Р.Х. и в IV столетии до Р.Х. из астрономии Востока с ее каталогами и записями, ведшимися на протяжении веков. Прежние исследователи философии природы не выходили за пределы объяснения путем догадок отдельных, бросающихся в глаза явлений. Академия дала, как было сказано, не собрание и описание частных, но логическую классификацию отвлеченных (universal) видов и родов». «Аристотель был первый, который исследовал чувственный мир, как носитель всюду находящейся (universal) «включенной в вещество (immaterial form) формы». Эта задача была новой и по сравнению с эмпиризмом более древней медицины и астроно-

мии. Ему потребовались несказанные труд и терпение, чтобы ввести своих слушателей на эту новую стезю».

Переноса эти слагавшиеся навыки точного фактического знания во все области тогдашней науки, Аристотель собрал сам в Ликее с помощью своих учеников огромный материал. Несколько примеров позволяют понять это: он издал критически 158 конституций, организовал коллективную работу, энциклопедическую по размерам, единую по форме, по истории всех наук эллинского центра цивилизации. Это, в сущности, была история постепенного развития человеческого знания, редактированная и организованная одним из величайших его создателей, в критическую эпоху его первого в эллинском мире расцвета. Почти полная потеря этих трудов является невознаградимой. Как известно, для своих исследований в области естественной истории – минералогии, ботаники и зоологии была проделана такая же работа, которая в ничтожных остатках, в искаженном виде дошла до нас. В истории человеческой мысли Аристотель представляет неповторявшееся явление. «Как ни высок был идеал (жизни) Аристотеля сам по себе, еще более удивительно его осуществление в уме одного человека. Это есть и остается психологическим чудом, глубже проникнуть в которое не удастся».

Развитие научной мысли, как отличной от философской, в Ликейском центре в Афинах прекратилось уже после смерти второго преемника Аристотеля – Стратона из Лампсака, то есть в конце второго столетия до Р.Х. Вопросы философии, религии, морали захватили умы мыслящих людей и завладели Ликеем.

Но в это время все-таки сохранялся еще центр научной работы в Александрии, которая явилась духовным продолжением идей Аристотеля последнего периода его жизни. В Александрии в Музее и в библиотеке проявилось резкое различие между научной и между философской работой, научная мысль стала свободна, и могущественная утонченная техника эпохи Птолемея давала основу экспериментальной работе. Здесь развивалась небывалая научная работа в областях медицины и естественных наук, точной филологии, математики и логики на резком фоне, освобожденном от давления философии. Это развитие достигло максимума к концу первого века до Р.Х., может быть, захватило его начало. Но несомненно шло еще несколько столетий, по-видимому, мало проявившихся творчески. Возможно, что научная работа в этом центре продержалась несколько столетий после Р.Х. и после падения Музея и библиотеки в Александрии.

Научный аппарат, то есть непрерывно идущая систематизация и методологическая обработка, и согласно ей описание возможно точное и полное всех явлений и естественных тел реальности, является в действительности основной частью научного знания. Он должен непрерывно расти с ходом времени и изменяться, отмечать и сохранять, как научная память человечества, все кругом нас происходящее, должен все больше углубляться в прошлое планеты, в ее жизнь прежде всего, научно отмечать меняющуюся картину космоса – для нас звездного неба. Наука существует только пока этот регистрирующий аппарат правильно функ-

ционирует; мощность научного знания прежде всего зависит от глубины, полноты и темпа отражения в нем реальности. Без научного аппарата, даже если бы существовали математика и логика, нет науки. Но и рост математики и логики может происходить только при наличии растущего и все время активно влияющего научного аппарата. Ибо и логика, и математика не являются чем-то неподвижным, и должны отражать в себе движение научной мысли, которая проявляется прежде всего в росте научного аппарата.

Станным образом это значение научного аппарата в структуре и в истории научной мысли до сих пор не учитывается, и истории его создания нет. А между тем это наиболее хрупкая часть структуры научного знания. Достаточно перерыва в его создании в течение одного-двух поколений для того, чтобы научная работа человечества остановилась или, вернее, проявлялась так слабо, что геологическая роль ее в общем масштабе жизни человечества сглаживалась бы. Должны потребоваться столетия, чтобы аппарат мог вновь создаться. В истории *Homo sapiens*, которая исчисляется миллионами лет, столетия не имеют того значения, конечно, какое они имеют в нашей текущей жизни. Но научный аппарат есть проявление нашей текущей жизни и осознанная человечеством его история в его выраженных памятниках, записях, преданиях, мифах, религиозном и философском творчестве не заходит за десять тысяч лет; в этом масштабе сотня лет – большая длительность. Остатки материальной культуры идут значительно глубже и доказывают существование мыслящего человека и его социальной жизни сотни тысяч лет тому назад (§ 21). Но, как мы видели, наука в форме логики, математики, научного аппарата не заходит для нас пока глубже трех-четырёх тысяч лет. Историю этих трех-четырёх тысяч лет мы знаем более точно; с полнотой, все более и более увеличивающейся, в порядке приближения к нашему времени. Возможно, что до Аристотеля была попытка создания научного аппарата. Отрицать мы этого не можем, должны пытаться это решить, но пока нам представляется, что Аристотель был первый человек, который положил этому почин. Гораздо важнее для нас сейчас, что аппарат, по его почину созданный, окончательно замер (§ 68) и мы можем сейчас точно проследить, как он в гораздо более мощной форме был создан вновь.

История падения Средиземноморской цивилизации может быть сейчас прослежена в истории Западной Европы и Западной Азии с достаточной точностью. Гибель научного аппарата в ее масштабе представлялась современникам мелочью, так как они не могли учитывать его реальной будущности, которую мог ощутить человек только в XIX и XX столетиях.

Мы можем проследить непонятое современниками внутреннее крушение научного центра, существовавшего в Афинах и созданного Аристотелем после Стратона в середине III столетия до Р.Х. Современники не могли этого видеть. Этот центр казался им существующим до Юстиниана (527 по 565 от Р.Х.), т.е. еще многие столетия. Юстиниан в 529 г. закрыл Высшую Афинскую школу и прекратил преподавание в ней философии, но в ней давно уже не было научной работы, которая была при Аристотеле.

В смутных кровавых событиях прекратилась научная работа Александрии. Мы не знаем, однако, до сих пор точно, ни как, ни когда. Только недавно выяснилось, что этот научный центр, тоже, по-видимому, с уменьшенной научной работой, продержался еще несколько столетий в Арабских государствах, вне Александрии, преемственно с ней связанных. Очень возможно, что его научное значение было больше, чем мы это думаем, и что оно сказалось в расцвете научной работы в Арабских государствах Средневековья.

Но едва ли можно сомневаться, что научный аппарат был в это время менее мощен, чем в эпоху расцвета Александрийской школы.

Но государства арабской культуры не смогли сохранить и дать развитие прочной научной работе. В религиозной борьбе, кровавой и разрушительной, с христианством, с одной стороны, и, с другой стороны, с чуждыми исламу и христианству военными завоевателями Средней Азии, живая творческая работа в них замерла.

Она нашла себе место, благодаря сложным условиям политической и социальной жизни, в Латинском Западе, где в XIII столетии началось научное возрождение, которое в конце концов привело к современной науке.

92. Научный аппарат, благодаря открытию книгопечатания в конце XV в., получил могущественную возможность сохраняться для будущего в такой степени, как это не было возможно раньше.

Все следующие столетия все увеличивали возможности его сохранения и создания, и в XVI, XVII вв. мощно выросла новая западная Европейская наука. В это время особенно был развит и углублен научный аппарат в области филологических исторических наук и наук физико-химических. В меньшей степени был выявлен и собран научный аппарат естествознания собственно и наук биологических, в широком понимании этого слова.

Наибольшего развития достиг аппарат физико-химических наук, когда он был охвачен научной теорией и мог быть выражен в форме геометрических и числовых выражений. Огромное значение имели обобщения Ньютона, которые привели к созданию так выраженной картины мироздания. Эта картина не охватывала ни наук о жизни, ни наук о человеке, то есть не охватывала подавляющей части современного научного аппарата. Однако она позволила то, чего до сих пор в науке не было в сколько-нибудь значительной степени, позволила предсказывать события, предвидеть с огромной точностью. Это произвело огромное впечатление и привело к неправильным представлениям о характере научного аппарата и задачах научного исследования.

В науках описательного естествознания современные основы положены в середине XVII в., но окончательный сдвиг произведен К. Линнеем (1707–1778). Систематика естествознания стала доступной, и задача точного и простого исчисления всех естественных тел природы была поставлена. Первое исчисление Линнеем животных и растений привело к нескольким тысячам видов. В настоящее время это количество подходит – или превышает миллион.

Но главное то, что Линней вызвал массовое движение, многие тысячи, вероятно сотни тысяч людей в его время, обратились к изучению живой природы, к точному и систематическому определению видов животных и растений.

XIX в. явился основным в создании научного аппарата. В нем вошли в жизнь и специальные организации – частью международные – для собирания, классификации и систематизации научных фактов, и усиленное стремление к их увеличению и к их упорядочению. Одновременно весь материал приспособлен к максимальному росту коллективным трудом, поколениями: для этого созданы специальные формы организаций.

Их бесчисленное множество – институты, лаборатории, обсерватории, научные экспедиции, станции, картотеки, гербарии, международные и внутргосударственные научные съезды и ассоциации, морские экспедиции и приспособления для научной работы: суда, аэропланы, стратостаты, заводские лаборатории и станции, организации внутри трестов, библиотеки, реферативные журналы, таблицы констант, геодезические и физические съемки, геологические, топографические, почвенные и астрономические съемки, раскопки и бурения и т.п. и т.п.

Когда возможно, факты выражаются числом и мерой, по возможности численно оценивается их точность и, когда нужно, их вероятность – это стало неизбежным для физических, химических, астрономических дат.

Однако не менее точны и факты биологического и геологического характера, не поддающиеся полному математическому и числовому выражению, и факты исторические, гуманитарных наук, в том числе и истории философии, выраженные только словами и понятиями, однако, как мы увидим дальше, отличающимися по существу от слов и понятий философских и религиозных построений.

Это отличие охватывает все понятия и представления научного аппарата. Оно связано с особым логическим характером понятий и представлений, которые составляют научный аппарат. В отличие от огромного количества понятий в научных теориях и в научных гипотезах, в религии и в философии, слова и понятия научного аппарата неизбежно связаны с естественными телами и с естественными явлениями и слова, им отвечающие, должны в каждом поколении для своего правильного понимания быть сравниваемы опытом и наблюдением с отвечающей им реальностью. Логика, им отвечающая, неизбежно, как мы увидим, должна отличаться от логики абстрактных понятий. Я вернусь к этому ниже.

Но необходимо остановиться на очень распространенных представлениях о различном характере материала научного аппарата, выраженного математическими и числовыми данными, и такому выражению недоступными. В конце XVIII и в начале XIX в. получило среди ученых широкое распространение мнение, что наука только тогда получает свое полное выражение, когда она охватывается числом, в той или иной форме математическими символами. Это стремление, несомненно, в целом ряде областей способствовало огромному прогрессу науки XIX и XX столетий. Но в такой форме оно явно не отвечает действительности, ибо математические символы далеко не могут охватить всю реальность и стремление к этому в

ряде определенных отраслей знания приводит не к углублению, а к ограничению силы научных достижений.

Различие между содержанием науки и ненаучного знания, хотя бы философского, заключается не в охвате науки математикой, а в особом, точно указанном логическом характере понятий науки.

Мы имеем дело в науке не с абсолютными истинами, но с бесспорно точными логическими выводами и с относительными утверждениями, колеблющимися в известных пределах, в которых они логически равноценны логически бесспорным выводам разума.

Таким образом, мы видим, что есть часть науки общеобязательная и научно истинная. Этим она резко отличается от всякого другого знания и духовного проявления человечества – не зависит ни от эпохи, ни от общественного и государственного строя, ни от народности и языка, ни от индивидуальных различий.

Это:

Математические науки во всем их объеме.

Логические науки почти всецело.

Научные факты в их системе, классификации и сделанные из них эмпирические обобщения – научный аппарат, взятый в целом.

Все эти стороны научного знания – единой науки – находятся в бурном развитии, и область, ими охватываемая, все увеличивается.

Новые науки всецело ими проникнуты и создаются в их всеоружии. Их создание есть основная черта и сила нашего времени.

Живой, динамический процесс такого бытия науки, связывающий прошлое с настоящим, стихийно отражается в среде жизни человечества, является все растущей геологической силой, превращающей биосферу в ноосферу. Это природный процесс, независимый от исторических случайностей.

Наши авторы

БАСЮК

Виктор Стефанович

Докторант кафедры психологии развития МПГУ, министр образования Иркутской области. Работал директором учреждений интернатного типа. Проводит исследования и имеет монографии и научные статьи по проблемам психологического сопровождения детей-сирот в контексте системы развития и воспитания личности.
E-mail: bvs@irkadm.ru

Victor Basuk

PhD, doctoral candidate, Developmental Psychology chair, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Minister of Education of Irkutsk region, Irkutsk.

ВЕРНАДСКИЙ Владимир Иванович (1863–1945)

Русский естествоиспытатель-энциклопедист и мыслитель, академик Российской АН (1912); член-основатель и первый президент Украинской А.Н. (1918–1919). В 1922–1939 гг. директор Государственного радиевского института. В 1928–1945 гг. организатор и руководитель Биохимической лаборатории АН СССР. Член ряда зарубежных академий.

Исследования Вернадского были посвящены минералогии, кристаллографии, основанным им новым разделам науки, разработки концепции биосферы и её перехода в ноосферу, философии. Мировоззренческой позицией в его творчестве был космизм: природные и социальные процессы он рассматривал в тесной связи с космическими процессами.

Труды: Избр. соч. в 5-и т. — М., 1954 — 1960; Труды по всеобщей истории науки: 2-е изд. — М., 1988; Труды по истории науки в России. — М., 1988;

Биосфера и ноосфера. — М., 1989; Научная мысль как планетарное явление. — М., 1991; О науке, Т.1.: Научное знание; научное творчество; научная мысль. — М., 1997.

Vladimir Vernadsky

Russian naturalist — encyclopaedist and thinker; Academician of Russian Academy of Sciences (1912); founder and First President of Ukraine Academy of Sciences (1918–1919); Director of State Radium Institute (1922–1939); organizer and head of Biochemical Laboratory of Academy of Sciences of USSR (1928–1945); member of a number of foreign Academies.

ДАЙМОНД Милтон

Доктор наук, профессор Гавайского университета, Медицинской школы Д.А. Бернса. Является автором и редактором ряда книг, более ста статей. Основу публикаций автора составляют темы транссексуальности, интерсексуальности и сексуальной ориентации, а также проблемы, связанные с абортми, ВИЧ и СПИДом.

E-mail: Diamond@hawaii.edu

Milton Diamond

PhD, is a Professor at the University of Hawaii, John A. Burns School of Medicine.

ЖДАН

Антонина Николаевна

Доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Специалист в сфере истории психологии.

Наши авторы

Имеет более 200 публикаций, в том числе монографии: «Психология в Московском университете 1755 — 2005», 2007; «Российская психология: антология» / Автор составитель, — М., 2009; «История психологии: от античности до наших дней»: Учебник для вузов: Изд. 9-е, — М., 2012.
E-mail: zhdan@lift.ru

Antonina Zhdan

Sc.D. (psychology), corresponding member of RAE, professor, general psychology chair, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow.

МУХИНА

Валерия Сергеевна

Действительный член РАО и РАЕН, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой психологии развития Московского педагогического государственного университета, главный редактор журнала «Развитие личности». Специалист в области возрастной психологии, этнопсихологии, психологии личности. Область научных интересов: психологическое сопровождение ребенка, отрока, взрослого и пожилого человека; поведение человека в экстремальных условиях; человек на всех этапах возраста; этническое самосознание в контексте межэтнических отношений. Автор более 500 печатных трудов, изданных в России и за рубежом. Имеет патенты. Более 50 изданий книг на языках мира. Среди них: Близнецы: Дневник развития двух мальчиков. — М., 1969: 2-е изд. 1997; Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта: Монография. — М., 1981; Рождение личности. — М., 1984, 1987 на английском, бенгальском, маратхи и арабском; Детская психология. Учебник. — М.; Л., 1975, 1985, 1992; Психология детства и отро-

чества: Учебник. — М., 1997; Феноменология развития и бытия личности: избр. психологические труды, — (психологи отечества) — М.; Воронеж, 1999; Таинство детства: В 2-х т. — М., 1998; — СПб., 2000: 2-е изд.; — Екатеринбург, 2005: 3-е изд.; Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). — 3-е изд. исправл. и дополн. — М.; 2013; Отчужденные: Абсолют отчуждения. — М., 2009. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010: 2-е изд; Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. — М., 2011 (в соавторстве); Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению. — М., 2012 (в соавторстве); Возрастная психология. Феноменология развития: Учебник. — М., 2012: 14-е изд., стереотип. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования.
E-mail: vfly@rl-online.ru; kpr@mail.ru

Valeria Mukhina

Academician of RAE and RANS, Sc. D. (psychology), professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, the head of the Department of the Developmental Psychology, Moscow State Pedagogical University, editor-in-chief of journal «Development of personality».

ОСУХОВА

Наталия Георгиевна

Кандидат педагогических наук, заместитель главного редактора журнала «Развитие личности». Специалист по проблемам психологии личности, психологии развития, психологической практики. Область научных интересов: психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации. Автор публикаций по проблемам психологического сопровождения личности в экстремальных и кризисных ситуациях,

Наши авторы

в том числе: Психологическое сопровождение личности в кризисных ситуациях: опыт эмпирического исследования. — М., 2008; Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях: Учебное пособие. — М., 5 изд. (2005 — 2012). Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2010 года. E-mail: osyh@mail.ru;

Natalya Osukhova

Doctor of Pedagogics. Deputy chief editor of the journal «Development of Personality».

The author of the publications covering problems of the psychological accompaniment of personality in extreme and crisis situations, including the manual «Psychological help in extreme and crisis situations» (2005 – 2012) and other books.

ПЕТРОВСКИЙ

Вадим Артурович

Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией персонологии развития Института дошкольного образования и семейного воспитания РАО, профессор кафедры психологии личности МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор ГУ Высшая школа экономики, ректор Института системного консультирования. Основные направления работы: психология личности, социальная психология, психология развития, математическое моделирование рефлексивных процессов, психологическое консультирование.

Автор более 150 публикаций, в том числе монографии: Психология неадаптивной активности. — М., 1992; Личность: феномен субъектности. — Р/на/Дону, 1993; Личность в психологии: парадигма субъективности. — Р/на/Дону, 1996; Человек над ситуацией. — М., 2010.

E-mail: petrowskiy@mail.ru

Vadim Petrovskiy

Doctor of psychology, prof., corresponding member of RAO, Head of the Laboratory of the Institute of psychology, early childhood education and family education / Professor of personality psychology, Moscow State University. M.V. Lomonosov. Professor SU.

ХВОСТОВ

Андрей Анатольевич

Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-психологических проблем сознания Психологического института РАО. Специализируется в области морального сознания.

Автор большого числа публикаций по проблемам морального сознания, в том числе: Психология морального самосознания личности. — Краснодар, 2001 (в соавт.); Структура и детерминанты морального сознания. — М., 2004; Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты. — М., 2005; Моральное самосознание студенческой молодежи двух культур: дагестанская и русская традиции. — М., 2005 (в соавт.); Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. — М., 2011 (в соавт.); Отчуждение от других: От прилогов и помыслов к поступку и преступлению. — М., 2012 (в соавторстве).

E-mail: Khvostoff.A@yandex.ru

Andrew Khvostov

Sc.D (psychology), professor, leading research worker of socio-psychological problems of consciousness of Psychological Institute of RAE.

Наши авторы

ХОЛОДНЫЙ

Вячеслав Анатольевич

Кандидат медицинских наук, доцент, врач-уролог Центрального клинического санатория им. Дзержинского (г. Сочи). На протяжении десяти лет преподавал сексологию в вузах. Имеются статьи в области сексологии. Изучает особенности психосексуального развития личности.

E-mail: trojanda@rambler.ru

Vyacheslav Kholodny

Doctorate in Medicine, associate professor, urologist, Central Clinical Sanatorium named after F.E. Dzerzhinsky, Sochi.

ШЕРГИН Валерий

Драматург, ученик Николая Коляды. Автор пяти пьес, последняя из которых — «Концлагеристы» (2012), победитель Международного конкурса «Евразия — 2012», финалист конкурса «Любимовка — 2012».

Valeriy Shergin

Dramatist, student of Nikolay Kolyada. The author of five plays, the last of which is "Konzlageristy" (2012), winner of International competition "Eurasia — 2012", finalist of the competition "Lubimovka — 2012".

Наши переводчики

КУДРИНА Алена

Ассистент кафедры лексики английского языка факультета иностранных языков МПГУ, соискатель кафедры психологии развития факультета педагогики и психологии МПГУ.
alyonakudrina@gmail.com

Alyona Kudrina

Teaching assistant at Department of Lexis, Faculty of Foreign Languages, MPGU, post-graduate student at Department of Developmental Psychology, Faculty of Pedagogics and Psychology, MPGU.

**По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.: (499) 730-38-61**

Журнал «Развитие личности» публикует оригинальные теоретические работы и исследования, практические разработки, архивные материалы и переводы по проблемам развития, воспитания и бытия личности в различных социальных, культурных и этнических условиях.

В редакцию принимаются материалы объемом для докторов и канд. н. до 1 п.л. и 0,5 п.л. для аспирантов, представленные по электронной почте info@rl-online.ru. Автор статьи заявляет себя через имя и фамилию.

Библиографические ссылки при цитировании приводятся в конце статьи по порядку упоминания в тексте. Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования. Указываются: автор, название, место и год издания, страницы. В тексте после цитаты указываются порядковый номер ссылки и страницы в квадратных скобках.

Упоминание персоналий обязательно с инициалами.

Текст сопровождается вынесенными на левые поля маргиналиями – основными идеями и тезаурусом, поясняющим по ходу содержание статьи. В рукописи маргиналии оформляются жирным шрифтом перед абзацем основного текста.

После заглавия статьи дается *краткая аннотация и перечень ключевых слов* статьи на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО (полностью); ученая степень и звание; место работы и специальность; специалистом в каких областях является; область научных интересов; автор скольких публикаций и по каким проблемам с указанием монографий (название, место и год издания); контактный телефон и адрес электронной почты. Сведения об авторе, а также название статьи дается на русском и английском языках.

Плата за публикацию и рецензирование рукописей не взимается. Рецензирование проходит в течение 1–3 месяцев. Решение о публикации принимается на основе результатов рецензирования редколлегией. В случае положительного решения публикация осуществляется в порядке очередности поступления материалов в редакцию.

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-15340 от 30 апреля 2003 г.

Редакция журнала «Развитие личности»
127051, г. Москва, М. Сухаревский пер., д. 6
Тел.: (495) 608-59-74. E-mail: info@rl-online.ru
www.rl-online.ru

Издательство «Прометей»
129164, Москва, ул. Кибальчича, 6, стр. 2
Изд. лиц. №020457 от 22 июля 1997 г.

Подписано в печать с готового оригинал-макета
Формат 70х100/16. Тираж 1000 экз.

<http://ri-online.ru>
Индекс 37286
37362